В9(р)64
К 88

Управленія Виленскаго Учебнаго Округа.

39

Въ память столѣтней годовщины Отечественной войны.

Вильна въ 1812 году.

составилъ

Ѳ. А. Кудринскій.

Съ факсимиле Императора Александра I, Наполеона и нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ.

ВИЛЬНА.

1912.

Проверено 21 АВГ 2004

1972

1984г

94г

В9(Р)64
К 88

Изданіе Управленія Виленскаго Учебнаго Округа.

39

Въ память столѣтней годовщины Отечественной войны.

ПРОВЕРЕНО
ПРОВЕРЕНО
А. И. М. 1934-35 г.
А.И.М. РККА.
Нов. инв. №3533

Вильна въ 1812 году.

СОСТАВИЛЪ
О. А. Кудринскій.

Съ факсимиле Императора Александра I, Наполеона и нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ.

франс. по тексту.

Центр. Музей артиллерии, инженерн. войск и войск связи
БИБЛИОТЕКА
№ 1505

ВИЛЬНА.
1912.

Вильна. Типографія А. Г. Сыркина, собствен. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1812 г. Вильна была однимъ изъ центровъ, около которыхъ существенно сосредоточивались интересы Отечественной войны. При движеніи непріятеля въ Россію, Вильна была главнымъ пропускнымъ военнымъ пунктомъ непріятельскихъ войскъ. Во время войны Вильна осуществляла установленныя Наполеономъ правительственныя функціи Великаго Княжества Литовскаго. При обратномъ движеніи французовъ, здѣсь разыгрались заключительныя дѣйствія великой военной драмы. Вотъ почему небезынтересно исторически прослѣдить жизнь Вильны въ 1812 году въ связи съ общимъ положеніемъ Сѣверо-западнаго края.

Задачей настоящаго изслѣдованія было не столько повтореніе извѣстнаго уже матеріала объ Отечественной войнѣ (безъ повторенія въ такой или формѣ, какъ извѣстно, не обходится ни одно историческое изслѣдованіе), сколько разработка новыхъ, еще неиспользованныхъ документальныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, представляющихъ собой сырой матеріалъ, не связанный общей мыслью и не освѣщенный исторической перспективой.

Въ основу своего изслѣдованія мы положили почтенный трудъ К. Военскаго: „Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г.“, т. I. Спб. 1909 г. Это очень цѣнный сборникъ разрозненныхъ документовъ. Важнымъ источникомъ служило затѣмъ для насъ изданіе Виленской археографической комиссіи: „Акты, издаваемые Виленскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ“, т. XXXVII. Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Вильна. 1912 г. Цѣнный матеріалъ далъ намъ архивъ бывшаго виленскаго генералъ-губернаторства, гдѣ найдено не мало данныхъ для характеристики исторической виленской старины. Хотя архивъ виленскаго генералъ-губернаторства за 1812 г. состоитъ главнымъ образомъ изъ оффи-

ціальныхъ документовъ, касающихся войскъ, администраціи края и связанныхъ съ ними вопросовъ, тѣмъ не менѣе, въ немъ удалось найти нѣкоторыя данныя, характерныя для сужденія и о бытовой сторонѣ Вильны *).

Сознаемъ, что не все, касающееся Вильны 1812 года, вошло въ изслѣдованіе. Въ настоящее время, когда каждую недѣлю въ Россіи и за границей, въ разныхъ изслѣдованіяхъ появляются новые матеріалы, относящіеся къ 1812 г., положительно нѣтъ возможности услѣдить за всѣми свѣдѣніями. Когда время отодвинетъ отъ насъ юбилейный годъ, явится возможность дать болѣе полную сводку всего историческаго матеріала, касающагося Отечественной войны. Тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что и настоящій трудъ можетъ имѣть свое значеніе, въ виду отсутствія работъ, которыя объединяли бы существующій матеріалъ, касающійся Вильны въ 1812 г.

Авторъ.

*) Считаю долгомъ выразить благодарность правителю канцеляріи виленскаго генералъ-губернаторства, полковнику А. Г. Загряжскому за любезное разрѣшеніе пользоваться архивомъ виленск. генералъ-губернаторства для настоящаго труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран
I.	Экономическій упадокъ Франціи—какъ общая причина войны 1812 г. Распоряженія русскихъ властей въ Сѣверо-западномъ краѣ предъ войной	1 — 6
II.	Выѣздъ императора Александра I изъ Петербурга. Отношеніе его къ польскому и литовскому вопросамъ. Прибытіе въ Вильну. Вильна въ 1812 г.	7— 13
III.	Пребываніе императора въ Вильнѣ. Выѣзды для осмотра войскъ. Загородныя прогулки императора	14— 18
IV.	Графъ Луи де-Нарбоннъ въ Вильнѣ. Безуспѣшность его миссіи	19— 23
V.	Настроеніе общества. Балъ въ Закретѣ. Выѣздъ императора. Выступленіе русскихъ изъ Вильны	24— 33
VI.	Вступленіе французовъ въ Вильну. Въѣздъ Наполеона.	34— 44
VII.	Пріемъ Наполеономъ Балашева, литовскаго дворянства и университетскихъ корпорацій	45— 51
VIII.	Отношеніе къ событіямъ „Курьера Литовскаго". Мародеры	52— 60
IX.	Отношеніе Наполеона къ польскому и литовскому вопросамъ. Пріемъ депутатовъ варшавской конфедераціи	61— 65
X.	Административное устройство края. Присоединеніе Литвы къ варшавской генеральной конфедераціи. Выѣздъ Наполеона изъ Вильны.	66— 75
XI.	Военныя дѣйствія. Передвиженіе русскихъ войскъ. Безпорядки въ интендантствѣ	76— 81
XII.	Сформированіе въ Литвѣ военныхъ отрядовъ. Пожертвованія на военныя нужды	82— 89
XIII.	Вильна въ лѣтніе мѣсяцы 1812 г. Болѣзни. Административныя распоряженія и воззванія временнаго литовскаго правительства, вызванныя войной	90— 98
XIV.	Вильна въ августѣ 1812 г.	99—104
XV.	Вильна въ сентябрѣ—октябрѣ 1812 г.	105—109

Стран.

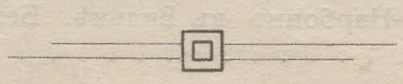
XVI. Затруднительное положеніе Наполеона. Какъ понималось это положеніе въ Вильнѣ. Приготовленія Вильны къ пріему возвращавшихся французовъ . . . . . 110—114

XVII. Бѣгство великой арміи. Положеніе французовъ въ Вильнѣ. Перемѣна отношеній поляковъ къ французамъ. 115—124

XVIII. Русскіе въ Вильнѣ. Пріѣздъ императора Александра. Амнистія. Новыя военныя распоряженія . . . . . 125—134

XIX. Борьба съ болѣзнями. Очищеніе Вильны отъ труповъ. Заботы о военноплѣнныхъ . . . . . 135—141

XX. Ликвидація войны 1812 г. въ Вильнѣ . . . . . 142—153



I.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о причинахъ войны 1812 г. Распоряженія русскихъ властей въ сѣверо-западномъ краѣ передъ войной.

Причина войны. Одинъ изъ русскихъ писателей сказалъ, что „двѣнадцатый годъ былъ собственно великой политической ошибкой, обращенной духомъ русскаго народа въ великое народное торжество“ [1]). Война не вытекала изъ національныхъ коренныхъ интересовъ Россіи. При болѣе національной политикѣ, она могла бы быть избѣгнута. Для большинства русскихъ не совсѣмъ было ясно, изъ-за чего происходитъ столь кровопролитная война.

Въ настоящее время уже съ достаточной ясностью установлены причины наполеоновскихъ войнъ 1812 г. Онѣ заключались: 1) въ разницѣ экономическихъ интересовъ Россіи и Франціи, повлекшей за собой непризнаніе Россіей континентальной системы, введенной Наполеономъ; 2) въ тарифныхъ несогласіяхъ и 3) въ совершенно произвольномъ образѣ дѣйствій Наполеона въ Европѣ, вообще, и въ Польшѣ и въ герцогствѣ Ольденбургскомъ, въ частности.—Послѣдняя причина—второстепенная. Главной—были экономическіе интересы. Великаго и могущественнаго повелителя Европы гнала въ предѣлы Россіи экономическая необходимость.

Такъ называемая континентальная система, имѣвшая своей цѣлью ослабить Англію посредствомъ торговаго бойкота ея товаровъ, вызвала паденіе денежныхъ цѣнностей во всей Европѣ,—но особенно сказалась тяжелыми послѣдствіями въ хозяйственной и торговой жизни Франціи. Историки единодушно говорятъ о рѣзкомъ контрастѣ между великолѣпіемъ двора Наполеона и состояніемъ народныхъ массъ во Франціи. Этотъ контрастъ бросался въ глаза въ дни празднествъ, сопровождавшихъ крещеніе наслѣдника Наполеона, „короля Рим-

---

[1]) Н. Я. Данилевскій: „Россія и Европа“. Спб. 1889 г., стр. 42.

скаго“ (лѣтомъ 1811 г.). Толпы безработныхъ ходили по улицамъ Антуанскаго предмѣстья. Мастерскія были пусты, но вовсе не потому, что народъ желалъ праздновать. Расклеивались прокламаціи, призывавшія народъ къ возстанію противъ наполеоновскаго режима. Издана была книга: „Бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія Наполеона“. Написанная наблюдателемъ и современникомъ Наполеона, она обстоятельно рисуетъ экономическія особенности страны. „Обыкновенный заемъ въ Парижѣ—56 процентовъ“, говоритъ авторъ. Къ общему кризису промышленнаго характера, въ 1812 г. присоединилась еще дороговизна съѣстныхъ припасовъ. На сѣверѣ Франціи, въ Нормандіи, вспыхнули хлѣбные бунты. Они дошли до такой остроты, что народъ приходилось усмирять оружіемъ. Наполеонъ вынужденъ былъ особымъ декретомъ установить размѣръ выдачи хлѣба. Франція была покрыта отрядами подвижной жандармеріи, задачей которой было разыскивать рекрутовъ, старавшихся избѣгать военной службы. Шла охота за людьми. Можно было наблюдать, какъ полицейскіе вели закованныхъ въ цѣпи, будущихъ солдатъ „великой арміи“.

Наполеонъ не могъ не знать о настроеніи страны, вызванномъ континентальной системой. Предъ нимъ вставалъ грозный вопросъ: что будетъ, если эта система продолжится? Появлялись политики, которые предсказывали паденіе Наполеона.

Несогласіе Россіи поддерживать интересы Наполеона было какъ бы фактическимъ подтвержденіемъ исполненія этихъ предсказаній. Для императора-полководца, который, по его собственнымъ словамъ, „предпочиталъ все потерять, чѣмъ что-либо упустить“ [1]), война съ Россіей, несмотря на всѣ ея трудности, стала неизбѣжной. Переговоры русскихъ дипломатовъ съ французскимъ дворомъ были безсильны предотвратить столкновеніе, и уже съ начала 1812 года Россія и Франція рѣшительно готовились къ войнѣ.

Самолюбивому воображенію Наполеона рисовались заманчивыя картины мірового величія, въ случаѣ успѣшнаго исхода новой войны. Въ 1811 году Наполеонъ въ увлеченіи говорилъ своему посланнику Прадту:

---

[1]) Тэнъ: „Наполеонъ Бонапартъ“. Москва. 1888 г., стр. 106.

— „Черезъ пять лѣтъ я буду владыкой всего міра. Остается одна Россія,—я раздавлю ее...“ „Я дрожу при мысли о войнѣ съ Россіей: послѣдствія ея неисчислимы“ [1]).

Передъ самымъ походомъ въ Россію Наполеонъ говорилъ Нарбонну:

— „Въ концѣ концовъ этотъ длинный путь ведетъ въ Индію. Александръ Великій долженъ былъ пройти столь же долгій путь, чтобы достигнуть береговъ Ганга.. Теперь мнѣ, съ противоположной стороны Евфрата, приходится направиться въ Азію, чтобы нанести тамъ ударъ Англіи... Представьте себѣ, что Москва взята, Россія побѣждена, царь въ союзѣ съ Франціей... Скажите, что помѣшаетъ тогда французской арміи и ея союзникамъ, отправившись изъ Тифлиса, достигнуть береговъ Ганга... Экспедиція эта гигантская, я это сознаю, но она исполнима въ XIX столѣтіи. Благодаря ей, Франція одновременно завоюетъ независимость Востока и свободу морей“.

Сѣв.-западн. край передъ войной.

Театромъ войны, по первоначальному предположенію, должна была быть Западная Россія. Поэтому здѣсь принимались исключительныя мѣры для военнаго усиленія границъ и обезпеченія русской арміи. Весной 1812 года Высочайшимъ рескриптомъ Виленская губернія передана въ вѣдѣніе главнокомандующаго [2]).

Секретнымъ распоряженіемъ 6 марта 1812 г. предписано слонимскому земскому исправнику запретить вывозъ за границу всякаго рода хлѣба и скота [3]). Это распоряженіе вызвано тѣмъ, что, по причинѣ мелководья, бывшаго въ 1811 году, на рѣкѣ Бугѣ остановилось много барокъ съ хлѣбомъ.

Слонимскому земскому комиссару приказано доставить необходимыя свѣдѣнія съ нарочной эстафетой о томъ, „какое количество примѣрно можно искупить по рѣкѣ Шарѣ овса и сѣна“, и какъ доставить его въ армію [4]).

---

[1]) Тэнъ: „Наполеонъ Бонапартъ“. Москва. 1888 г., стр. 46 и 102.

[2]) Высоч. рескриптъ 16 апр. 1812 г. на имя Виленск. Гражд. Губерн. К. Военскій. Акты, док. и матер. для истор. 1812 г. Т. I, стр. 398—399.

[3]) Акты Виленск. Археогр. Комиссіи, т. XXXVII, стр. 105.

[4]) Акты Виленск. Археогр. Комиссіи, т. XXXVII, стр. 105.

Предписано собирать свѣдѣнія, касающіяся политическихъ настроеній страны [1]), равно какъ и шпіоновъ, проникавшихъ въ предѣлы Россіи. „Стало извѣстнымъ,—сообщается въ секретномъ распоряженіи гражданской власти литовскаго губернаторства слонимскому земскому исправнику,—что въ недавномъ времени отправлены въ предѣлы наши два лазутчика (одинъ изъ Кенигсберга, другой изъ Гданска)“. Въ документѣ подробно описываются ихъ примѣты [2]). Главнокомандующій 1-й арміи Барклай де-Толли доносилъ въ маѣ въ Вильну великому князю Константину, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, изъ за границы выѣхалъ въ Ковну для осмотра нашихъ границъ и войскъ—полковникъ варшавскихъ войскъ—Турскій.

Распространившіяся прокламаціи въ краѣ вызвали со стороны правительства соотвѣтствующія распоряженія. Предписывалось „безъ малѣйшей огласки“ бдительно наблюдать, „не имѣются ли у кого какія-либо неприличныя объявленія, письма изъ за границы и тому подобныя бумаги“. Такого рода бумаги велѣно представлять губернатору.

Общее наблюденіе за состояніемъ губерній было поручено (въ маѣ 1812 г.) директору военной полиціи. „Его Величеству благоугодно было повелѣть поставить въ число обязанностей его (директора военной полиціи) въ особенности надзоръ въ губерніяхъ, въ коихъ расположены арміи, за выходцами, бродягами, пріѣзжающими иностранцами, вообще, сомнительными людьми; за переѣздомъ чрезъ границу, выдачею паспортовъ за границу; также наблюденіе за различными обращающимися въ публикѣ листками и другіе сему подобные въ составъ полиціи входящіе предметы; а дабы онъ имѣлъ для того нужныя средства, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, чтобъ городскія и земскія полиціи тѣхъ губерній были подчинены директору воинской полиціи, по части онаго надзора“ [3]).

---

[1]) Распоряженіе сенатора Ланского, 17 апр. 1812 г. Акты Виленск. Арх. Комиссіи, т. XXXVII, стр. 105—106.

[2]) Акты Виленск. Археогр. Комиссіи, т. XXXVII, стр. 106.

[3]) Предп. главнокоманд. 1-ю западн. арміею 13 мая 1812 г., за № 96, генер.-отъ-инфант. Римскому-Корсакову о подчин. директору воинск. полиціи городскихъ и земскихъ полицій тѣхъ губ., въ коихъ расположены арміи. К. Военскій. Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г. Т. I, стр. 399.

Власти пограничныхъ губерній обязаны были доносить въ Вильну о всякихъ событіяхъ особеннаго характера [1]).

Въ мѣсяцѣ маѣ дошло до свѣдѣнія „высшаго начальства, что въ мѣстахъ расположенія 4 корпуса арміи (въ южныхъ уѣздахъ Виленской губерніи), [2]) всѣ, вообще, жители терпятъ самую крайнюю нужду въ хлѣбѣ, и нѣкоторые уже ѣдятъ барду“. По этому поводу военный литовскій губернаторъ приказалъ „сдѣлать самовѣрнѣйшую выправку“ (т. е. разслѣдованіе), и если бы свѣдѣнія о нуждѣ оказались достовѣрными, то приказано „отпускать неимущимъ жителямъ необходимое количество хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, взаимообразно, на основаніи общихъ правилъ“ [3]).

Когда движеніе наполеоновскихъ войскъ въ Россію стало несомнѣннымъ, послѣдовало запрещеніе выѣзда изъ Россіи безъ разрѣшенія главнокомандующаго. Почтовое сообщеніе съ за границей прекратилось, равно какъ и общеніе жителей Нѣмана съ противоположнымъ берегомъ. Приказано было, чтобы всѣ взрослые мужчины, живущіе на границѣ, были вооружены пиками и содержали гражданскій караулъ. Каждый крестьянинъ долженъ былъ имѣть въ готовности извѣстное количество провіанта для солдатъ.

Изъ присутственныхъ мѣстъ г. Вильны велѣно вывозить въ Псковъ архивы и всякіе оффиціальные документы: „секретныя переписки, всѣ казенныя деньги и другія вещи, казнѣ принадлежащія, а равно и часть архива изъ правительственныхъ мѣстъ, кои хотя малое могутъ дать понятіе о землѣ, какъ то: разнаго рода планы и географическія карты, люстраціи о числѣ дымовъ и ревизскія сказки...; инвентари казенныхъ и поіезуитскихъ имѣній и другія подобныя бумаги. Дѣла повѣтовыхъ присутствій, касающіяся раскладки военныхъ повинностей, велѣно имѣть подъ рукой въ такой го-

---

[1]) Ковенскій полиціймейстеръ доносилъ виленскому военному губернатору Римскому-Корсакову, что „съ 1 мая по 1 іюня по г. Ковнѣ состоитъ все благополучно, достойныхъ примѣчанія происшествій никакихъ не случилось“. (Дѣло архива виленск. ген.-губерн. № 28, за 1812 г. Рапортъ отъ 3 іюня, № 349). Такія же донесенія слѣдовали изъ Кобрина, Бреста, Браславля и др.

[2]) Квартира 4-го корпуса находилась въ Олькеникахъ.

[3]) Распоряженіе 26 мая 1812 г. Акты Вил. Арх. Ком., т. XXXVII, стр. 106—107.

товности, чтобы онѣ могли быть взяты при отступленіи войскъ“ [1]).

Въ Западной Россіи сосредоточивались главныя наши военныя силы. Первая армія (120.000 чел.) [2]), подъ начальствомъ Барклая де-Толли, была расположена между Россіенами и Лидой (главная квартира въ Вильнѣ). Вторая—(37.000 человѣкъ), подъ начальствомъ князя Багратіона, стояла между Нѣманомъ и Бугомъ (главная квартира въ Волковыскѣ). Третья, такъ называемая резервная, обсерваціонная (46.000 чел.) [3]), подъ начальствомъ Тормасова, стояла въ южномъ Полѣсьѣ (главная квартира въ Луцкѣ, Волынской губ.). Ея назначеніе, по первоначальному плану, заключалось въ прикрытіи Вильны отъ австрійскаго корпуса. Кромѣ того, въ Молдавіи находилась русская дунайская армія, подъ начальствомъ адмирала Чичагова (около 40.000 чел.). На нее возлагались самые фантастическіе планы. Въ концѣ концовъ она была присоединена къ войскамъ Тормасова. Въ Финляндіи находилась еще особая армія, которая, по политическимъ соображеніямъ, выяснившимся послѣ свиданія императора Александра въ мѣсяцѣ августѣ въ Або съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, осталась въ Финляндіи.

---

[1]) Распоряженіе 10 іюня 1812 г. Акты Виленск. Археогр. Ком., т. XXXVII, стр. 1007—1008.

[2]) Численность первой арміи показывается историками различно: Бутурлинъ и Михайловскій-Данилевскій исчисляютъ ее въ 127.000, Богдановичъ—110.000.

[3]) По другимъ—43.000.

II.

Выѣздъ императора Александра I изъ Петербурга. Отношеніе его къ польскому и литовскому вопросу. Прибытіе въ Вильну. Вильна въ 1812 г.

Отъѣздъ Александра I въ Вильну.

Неувѣренный въ точномъ соблюденіи своихъ приказаній и опасаясь всякихъ неожиданностей въ странѣ, гдѣ, при разноплеменномъ населеніи, возможны были въ это критическое время всякія политическія и сепаративныя движенія, императоръ Александръ пожелалъ отправиться къ арміи [1]). На обѣдѣ, данномъ за нѣсколько дней до отъѣзда, онъ обратился къ присутствовавшимъ военнымъ съ слѣдующими словами: „Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную“ [2]).

Наканунѣ отъѣзда, въ полдень, въ Казанскомъ соборѣ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Императоръ выѣхалъ изъ Петербурга 9 (21) апрѣля.

Въ тотъ же день гр. Румянцевъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла Лористона и передалъ ему сообщеніе, что русскій императоръ въ Вильнѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, останется другомъ Наполеона и самымъ вѣрнымъ союзникомъ, что онъ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть

---

[1]) Оставляя Петербургъ и предвидя войну, Государь далъ особыя полномочія предсѣдателю Государственнаго Совѣта графу Салтыкову. Согласно опубликованному указу Сенату (20 марта), Салтыковъ по внутреннимъ дѣламъ Имперіи явился какъ бы замѣстителемъ императора. „По случаю отбытія Нашего изъ столицы, за благо признали Мы учредить подъ предсѣдательствомъ генералъ-фельдмаршала гр. Салтыкова комитетъ министровъ съ особой властью по дѣламъ всѣхъ министерствъ, снабдивъ его на сей случай правилами, которыми онъ руководствоваться долженъ“.

[2]) Записки гр. Е. Ф. Комаровскаго: „Русскій Архивъ“. 1867 г., стр. 765.

ея [1]); но что его отъѣздъ въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ [2]).

Императоръ ѣхалъ съ удивительной простотой. Никакой особой свиты, ни громоздкаго багажа, ни даже походной кухни не было. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ, въ которой лежалъ и весь его багажъ. Императора сопровождалъ генералъ-адъютантъ князь Волконскій и камердинеръ. Ѣхать пришлось на перекладныхъ, при довольно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: стояли холода, въ большомъ количествѣ лежалъ еще снѣгъ. Мѣстами была гололедица. Путь лежалъ по старому тракту, проходившему черезъ Псковъ, Двинскъ (Динабургъ), Свенцяны. Несмотря однако на неудобства пути, императоръ ѣхалъ очень быстро,—и на четвертый день былъ уже у Вильны.

Польскій и литовскій вопросъ въ 1812 г.

Отношеніе поляковъ и литовцевъ къ русскому императору казалось съ внѣшней стороны вполнѣ благожелательнымъ и не давало основаній для какихъ-либо тревогъ. Императоръ съ своей стороны былъ въ высшей степени внимателенъ къ западной окраинѣ и дѣлалъ для нея все, что позволяло русское достоинство.

Весной 1812 г. императоръ Александръ, угождая Польшѣ, среди приготовленій къ безспорно надвигавшейся войнѣ, нашелъ нужнымъ возвести полоцкую іезуитскую коллегію, „толикую пользу принесшую воспитаніемъ юношества“, на степень академіи. Права и преимущества ея были уравнены съ

---

[1]) Русскій императоръ неоднократно высказывалъ свои миролюбивыя чувства. Такъ, прощаясь съ французскимъ посланникомъ Каленкуромъ (въ апрѣлѣ 1811 года), отозваннымъ Наполеономъ во Францію, императоръ выяснилъ ему съ полной откровенностью положеніе дѣлъ: „У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши,—говорилъ императоръ,—я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ. Мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, а самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны, я не хочу войны, мой народъ хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ постоять за себя“.

[2]) Военно-ученый архивъ, отд. I. № 454. Письмо гр. Лористонъ къ Даву 12 (24) апрѣля 1812 г. изъ Петербурга.

университетскими. Жалованная грамота была подписана 1-го марта 1812 г. [1]).

Императоръ Александръ, какъ извѣстно, предполагалъ возстановить Польшу. Въ своемъ письмѣ къ князю Чарторыйскому 31 января 1811 г. онъ писалъ: „подъ этимъ возрожденіемъ разумѣю соединеніе всего того, что прежде составляло Польшу, со включеніемъ русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границею между ними были Двина Березина и Днѣпръ". Императоръ имѣлъ планъ даровать возстановленной Польшѣ либеральную конституцію [2]).

Литовское княжество, какъ самостоятельное цѣлое, тоже занимало императора. Онъ велъ переписку и переговоры съ графомъ Огинскимъ по вопросу объ образованіи „Великаго княжества Литовскаго". Конечно, возстановленіе Литвы ограничивало нѣсколько самостоятельность Польши. Поляки этимъ были недовольны. Въ этомъ смыслѣ высказывался Огинскій.— „Нужно дать почувствовать герцогству (варшавскому) различіе между правительствомъ,—писалъ Огинскій государю,—угнетающимъ народъ для своихъ выгодъ, заманивая обѣщаніями, которыхъ оно не намѣрено исполнить, и правительствомъ благодѣтельнымъ". Новое великое княжество литовское предполагалось образовать изъ губерній: Гродненской, Виленской, Минской, Кіевской, Подольской и областей: Бѣлостокской и Тарнопольской [3]). Графъ Огинскій (въ 1811 г.) представилъ императору нѣсколько записокъ по этому предмету. Къ одной изъ нихъ приложенъ даже проектъ манифеста объ образованіи великаго княжества литовскаго. Начавшаяся война съ Наполеономъ помѣшала практическому осуществленію этихъ совершенно необычайныхъ для исторіи Россіи „реформъ".

Въ частности, жители Вильны имѣли исключительные мотивы симпатично относиться къ русскому монарху за щедрыя пожертвованія императора въ пользу виленскаго универ-

---

[1]) Торжественное открытіе полоцкой академіи послѣдовало 10 (22) іюня 1812 г. въ присутствіи бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Александра Виртембергскаго и графа Жозефа де-Местра. По порученію государя въ Полоцкѣ находился сардинскій дипломатъ. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I", стр. 67 и 372, прим. 110.

[2]) Шильдеръ, стр. 68.

[3]) Шильдеръ, стр. 68—69.

ситета и разныхъ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій. Такъ, въ 1805 г. на перестройку виленской еврейской больницы императоръ Александръ I пожертвовалъ 3000 руб., а въ 1806 г. повелѣлъ отпускать ежегодно изъ государственныхъ средствъ по 2.500 руб. на содержаніе больницы. При утвержденіи устава виленскаго „Человѣколюбиваго общества", въ 1808 г., государь пожертвовалъ 10.000 руб., „дабы усилить способы его на помощь человѣчеству" [1]). На содержаніе виленскаго университета отпускалось 105.000 р.—громадная по тому времени сумма.

Такая политика должна была вызвать большія симпатіи Западной Россіи къ русскому императору.

Прибытіе Имп. Александра въ Вильну.

По словамъ тогдашней виленской польской газеты „Курьера Литовскаго", жители западныхъ окраинъ „были проникнуты чувствомъ живѣйшей благодарности къ своему монарху".

Торжественная встрѣча императора въ Вильнѣ вполнѣ, казалось, подтверждала это положеніе. На Антоколѣ были устроены арки изъ цвѣтовъ и зелени. Навстрѣчу государю изъ Вильны выѣхали главнокомандующій Барклай де-Толли и виленскій губернаторъ Лавинскій.

Подробное описаніе встрѣчи императора въ Вильнѣ находимъ въ „Курьерѣ Литовскомъ" [2]). „Самыя желанныя и горячія ожиданія наши исполнились,—говорилось въ газетѣ. Въ 2½ часа пополудни (14 апр., вербное воскресенье) мы увидѣли въ нашихъ стѣнахъ обожаемаго монарха. Стократные выстрѣлы изъ пушекъ и звонъ колоколовъ извѣстили объ этомъ счастливомъ событіи. Встрѣтили государя императора военный министръ, главнокомандующій I западной арміи Барклай-де-Толли съ блестящей свитой корпусныхъ генераловъ, дивизіонныхъ и другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Государь въѣзжалъ верхомъ съ предмѣстья, называемаго Антоколь. Вершины холмовъ, окружающихъ дорогу, башни, крыши, окна—все было переполнено толпой народа разнаго званія. Во главѣ депутацій шелъ городской магистратъ. Ре-

---

[1]) Полн. собр. зак., т. XXX, ст. 22, 825.

[2]) № 34, апрѣля 27 (нов. стиля) 1812 г.

месленные цехи шли съ распущенными знаменами и, опуская ихъ, съ барабаннымъ боемъ отдавали привѣтственную честь. Евреи, по своему обряду, поднесеніемъ торы и хлѣба, выражали свои чувства. На предмѣстьѣ р.-католическое черное духовенство при своихъ монастыряхъ, а капитулъ съ бѣлымъ духовенствомъ при каѳедральномъ соборѣ въ праздничномъ облаченіи поздравляли приближающагося монарха [1]). Отъ замковыхъ воротъ улицы, ведущія ко дворцу, съ одной стороны занимало войско, разставленное въ 3 шеренги, а другую сторону занимала многочисленная толпа; отъ воротъ къ главному академическому дому [2]) стояли университетская молодежь и гимназисты со своими учителями вдоль Ивановской улицы. Монархъ, проѣзжая, выказывалъ свое всемилостивѣйшее удовольствіе. Наконецъ, во дворцѣ, собравшіяся гражданскія власти, дворянство, чины университета, съ гражданскимъ губернаторомъ во главѣ, встрѣтили своего монарха, который, принявъ всемилостивѣйше привѣтствія отъ своихъ подданныхъ, удалился въ свои покои". Для государя было отведено помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ (домъ генералъ-губернатора), а для вел. кн. Константина въ домѣ Паца (гдѣ впослѣдствіи жилъ король неаполит. Мюратъ).—Весь день гремѣла музыка. Вечеромъ берега Виліи были иллюминованы пылавшими бочками.

Вильна въ 1812 г. Что представляла собою Вильна-столица Литвы—въ 1812 г.?

Сохранился рисунокъ Вильны начала нынѣшняго столѣтія, принадлежащій Андріолли. Вильна представляла собой значительный для того времени городъ. Наибольшее количество построекъ падало на центральную часть города (въ настоящее время—старая Вильна). Здѣсь находились старинные православные церкви и костелы. Часть города, прилегающая къ нынѣшнему Георгіевскому проспекту, представляла площадь съ очень небольшимъ количествомъ низенькихъ деревянныхъ домовъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся костелъ св. Якова. Мѣстность, называемая въ настоящее время Снипишками, представляла пустырь, покрытый зарослями. Около костела

---

[1]) Православное духовенство — архіепископъ литовскій Серафимъ и архимандритъ Лазарь (архіепископская литовская каѳедра находилась тогда не въ Вильнѣ, а въ Минскѣ)—опоздало и прибыло въ Вильну послѣ пріѣзда императора. (Указъ минск. конс. 15 апр. о встрѣчѣ, которая была 14-го).

[2]) Домъ, находящійся на Большой улицѣ, противъ костела св. Яна.

св. Рафаила, чрезъ Вилію лежалъ массивный каменный мостъ, на каменныхъ столбахъ.

По описанію Франка [1]), Вильна въ описываемое время имѣла видъ полнѣйшей неурядицы. Красивые дома, почти дворцы, стояли рядомъ съ ветхими домами-лачугами. Стильное зданіе городской ратуши (теперь—театръ) окружено было ветхими еврейскими лавченками. Улицы въ центрѣ города были немощеныя. На нихъ валялись разнаго рода нечистоты. Въ дождливую осень онѣ были непроходимы. Деревянныхъ домовъ было больше, чѣмъ каменныхъ, или приблизительно поровну. Свиньи, коровы, домашняя птица свободно гуляли по городу. Берега Виліи и Вилейки были загромождены навозомъ и соромъ, сваленнымъ въ кучи, превышавшія человѣческій ростъ. На предмѣстьяхъ тоже—грязь или песокъ.

Только окрестности были хороши. Холмистый Антоколь, покрытый густымъ сосновымъ лѣсомъ съ прекраснымъ костеломъ св. Петра и дворцомъ кн. Сапѣги (теперь—военный госпиталь),—производилъ прекрасное впечатлѣніе. На правомъ берегу Виліи, недалеко отъ Зеленаго моста, возвышался небольшой дворецъ Пирамонтъ (улица—Пирамонтская). Прелестную мѣстность представляли Поплавы и Закретъ. Но самымъ поэтическимъ уголкомъ были Верки. Иной характеръ носила мѣстность на югъ отъ Вильны. Вмѣсто сосенъ здѣсь возвышались плакучія березы, вмѣсто песку—красивые луга, вмѣсто рѣкъ—пруды и озера.

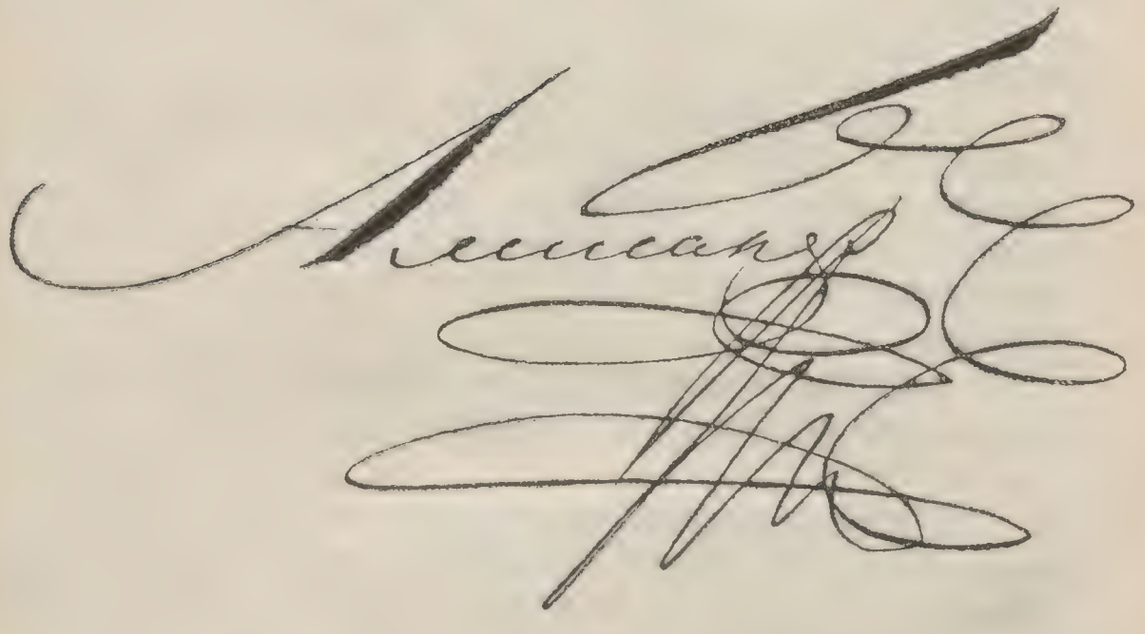
Въ 1812 году въ Вильнѣ числилось приблизительно 35.000 жителей (въ томъ числѣ—католиковъ 22,000, евреевъ—11,000, православныхъ—600, протестантовъ—500, реформатовъ—100, мусульманъ—60). Евреи занимались торговлей, протестанты—искусствами и ремеслами.

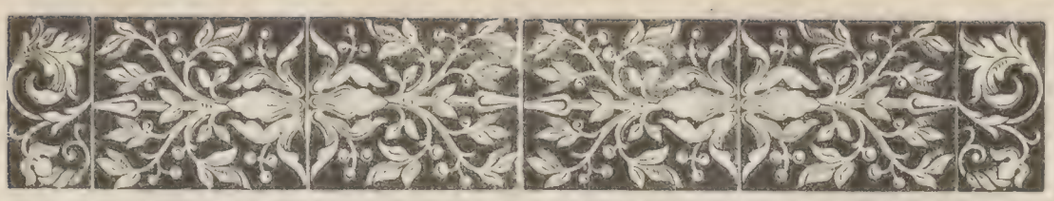
Аристократическій кружокъ Вильны составляли: Гуфье-Шуазель—сынъ французскаго посланника въ Константинополѣ, великій литовскій ловчій—графъ Коссаковскій, шефъ—графъ Тизенгаузенъ, писарь Морикони, женатый на италіанкѣ, графъ Пацъ и др. Этотъ кружокъ оживлялъ Вильну обѣдами, балами, вечерами, которые славились особымъ блескомъ.

---

[1]) Старая Вильна по Франку описана ген. Бернацкимъ въ статьѣ: „События въ Вильнѣ во время Отечественной войны“. Печаталась въ „Виленск. Военн. Листкѣ“ 1912 г. №№ 617, 618 и слѣд.

Въ Вильнѣ было два клуба: одинъ въ домѣ Миллеровъ на Нѣмецкой улицѣ (теперь домъ № 3), другой въ дворцѣ Фитингофа (теперь д. № 1 на Нѣмецкой улицѣ). Здѣсь устраивались маскарады и разнаго рода развлеченія. Клубы соперничали между собой въ этомъ направленіи.—Театръ помѣщался на Виленской улицѣ (теперь д. № 8), но въ немъ было очень холодно (зимой ниже нуля на 12°). Чрезъ потолокъ театра сверкали звѣзды на небесномъ сводѣ. Труппа управлялась г-жей Моравской. Ставились оперы, трагическія и комическія драмы.





III.

Пребываніе императора въ Вильнѣ. Выѣзды для осмотра войскъ. Загородныя прогулки императора.

Александръ I въ Вильнѣ 15—24 апрѣля.

Вильна стала центромъ русской политики Вслѣдъ за императоромъ сюда прибыли: государственный канцлеръ Румянцевъ, предсѣдатель государственнаго совѣта Кочубей, оберъ-гофмаршалъ двора гр. Толстой, генералъ Аракчеевъ, министръ полиціи Балашевъ, адмиралъ Чичаговъ, статсъ-секретарь, вице-адмиралъ Шишковъ; 22 апрѣля прибыли ольденбургскіе принцы Георгій и Августъ; 23—великій князь Константинъ Павловичъ, а 27 апрѣля—генералъ отъ инфантеріи Римскій-Корсаковъ, назначенный литовскимъ военнымъ губернаторомъ на мѣсто Бенигсена, которому велѣно состоять при особѣ его величества.

15 апрѣля государь принималъ въ виленскомъ дворцѣ духовенство, военныя и гражданскія власти, знатнѣйшихъ дворянъ, членовъ университета, купечество и еврейскую общину и со всѣми присутствовавшими всемилостивѣйше разговаривалъ. Для дворянства и властей былъ сервированъ завтракъ.

18 апрѣля императоръ посѣтилъ Бенигсена въ Закретѣ. Того же дня въ Вильну пришло извѣстіе, что маршалъ Даву уже на Вислѣ.

20 апрѣля виленскій губернскій предводитель дворянства былъ награжденъ орденомъ св. Анны I степени, а профессоръ университета Голянскій, за свои научные труды, орденомъ св. Анны II степени [1]).

Въ день Пасхи (21 апрѣля) государь присутствовалъ при богослуженіи въ дворцовой церкви, совершенномъ архіепископомъ Серафимомъ, и принималъ обычныя поздравленія.

---

[1]) Ректоръ университета—Янъ Сняденкій (извѣстный своимъ сочиненіемъ—„Теорія органическихъ соединеній“, гдѣ впервые затронуты были вопросы, впослѣдствіи развитые англійскимъ ученымъ Дарвинымъ) неоднократно приглашался къ высочайшему столу.

Въ первый день Пасхи, на Погулянкѣ былъ большой смотръ гарнизону г. Вильны, состоявшему изъ 2 бригадъ и 4-хъ пѣхотныхъ дивизій. Государь остался доволенъ смотромъ, и въ приказѣ по 1-й западной арміи (отъ 21 апрѣля 1812 г., за № 18) было объявлено начальствующимъ лицамъ высочайшее благоволеніе. Нижнимъ чинамъ пожаловано по рублю и по фунту говядины на каждаго. 24 апрѣля всемилостивѣйше пожалованъ полугодовой окладъ жалованья всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и прочимъ чинамъ. Не всѣ смотры вызывали благоволеніе императора. 26 апрѣля государь смотрѣлъ вступившую въ Вильну 1 артиллерійскую бригаду, состоявшую при 1 гренадерской дивизіи, но остался крайне недоволенъ состояніемъ бригады; командиру бригады полковнику Глухову былъ объявленъ высочайшій выговоръ, и онъ былъ смѣщенъ съ должности бригаднаго командира (приказъ по 1-й западной арміи отъ 26 апрѣля, за № 21). На третій день Пасхи (23-го апрѣля) дворянство дало въ честь императора въ домѣ Паца (нынѣ окружной штабъ по Большой улицѣ) торжественный балъ [1]). Въ числѣ украшеній былъ транспарантъ въ залѣ, изображавшій колѣнопреклоненнаго генія, благоговѣйно приносившаго дань императору, сидѣвшему на тронѣ. При этомъ—соотвѣтствующіе стихи, въ которыхъ Александръ I по добротѣ сравнивался съ римскимъ императоромъ Титомъ. При входѣ императора была исполнена торжественная кантата.

Государь съ супругою генерала Бенигсена, урожденной Андржейковичъ, открылъ балъ польскимъ танцемъ. Когда гости пошли къ ужину, государь не принялъ въ немъ участія и оставилъ собраніе.

Послѣ бала, 24 апрѣля, императоръ пожаловалъ многихъ дѣвицъ - аристократокъ польскаго происхожденія — званіемъ фрейлины императрицы, а юношей —званіемъ камеръ-юнкеровъ. Этой чести были удостоены между прочимъ: Іосифъ Сулистровскій, Николай Абрамовичъ, Константинъ Тизенгаузенъ и

---

[1]) Есть извѣстіе, что балъ 23 апрѣля былъ данъ на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ Миллеровъ. („Отрывокъ изъ записокъ виленскаго помѣщика". „Матер. для геогр. и стат. Виленской губ.". Спб. 1861 г., стр. 759). Но однако съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя, въ виду ясности указаній, что балъ былъ данъ въ домѣ Паца, на Большой ул. Возможно, что въ этотъ же день былъ другой балъ или вечеринка въ домѣ Миллеровъ, но государя тамъ не было.

Игнатій Ляхницкій. Двѣ недѣли спустя, того же званія удостоился и Карлъ Пржездецкій—свенцянскій предводитель дворянства.

Смотръ войскъ въ Жмуди 24—30 апрѣля и 8—31 мая.

Въ тотъ же день (24 апрѣля) императоръ выѣхалъ изъ Вильны и осматривалъ, въ сопровожденіи военнаго министра Барклая де-Толли, корпусъ Виттенштейна, находившійся въ Жмуди. Императоръ остался доволенъ войсками и благодарилъ начальниковъ всѣхъ частей. Только 17 артиллерійская бригада не удостоилась высочайшей благодарности, вслѣдствіе того, что главнокомандующій, сопровождавшій государя, „замѣтилъ въ 17 артиллерійской бригадѣ встрѣтившійся ему на маршѣ совершенный безпорядокъ: лошадей чрезвычайно худыхъ и обозъ, разбросанный по дорогѣ. Вильманстрандскій пѣхотный полкъ хотя и получилъ высочайшую благодарность, но главнокомандующій сдѣлалъ „наистрожайшій выговоръ шефу Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка, господину генералъ-маіору Тучкову 3-му, опоздавшему притти въ назначенное сборное мѣсто и заставившему другія войска полтора часа себя дожидаться“ [1]).

Императоръ оказывалъ большое вниманіе жмудскимъ помѣщикамъ и особенно любезно принялъ жмудскаго епископа князя Гедройця. По пути посѣтилъ помѣщика мейшагольскаго имѣнія Онуфрія Гоувальда.

Простота въ обращеніи императора, его доступность и бесѣды съ случайными встрѣчными дали основаніе для многихъ разсказовъ анекдотическаго, малодостовѣрнаго характера. Проѣзжая около Вилкомира, государь цѣлый день отдыхалъ въ имѣніи Товяны, принадлежавшемъ гр. Морикони,—уже преклонному старику, находившемуся въ параличѣ. Госпожа Морикони пригласила избранное общество для развлеченія государя, который садился со всѣми за общій столъ, не отказываясь отъ сельскихъ развлеченій.

Въ Вилкомирѣ государь былъ встрѣченъ командиромъ второго корпуса генераломъ Баговутомъ, посѣтилъ Шавли, Тельши, Плунгяны, гдѣ оказывалъ милостивый пріемъ самогитскимъ помѣщикамъ и, между прочимъ, очень любезно принялъ католическаго епископа. Шавельскій подкоморій Евстафій Храповицкій былъ возведенъ имъ въ званіе камеръ-юнкера.

---

[1]) Приказъ по 1-й западной арміи отъ 1 мая 1812 г., за № 23.

30-го апрѣля государь тѣмъ же путемъ вернулся въ Вильну, при чемъ въ Мейшаголѣ былъ встрѣченъ генералъ-адъютантомъ Строгановымъ.

На обратномъ пути Гоувальдъ вторично просилъ монарха осчастливить присутствіемъ его домъ. Въ ознаменованіе высокаго посѣщенія Гоувальдъ помѣстилъ мраморную доску въ стѣнѣ той комнаты, въ которой завтракалъ императоръ. „Таблица эта до сихъ поръ хранится на томъ же самомъ мѣстѣ въ Мейшагольскомъ домѣ“, замѣчаетъ очевидецъ послѣдующаго времени [1]).

Конечно, политическія соображенія побуждали императора быть особенно любезнымъ съ поляками, которые въ то время составляли крупную общественно-политическую силу въ сѣверо-западномъ краѣ. Но, независимо отъ политическихъ соображеній, обаяніе императора во всемъ блескѣ выразилось во время объѣздовъ по краю, вслѣдствіе необыкновенной привлекательности манеръ, обхожденія и характера государя.

„Всякій имѣлъ къ Александру I свободный доступъ, и всякій могъ свободно его лицезрѣть: то прогуливающимся по чуднымъ окрестностямъ Вильны, то дѣлающимъ смотры войску, котораго въ этотъ годъ въ городѣ было видимо-невидимо“, замѣчаетъ одинъ свидѣтель виленскихъ событій въ 1812 г. [2]).

Перваго мая императоръ Александръ былъ воспріемникомъ сына Бенигсена въ его загородномъ дворцѣ въ Закретѣ, гдѣ по этому поводу былъ данъ танцовальный вечеръ.

Не питая надежды на сохраненіе мира,—о чемъ императоръ опредѣленно писалъ изъ Вильны своей императрицѣ-матери,—государь значительную часть времени посвящалъ военнымъ дѣламъ. 8-го мая онъ осмотрѣлъ въ Трокахъ войска, бывшія подъ начальствомъ Коновницына. 15 мая императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ въ Эйшишкахъ. 16 мая уѣхалъ въ Гродну для осмотра стоявшаго тамъ корпуса. Въ мѣстечкѣ Эйшишкахъ былъ осмотрѣнъ корпусъ графа Шувалова, а въ мѣст. Шучинѣ—артиллерія. 22-го мая государь производилъ смотръ

---

[1]) „Отрывокъ изъ записокъ помѣщика Виленской губерніи“. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба“. „Виленская губернія“. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корево. С.-Петербургъ. 1861 г., стр. 760.

[2]) Лавриновичъ: „Вильна въ 1812 г.“. „Истор. Вѣстн.“ 1897 г., мѣс. декабрь, стр. 872.

войскамъ Витгенштейна въ Шавляхъ. Кончивъ осмотръ первой арміи, государь предполагалъ отправиться къ третьей арміи (Тормасова) въ Луцкъ, но измѣнилъ рѣшеніе. 31 мая произведенъ былъ смотръ войскамъ въ Трокахъ. Въ тотъ-же день императоръ вернулся въ Вильну.

Въ свободное время императоръ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго любилъ ѣздить по окрестностямъ Вильны. Для присмотра за лошадьми на нѣкоторомъ разстояніи за ними слѣдовалъ придворный конюхъ. Особенно любилъ посѣщать императоръ Верки. Любуясь живописной природой Верокъ, императоръ не разъ высказывалъ желаніе построить здѣсь дворецъ и пріѣзжать сюда лѣтомъ на два мѣсяца для отдыха [1]).

Нравился Александру I также и Закретъ. Онъ предполагалъ купить дворецъ и имѣніе [2]).

Во время пребыванія императора въ Вильнѣ обнаружилось пребываніе въ городѣ французскихъ шпіоновъ. Де-Сангленъ поручилъ виленскому полиціймейстеру Вейсу слѣдить за всѣми пріѣзжающими въ Вильну, а самъ началъ посѣщать извѣстный тогда ресторанъ Крешкевича (теперь гостиница Гана). Его вниманіе вскорѣ привлекъ крайне развязный полякъ, назвавшійся Дранжевскимъ. Сангленъ познакомился съ нимъ и, вывѣдавъ, что нужно было, приказалъ Вейсу произвести въ его квартирѣ обыскъ. Подъ поломъ и въ дымовой трубѣ квартиры были найдены записки Дранжевскаго о нашей арміи, генералахъ, разныя военныя инструкціи и др. Дранжевскій былъ арестованъ и выдалъ товарищей. Вейсъ за распорядительность получилъ орденъ Владиміра 4-й степени.

---

[1]) Сохранилось извѣстіе, что императоръ, возвращаясь однажды изъ Верокъ, хотѣлъ посѣтить Тринопольскій монастырь ксендзовъ Тринитаровъ, но встрѣченный монахъ не пустилъ генераловъ, замѣтивъ, что „ничего тамъ нѣтъ любопытнаго... а ксендзъ-министръ отдыхаетъ, и ключи у него“. (Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Спб. 1861 г., стр. 762).

[2]) Имѣніе куплено было нѣсколько позже за 100.000 руб у Бенигсена, который пріобрѣлъ его, будучи виленскимъ генералъ-губернаторомъ, за 12.000 руб. у виленскаго епископа Массальскаго. („Дѣло архива виленск. генер.-губ. за 1813 г. № 142).

IV.

Графъ Луи де-Нарбоннъ въ Вильнѣ. Безуспѣшность его миссіи.

Посолъ Наполеона въ Вильнѣ.

Наполеонъ сознавалъ всѣ трудности войны съ Россіей. Прощаясь съ префектомъ полиціи Пакье, онъ признался, что предстоящее предпріятіе—„самое великое, самое трудное, на которое онъ когда-либо рѣшался. Однако нужно довести до конца то, что начато“ [1]). Въ письмѣ къ вюртембергскому королю (2 апрѣля 1811 г.) Наполеонъ рѣшительно заявляетъ, что „война начинается противъ его желанія (императора Александра), противъ моего собственнаго, противъ интереса Франціи, такъ же какъ и Россіи. Я часто былъ свидѣтелемъ подобныхъ фактовъ, что опытъ прошедшаго открываетъ мнѣ будущее“ [2]).

Въ виду исключительной важности начинаемой кампаніи, Наполеонъ послалъ въ Вильну одного изъ самыхъ видныхъ своихъ друзей, генералъ-адъютанта графа Луи де-Нарбонна. Ему было поручено секретно вывѣдать планъ военныхъ дѣйствій русской арміи, а также разузнать настроеніе Литвы, войти въ тайныя сношенія съ видными и вліятельными представителями польскаго общества въ г. Вильнѣ, собрать свѣдѣнія о нашей арміи и пр.

Но главнымъ образомъ, онъ долженъ былъ узнать, не двинется ли съ своихъ позицій русская армія, и не откроетъ ли она первая кампаніи? Наполеонъ, готовясь къ открытію военныхъ дѣйствій и двигая великую армію къ берегамъ Вислы и Нѣмана, ожидалъ, что русскіе предупредятъ его и вторгнутся въ восточную Пруссію и герцогство Варшавское, которыя были имъ намѣчены, какъ исходный пунктъ вторже-

---

[1]) Memoir du chancelier Pasquier, t. I, p. 525. Шильдеръ, т. III, 374. Прим. 133.

[2]) Тэнъ: „Наполеонъ Бонапартъ“. Москва. 1888, стр. 103.

нія въ предѣлы Россіи. Такое движеніе русскихъ войскъ было очень желательно Наполеону: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ имѣлъ бы на своей сторонѣ всѣ военныя преимущества. Но русскіе далеки были отъ такихъ плановъ, и Нарбоннъ съ сожалѣніемъ писалъ: „Мы не настолько счастливы, чтобы они (русскіе) думали объ этомъ“ (т. е. о движеніи за границу).

Оффиціально Нарбоннъ пріѣзжалъ въ Вильну для того, чтобы поздравить императора Александра I съ прибытіемъ въ гор. Вильну и заявить, что императоръ французовъ вовсе не желаетъ войны, согласенъ мирнымъ путемъ уладить всѣ возникшія недоразумѣнія и проситъ русскаго императора слѣдовать договорамъ, заключеннымъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Не успѣлъ еще Нарбоннъ выѣхать по назначенію, какъ одинъ еврей, ѣздившій въ Варшаву, сообщилъ де-Санглену (начальнику полиціи) о предстоящемъ пріѣздѣ посла въ гор. Вильну [1]). Это дало возможность де-Санглену слѣдить за Нарбонномъ съ момента его проѣзда нашей границы „чрезъ Посвѣнтскую рогатку“, въ 9 часовъ вечера, 4 мая. Въ Ковнѣ его встрѣтилъ ковенскій полиціймейстеръ маіоръ Бистромъ, который „долгомъ почелъ препоручить прибывшему сюда виленскому квартальному офицеру Шулимберху проводить до Вильны и по тракту дѣлать всевозможное вспомоществованіе и вѣжливостію, при чемъ имѣть за нимъ скрытый надзоръ“ [2]).

Графъ де-Нарбоннъ прибылъ въ Вильну въ 9 часовъ утра, 6 мая. При немъ были: капитанъ Сабастіани, поручикъ Роганъ Шаботъ, курьеръ Гаро, камердинеръ Гранто, лакеи: Мере и Пери. „Въ 10 часовъ утра проѣхалъ генералъ Нарбоннъ къ Его Величеству во дворецъ и былъ у канцлера Кочубея, писалъ Санглен. 11—возвратился въ квартиру. 12—были всѣ дома. 1—ходили капит. и поручикъ по городу

---

[1]) Полагаютъ, что еврей этотъ былъ представленъ Санглену виленскими евреями, какъ опытный сыщикъ. Бернацкій думаетъ, что виленскіе евреи во время Отечественной войны неоднократно давали намъ весьма цѣнныя свѣдѣнія, такъ, напр., о готовившемся возстаніи въ Вильнѣ въ 1813 г. (Статья ген. Бернацкаго объ Отечественной войнѣ печаталась въ „Виленск. Военн. Листкѣ“ 1911—1912 г.г.).

[2]) Рапортъ Бистрома къ главнокомандующему I западн. арміи отъ 5 мая 1812 г., за № 295.

по парадному мѣсту подъ Замковыя ворота и черезъ Св. Янскую улицу домой пошли“ [1]).

7 мая Нарбоннъ къ 2½ часамъ дня былъ приглашенъ во дворецъ къ государю на аудіенцію, а затѣмъ къ высочайшему столу. Александръ I указалъ на неосновательность претензій и неудовольствій Наполеона I.—Указавъ на лежавшую карту Россіи, Александръ сказалъ Нарбонну: „Я не ослѣпляюсь мечтами, я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ—великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, который я не сталъ бы защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи“.

---

[1]) Сохранился любопытный, но маловѣроятный эпизодъ о похищеніи шкатулки Нарбонна съ секретными бумагами во время пребыванія посла въ Вильнѣ.

Вечеромъ того же дня, т. е. 6 мая,—къ Нарбонну будто бы были приглашены для личныхъ услугъ два лакея (агенты де-Санглена), знавшіе иностранные языки. Нарбоннъ получилъ отъ государя приглашеніе посѣтить театръ. Уходя, онъ приказалъ прислугѣ окончательно разобрать его вещи и приготовить постель. Русскіе лакеи помогали графской прислугѣ. Когда изъ дорожнаго чемодана была вынута изящная небольшая шкатулка краснаго дерева, отдѣланная бронзой, одинъ изъ лакеевъ замѣтилъ: „Вотъ такъ шкатулочка; видно, графъ въ ней прячетъ деньги“.—„Нѣтъ, братья“,—важно отвѣтилъ камердинеръ Гранто: „графъ въ ней возитъ бумаги, подписанныя самимъ императоромъ“. Русскіе лакеи все привели въ порядокъ, а затѣмъ притащили нѣсколько бутылокъ хорошаго вина съ закусками, чтобы, „по русскому обычаю“, угостить своихъ новыхъ товарищей. Выпили... Развязались языки... Камердинеръ Гранто по секрету разсказалъ, что Наполеонъ I выѣхалъ въ Дрезденъ, маршалъ Даву уже приближается къ Нѣману, въ Варшавѣ всѣ говорятъ о присоединеніи Литвы къ Польшѣ и пр. Пьянѣе всѣхъ оказался одинъ изъ русскихъ лакеевъ.—„Ты, я вижу, совершенно пьянъ, и уже пора тебѣ провѣтриться на воздухѣ, авось нѣсколько протрезвишься“,—замѣтилъ ему его товарищъ.—Лакей, шатаясь, вышелъ изъ комнаты, но за дверью выпрямился и началъ прислушиваться. Въ этотъ моментъ поднялся шумъ, раздались крики „ура“. Былъ предложенъ тостъ за Францію и за Наполеона. Лакей быстро направился въ спальню Нарбонна, схватилъ шкатулку и стремительно выскочилъ на улицу, гдѣ его уже поджидалъ экипажъ. Приблизительно черезъ часъ онъ вернулся со шкатулкой и, крадучись, осторожно входилъ въ прихожую.—„Не замѣтили?“—спросилъ онъ шопотомъ поджидавшаго товарища.—„Гдѣ ужъ тутъ замѣтить: всѣ вдребезги пьяны и спятъ мертвецкимъ сномъ. А насчетъ шкатулки все благополучно?“—„Все какъ нельзя лучше: копіи сняты, и де-Санглен повезъ ихъ во дворецъ къ государю“. Шкатулка была поставлена на свое прежнее мѣсто, и лакеи принялись убирать остатки бывшаго пиршества, а затѣмъ въ прихожей стали ожидать возвращенія графа де-Нарбонна. Когда, наконецъ, вернулся изъ театра графъ, русскіе лакеи его раздѣли, уложили спать.

Не отрицая положенія, что политическій шпіонажъ доведенъ былъ въ началѣ XIX в. при европейскихъ дворахъ до значительной виртуозности,

Прибытіе Нарбонна вызвало среди виленскихъ обывателей различные толки. Конечно, отъ виленскихъ обывателей не могло укрыться, что Нарбоннъ часто посѣщалъ министра Румянцева, который жилъ на Скоповкѣ, въ домѣ Сулистровской. По поводу этихъ посѣщеній говорили различно... Ни императоръ, ни его приближенные ни однимъ движеніемъ не выдавали своихъ настроеній. Императоръ казался спокойнымъ...

Нарбоннъ долженъ былъ согласиться, что его миссія безуспѣшна. Объ этомъ онъ откровенно сознавался, говоря: „Александръ такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, доводы его такъ сильны и логичны", что онъ не могъ ничего ему отвѣтить, „кромѣ пустыхъ придворныхъ фразъ".

Послѣ аудіенціи Нарбонну была пожалована золотая табакерка изъ императорскаго кабинета, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему дали понять, что дальнѣйшее пребываніе его въ Вильнѣ неудобно. На другой день, въ 6 часовъ и 33 мин. вечера, Нарбоннъ выѣхалъ въ Варшаву.

На прощанье онъ зашелъ къ Румянцеву. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, онъ сказалъ повышеннымъ голосомъ:

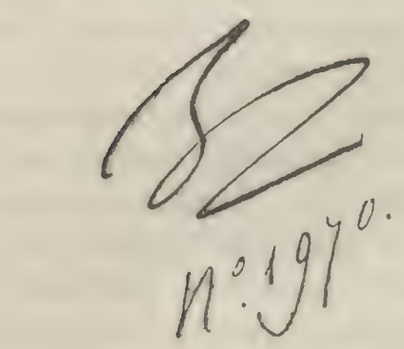
— „Ainsi nous aurons la guerre! [1])

мы однако склонны скептически относиться къ этому разсказу. Прежде всего, едва ли была необходимость вывѣдать что-либо существенно важное и секретное, такъ какъ взаимныя дипломатическія отношенія Александра къ Наполеону были въ это время достаточно выяснены и не представляли ничего таинственнаго и секретнаго. Сомнительно, поэтому, чтобы Нарбоннъ везъ съ собой такія бумаги. Предположимъ однако, что для неувѣренныхъ и дальновидныхъ русскихъ политиковъ нужно было что-либо вывѣдать, тогда возникаютъ другія недоумѣнія. Какъ могли быть приставлены два лакея (и именно два) при наличности четырехъ лицъ, прибывшихъ съ Нарбонномъ спеціально для личныхъ ему услугъ? Почему французы въ первую же минуту такъ довѣрчиво отнеслись къ своимъ новымъ друзьямъ, зная о начавшейся уже почти открытой враждѣ Александра I съ Наполеономъ? Не менѣе представляется страннымъ, что Нарбоннъ, имѣвшій такую важную миссію и возившій секретные документы, имѣлъ при себѣ ненадежныхъ лакеевъ. Наконецъ, какой театръ посѣтилъ императоръ и могъ ли онъ пригласить Нарбонна въ театръ раньше оффиціальнаго представленія? Если императоръ былъ въ театрѣ, то какимъ образомъ могли привезти во дворецъ ему секретныя бумаги, заимствованныя изъ шкатулки? Несообразно также, чтобы все это произошло въ день пріѣзда. А главное—никто изъ историковъ не говоритъ ни о посѣщеніи императоромъ театра (если же онъ не посѣщалъ, то страннымъ представляется приглашеніе Нарбонна въ театръ), ни объ обстоятельствахъ посѣщенія. Вообще, вся эта исторія—и ловкость лакеевъ, и появленіе кареты, и раздѣваніе русскими лакеями французскаго посланника,—слишкомъ отдаетъ тѣми разсказами анекдотическаго свойства, которые въ то время были очень распространены при западно-европейскихъ дворахъ, вообще, и при наполеоновскомъ, въ частности.

[1]) Итакъ, мы будемъ воевать!

Слова эти разнеслись по городу и произвели впечатлѣніе. О войнѣ заговорили, какъ о ближайшемъ фактѣ. Хотя, впрочемъ, говорили, что Нарбоннъ еще вернется въ Вильну съ дополнительными условіями, болѣе пріемлемыми для русскихъ.

Выслушавъ отчетъ Нарбонна о поѣздкѣ въ Вильну, Наполеонъ сказалъ: „Хотятъ войны, я ее начну"... Немедленно было отдано приказаніе двигаться войскамъ къ русскимъ границамъ. 16 мая (28) Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена въ Познань (Кенигсбергъ), присоединилъ эту область къ Франціи и поспѣшилъ съ главной своей квартирой къ Нѣману.



Резолюція на прошеніи капитана Тарабры съ собственноручной подписью импер. Напелеона. „Accordé. Renvoyé au ministre des finances.— Moscou le 11 octobre 1812 N(apoleon): № 1970.

Въ переводѣ: „Согласенъ. Направить министру финансовъ. Москва. 11 октября 1812 г. Н(аполеонъ). № 1970. (См. Акты Вил. Арх. Ком. т. XXXVII, стр. 508, № 910).

V.

Настроеніе общества. Балъ въ Закретѣ. Выѣздъ императора. Выступленіе русскихъ изъ Вильны.

Виленскія настроенія.

Настроеніе русскаго общества, приковавшаго свое вниманіе къ Вильнѣ, было далеко не оптимистично, судя по немногимъ, впрочемъ, запискамъ разныхъ лицъ.

„Пишутъ изъ Вильны, говоритъ Бакунина, что занимаются разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ: игуменья—за чарку, сестры—за кувшинъ. Молодые офицеры пьютъ, играютъ и пр. Все—въ бездѣйствіи, которое можно почти назвать столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ исполинскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ; 300.000 воиновъ—подъ его предводительствомъ“ [1]). „Злодѣй цѣлаго свѣта—Наполеонъ Бонапартъ, говоритъ другой современникъ, заключаетъ Тильзитскій миръ, основанный на теперешней нашей погибели; послѣ него готовится 18 мѣсяцевъ, на пораженіе наше собираетъ свои и постороннія силы, дѣйствуетъ на глазахъ нашихъ по берегамъ Вислы и Нѣмана.. Намъ сказываютъ, что бѣда вамъ будетъ, а отъ насъ для переговоровъ ѣздитъ дуракъ Румянцевъ. Черезъ Нѣманъ наводятся понтоны, а государь въ Вильнѣ жалуетъ крестами поляковъ, принимаетъ ихъ въ камердеры“ [2]).

Очевидца Шишкова, бывшаго въ Вильнѣ, поражало много несообразностей. Его удивляло, напр., что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ главномъ распорядителѣ войскъ, тогда какъ самъ Барклай отказывался отъ такой роли. „Могло-ли,—уди-

---

[1]) „12-й годъ въ запискахъ В. И. Бакуниной“. „Русская Старина“. 1885 г., т. 47, стр. 147.

[2]) „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собранныя и изданныя Щукинымъ“. Часть V. Москва. 1900 г., стр. 279.

вляется Шишковъ,—такое разнорѣчіе служить къ благоустройству и пользѣ?“ Не менѣе удивляло Шишкова и то, что мы зашли въ Вильну и „завезли запасы, предполагая оставить оную безъ всякаго сопротивленія“... „Зачѣмъ итти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи?.. Развѣ бы непріятель, безъ отступленія нашего, не пошелъ къ намъ? И къ чему иному отступленіе сіе, весьма похожее на бѣгство, могло служить, какъ не къ тому, чтобы слухами о немъ разливать повсюду страхъ и ужасъ?“

Шишковъ былъ свидѣтелемъ,—какъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ обучалъ солдатъ. Великій князь показывалъ имъ, въ какомъ положеніи держать тѣло, голову, грудь, гдѣ у ружья быть рукѣ и пальцу, какъ красивѣе шагать, повертываться и т. п. „То ли время теперь,—думалъ Шишковъ,—чтобы заниматься такими мелочами!..“ „Казалось, великій князь угадалъ мою мысль, потому что взглянулъ на меня и сказалъ:

— „Ты вѣрно смотришь на это, какъ на дурачество“. „Вопросъ сей,—говоритъ Шишковъ, такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился“ [1]).

По случаю заключенія Бухарестскаго мира, Александръ написалъ Наполеону собственноручное письмо. Хотя оно и не было послано, такъ какъ французы уже вошли въ Россію, тѣмъ не менѣе оно представляетъ новое доказательство миролюбивой политики Александра. „Я всегда готовъ вступить въ переговоры, писалъ императоръ,—и если ваше величество питаете одинаковыя со мною чувства, то возможно еще отклонить войну. Въ такомъ случаѣ лица, снабженныя необходимыми полномочіями, могутъ собраться въ мѣстѣ, относительно котораго легко войти въ соглашеніе... Отъ вашего величества зависитъ въ настоящее время избавленіе человѣчества отъ несчастія новой войны“ [2]).

---

[1]) „Записки А. С. Шишкова“, стр. 125. Военныя упражненія часто производились въ Вильнѣ. 31 мая, подъ Вильной, на св.-Стефанскомъ предмѣстьи происходила „ревія“, при чемъ за потоптанный при „ревіи“ хлѣбъ, по приказу властей, было заплачено 504 руб. (Дѣло арх. виленск. генер.-губерн. № 79 за 1812 г.).

[2]) Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, стр. 82. „Государственный архивъ“, разрядъ 4, № 238.

Общеевропейское мнѣніе было не на сторонѣ русскаго императора. Въ Европѣ никто не ожидалъ отъ него рѣшительныхъ дѣйствій. Сомнѣвались, чтобы онъ могъ удержаться на высказанной имъ точкѣ зрѣнія и провести ее въ практику. Всѣ дипломаты и военные дѣятели, начиная съ Наполеона, думали, что одно побѣдоносное сраженіе заставитъ Россію подчиниться требованіямъ Франціи. Нѣмецкій политикъ (Гнейзенау) высказался, напримѣръ, по поводу предстоящей кампаніи такимъ образомъ:

— „Я всего ожидаю отъ малодушной слабости Александра. Послѣ перваго потеряннаго сраженія онъ уступитъ всѣ земли по Двинѣ и Днѣпру, послѣ второго—Петербургъ и Москву и удовольствуется Казанью и Астраханью“ [1]).

Но враги ошиблись въ расчетахъ У императора, который дѣйствительно своими личными частными поступками иногда давалъ основаніе предполагать въ себѣ склонность къ нерѣшительности, на этотъ разъ проявилась необыкновенная энергія.

Балъ въ Закретѣ. Быть можетъ, для того, чтобы нѣсколько отвлечь императора отъ непріятныхъ думъ, генералъ Бенигсенъ далъ (12-го іюня стар. ст.) въ Закретѣ, въ своемъ загородномъ дворцѣ, балъ отъ своего имени и отъ лица адъютантовъ главной квартиры [2]). Такъ какъ помѣщеніе не могло вмѣстить всѣхъ гостей, то рѣшено было устроить танцы на открытомъ воздухѣ. Съ этой цѣлью въ саду, на берегу рѣки Виліи, строилась деревянная галлерея. Постройку возводилъ Шульцъ, профессоръ архитектуры при виленскомъ университетѣ. Рабочіе говорили профессору, что зданіе ненадежно, что оно словно виситъ въ воздухѣ... Графъ Шуазель прямо заявилъ Шульцу, что если зданіе и будетъ принято комиссіей послѣ осмотра, то онъ всѣми силами постарается воспрепятствовать и отклонить Государя отъ входа въ павильонъ. Шульцъ не обращалъ вниманія на предупре-

---

[1]) Письмо Гнейзенау къ ген. Шало отъ 2 (14) февраля 1811 г. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, стр. 375.

[2]) Императоръ пожертвовалъ на устройство бала 300 червонцевъ и сказалъ устроителямъ: „Если вы хотите устроить праздникъ, то старайтесь, чтобы онъ вышелъ блестящимъ, потому что виленскія дамы знатоки въ этомъ дѣлѣ“. О пышности бала ходили разные слухи. Говорили, что все нужное для бала выписывается спеціальными транспортами изъ Петербурга.

жденія, которыя сбылись: ровно въ полдень 9 іюня, когда рабочіе были на обѣдѣ, постройка рухнула [1]).

Обломки развалинъ убрали и танцы происходили на паркетномъ полу, обставленномъ вмѣсто стѣнъ цвѣтами и померанцевыми деревьями. Торжество привлекло массу зрителей. Шульцъ подъ впечатлѣніемъ событія кончилъ самоубійствомъ: бросился въ Вилію и утонулъ [2]).

Императоръ прибылъ на балъ съ своей свитой раньше девяти часовъ и былъ встрѣченъ при входѣ во дворецъ хозяевами. Балъ былъ открытъ польскимъ танцемъ государя съ генеральшей Бенигсенъ. „Вечеръ былъ дивный,—пишетъ одна изъ гостей бала,—легкія облака какъ будто предохраняли насъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца. Толпа народа, хлынувшая изъ города, разсыпалась по парку и по берегу рѣки; живописныя фигуры ихъ заканчивали картину, оживленную нашими бальными туалетами, живописными костюмами и блестящими мундирами кавалеровъ“.

---

[1]) Директоръ военной полиціи де-Санглепъ сообщаетъ, что наканунѣ бала императоръ получилъ записку, въ которой его предостерегали, что строющійся залъ ненадеженъ и долженъ рушиться во время танцевъ. Императоръ поручилъ Санглену осмотрѣть постройку. Лишь только Санглепъ прибылъ въ Закретъ, какъ выстроенная галлерея рухнула.

— „Такъ это правда?—сказалъ императоръ Санглену, выслушавъ его донесеніе.—Поѣзжайте и прикажите полъ немедленно очистить. Мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“.

[2]) Событіе въ Закретѣ нѣкоторые писатели Отечественной войны представляютъ, какъ злонамѣренный политическій замыселъ. О Шульцѣ говорили, что онъ захотѣлъ быть Геростратомъ XIX в. Даже такой серьезный историкъ, какъ Шильдеръ, поддался этому мнѣнію, опираясь, повидимому, на свидѣтельство Санглена. (Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 83). Однако, кажется, нѣтъ серьезныхъ основаній смотрѣть на это дѣло именно съ такой точки зрѣнія. Во-первыхъ, свидѣтельство Санглена не вяжется съ свидѣтельствами другихъ лицъ, которыя вовсе не придаютъ этому событію характера покушенія на императора. Во-вторыхъ, оно не согласовано съ характеромъ Шульца, котораго современники представляютъ человѣкомъ честнымъ и неспособнымъ на такіе замыслы. Въ-третьихъ,—едва-ли могъ быть такой необычный планъ покушенія на жизнь императора, такъ какъ въ галлереѣ вмѣстѣ съ императоромъ предполагалось много постороннихъ лицъ и въ числѣ ихъ цвѣтъ польской аристократіи. Наконецъ, самоубійство Шульца, при такомъ предположеніи, не находитъ для себя достаточныхъ основаній.

Говорили, что Шульцъ симулировалъ несчастье: оставилъ на берегу платье, а самъ будто-бы убѣжалъ за границу. „Это были неосновательныя догадки, замѣчаетъ очевидецъ. Шульцъ былъ честный человѣкъ, дорожившій своей славой. Вѣроятно, онъ не имѣлъ силы пережить своего несчастья... Немного спустя (на пятый день), тѣло его найдено въ рѣкѣ“. Вдовѣ Шульца была назначена пенсія. („Отрывокъ изъ записокъ помѣщика Виленской губ.“. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“. „Виленская губернія“, стр. 764).

Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что до бала[1]) императоромъ была получена эстафета изъ Ковны съ извѣстіемъ, что Наполеонъ началъ переправу [2]). Онъ немедленно о томъ доложилъ государю.

— „Я этого ожидалъ,—отвѣчалъ Александръ,—но балъ все таки будетъ“ [3]).

Извѣстіе о началѣ войны. Отъѣздъ императора.

Извѣстіе о вторженіи Наполеона произвело впечатлѣніе на императора. Для вида онъ остался нѣкоторое время на балу, а затѣмъ незамѣтно удалился, не показавъ, впрочемъ, ни малѣйшаго безпокойства... Большую часть этой знаменательной ночи государь провелъ въ работѣ съ наиболѣе приближенными лицами. Шишкову онъ поручилъ написать приказы арміи и рескриптъ фельдмаршалу графу Салтыкову въ Петербургъ. Государь подписалъ бумаги безъ измѣненія. Рескриптъ Салтыкову, какъ извѣстно, заключалъ въ себѣ знаменательныя слова: „Не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“. Призвавъ въ 2 часа ночи министра полиціи Балашева, государь вручилъ ему собственноручное письмо императору французовъ.

— „Объяви Наполеону, сказалъ государь, что ежели онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ могутъ начаться, съ однимъ условіемъ, чтобы арміи его вышли за границу. Въ противномъ же случаѣ, даю слово, покуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ“.

Балашевъ (утромъ 14-го) въ сопровожденіи трубачей-казаковъ и полковника Орлова отправился въ путь по ковенскому тракту.

---

[1]) По другимъ сообщеніямъ, извѣстіе о переходѣ французовъ у Ковны — пришло во время бала.

[2]) Говорили, что какой-то служитель канцлера Румянцева, быстро вернувшійся съ передовыхъ пикетовъ, первый принесъ въ Вильну извѣстіе о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ.—Вандаль ошибочно считаетъ днемъ вторженія Наполеона въ Россію—9 іюня.

[3]) Въ нѣкоторыхъ статьяхъ балъ въ Закретѣ изображается въ преувеличенномъ видѣ съ цѣлью оттѣнить моментъ тяжелаго настроенія императора Александра, для котораго будто-бы извѣстіе о переходѣ Наполеономъ границы было неожиданностью Между тѣмъ императоръ съ часу на часъ ожидалъ этого извѣстія. Еще до бала онъ писалъ гр. Салтыкову: „Ежечасно ожидаемъ быть атакованы. Съ полной надеждой на Всевышняго и на храбрость россійскихъ войскъ готовимся отразить непріятеля“.

Раннимъ утромъ, 14 (26) іюня императоръ выѣхалъ изъ Вильны въ Свенцяны. Здѣсь онъ призвалъ къ себѣ графа Аракчеева [1]) и просилъ опять вступить въ управленіе военными дѣлами. „Съ онаго числа,—пишетъ графъ Аракчеевъ,— вся французская война прошла черезъ мои руки: всѣ тайныя повелѣнія, донесенія и собственноручныя повелѣнія государя императора“ [2]). За государемъ велѣно слѣдовать губернскимъ предводителямъ дворянства: Сулистровскому, князю Любецкому и Рокитскому, составлявшимъ главный продовольственный комитетъ. Лишь на другой день виленцы узнали, что императора не было въ городѣ, и что война — неизбѣжный фактъ ближайшихъ дней. Рескриптъ Салтыкову экстренно былъ отправленъ въ Петербургъ. „Нѣкоторые люди находили, говоритъ Вигель въ своихъ запискахъ, что рескриптъ этотъ показываетъ большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разруганъ. Я замѣтилъ имъ, что человѣкъ, который говоритъ, что не положитъ оружія, пока единый непріятель не останется въ землѣ его, напротивъ, долженъ быть исполненъ твердости и рѣшимости“ [3]). Жалуется также Вигель, что „рескриптъ былъ отъ 13 іюня изъ Вильны, пока онъ дошелъ до Петербурга, оттуда до Москвы, тамъ перепечатанъ и по почтѣ у насъ полученъ, прошло 18 дней“ [4]).

Очищеніе русск. войсками Вильны.

Извѣстіе о приближеніи Наполеона къ Вильнѣ застало русскихъ неподготовленными. Какъ всегда, обывателями преувеличивалась опасность. Для этого было, впрочемъ, полное основаніе—превосходство непріятельской арміи...

Военный министръ, оставшійся въ Вильнѣ, получилъ распоряженіе отступить и управлять движеніемъ отступающей арміи. Заботы объ удовлетвореніи нуждъ арміи лежали на гражданскомъ губернаторѣ Лавинскомъ. Изъ города поспѣшно выѣзжали семейства военныхъ, чиновники, обыватели; изъ

---

[1]) Графъ Аракчеевъ характеризуется въ запискахъ Бакуниной, какъ злобный и мстительный человѣкъ.. „Какъ увѣряютъ, (онъ) разсуждаетъ о вещахъ совсѣмъ противно здравому разсудку“. Бакунина: „Записки о 12 годѣ“, стр. 398.

[2]) Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, стр. 85.

[3]) Вигель: „Записки“, часть IV, стр. 42.

[4]) Вигель, часть VII, стр. 42.

учрежденій вывозили архивы, казначейство и пр. Виленскій губернскій казначей Пузыревскій немедленно представилъ своему начальству рапортъ о необходимости подводъ для вывоза денегъ, хранившихся въ государственномъ казначействѣ. Получивъ разрѣшеніе, онъ нагрузилъ около 20 телѣгъ разнаго рода монетами и въ сопровожденіи 40 человѣкъ солдатъ отправился по дорогѣ на Свенцяны и Видзы. Послѣ четырехнедѣльнаго путешествія, соединеннаго съ большими препятствіями, онъ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ сдалъ въ исправности всѣ деньги въ казенную палату [1]).

Въ полномъ порядкѣ 14 іюня всѣ корпуса первой арміи отступали къ Свенцянамъ. Барклай де-Толли оставался въ Вильнѣ до самаго послѣдняго момента и оставилъ городъ, когда въ окрестности появились первые непріятельскіе отряды. Еще 15 іюня утромъ Барклай де-Толли писалъ императору Александру въ Свенцяны: „Не хочу отступать, пока достовѣрно не узнаю о силахъ и намѣреніяхъ Наполеона. Не видя передъ собой превосходнаго непріятеля, не почитаю нужнымъ отходить назадъ“. Въ отвѣтъ на это императоръ писалъ: „Берегись, чтобы васъ не обошли въ Вильнѣ. Непріятель можетъ перейти Вилію ниже Вильны“...

Одинъ изъ участниковъ похода, оставившій „Походныя записки артиллериста“ и скрывшій свою фамилію подъ иниціалами „И. Р.“, даетъ намъ цѣнныя строки о настроеніи русской арміи въ описываемые дни. Приказъ о начавшейся войнѣ былъ встрѣченъ войсками съ энтузіазмомъ. „Война! вскричали офицеры, весьма тѣмъ довольные, и воинственная искра пробѣжала электрически по жиламъ присутствующихъ. Если бы зналъ тогда Наполеонъ, сколько было духа и охоты въ русскихъ подраться съ его войсками, не страшась ихъ множества; еслибъ Наполеонъ зналъ рѣшительность нашего императора и твердость русскаго народа!“ восклицаетъ авторъ записокъ. 3 и 4 корпуса со всѣми мѣрами предосторожности и въ полной боевой готовности стали бивуакомъ на Погулянкѣ. „Здѣсь увидѣли мы большое собраніе войскъ и услышали разныя вѣсти о вторженіи французовъ; говорили, что многіе поляки намъ измѣнили, перебѣжавъ къ Наполеону, и

---

[1]) Казначейство и дѣла казенной палаты возвратились изъ Новгорода въ Вильну 1 марта 1813 г. подъ присмотромъ Пузыревскаго. (Дѣло архива виленск. генер.-губернаторства № 54, за 1813 г., л. 11).

что отъ всѣхъ ихъ ожидается возмущеніе. Такія новости были непріятны, однако при видѣ собранныхъ войскъ мы не страшились непріятелей. Изъ окрестныхъ селеній, впереди насъ находившихся, казаки сгоняли въ лагерь множество рогатаго скота, который раздавали въ полки на порціи. Все принимало военный видъ: странная смѣсь разнаго рода войскъ, обоза, артиллеріи, съ лошадьми и скотомъ, всеобщее движеніе взадъ и впередъ, звукъ оружія, мычаніе воловъ, ржаніе коней и говоръ солдатъ—представляли любопытное зрѣлище для тѣхъ, кто въ первый разъ вступалъ на военное поприще. Окрестности дымились отъ бивуачнаго огня. Къ вечеру передъ лагеремъ загорѣлась корчма; пылающій огонь среди зеленаго кустарника, при послѣднемъ лучѣ заходящаго солнца, увеличивалъ красоту воинственной картины. Взоры мои развлекались многими предметами, которые своею занимательностію погрузили меня потомъ на нѣсколько минутъ въ мрачную думу... Въ сумерки нашу артиллерію повели на лѣвый флангъ, въ первую линію".

„Слѣдующаго дня (15 іюня) восходящее солнце освѣтило россійское неустрашимое воинство въ боевомъ порядкѣ передъ Вильною. Съ первымъ лучемъ дневного свѣтила, во всѣхъ полкахъ музыка съ барабанами возвѣстила зорю. У каждаго воина кипѣлъ духъ брани за родину. Утренній холодъ освѣжалъ мужественныя лица солдатъ. Важная тишина и спокойствіе въ лагерѣ скрывали въ себѣ нѣчто страшное. Съ пробужденіемъ всѣхъ началась воинская дѣятельность: разводы по карауламъ, дежурство и проч.; команды съ артельными котлами гремѣли къ рѣчкѣ за водою, задымились кухни, и заварилась солдатская кашица".

„Наша рота артиллеріи стала въ боевомъ порядкѣ на самомъ концѣ лѣваго фланга первой линіи, на возвышеніи, съ котораго открывалось вдоль все расположеніе войскъ обоихъ корпусовъ. Впереди отъ линіи, на дальнее разстояніе простирался частый кустарникъ; назади оставался городъ. Утренній звонъ колоколовъ возвѣщалъ печальную молитву жителей, ожидавшихъ своей участи. Страшный гулъ носился по всей окрестности. Мы стояли готовые къ бою, въ какомъ-то ожиданіи, и помышляли о непріятелѣ, который таился передъ нами; казалось, онъ пробирается въ тишинѣ черезъ кустарникъ, скоро сдѣлаетъ нападеніе"...

„Цѣлый день простояли мы благополучно на мѣстѣ. Слышно было, что французы въ 20 верстахъ отъ насъ, при Новыхъ Трокахъ, стягиваютъ войска, а потому ожидали мы, что непремѣнно завтра у насъ будетъ сраженіе; но ввечеру получили приказъ — ретироваться“ — такъ заканчиваетъ разсказъ о своемъ пребываніи въ Вильнѣ поручикъ И. Р. [1]).

Любопытны свидѣтельства очевидцевъ о настроеніи виленцевъ въ дни выхода (14—16 іюня) русскихъ изъ Вильны. „Въ субботу приказано было, говоритъ современникъ событія, чтобы всѣ городскія ворота были забаррикадированы, ставни закрыты, чтобы никто по улицамъ безъ дѣла не шатался. Всѣ мы, какъ крысы, попрятались по норамъ и лишь иногда, кто посмѣлѣе, рѣшались вылѣзать на улицу для развѣдокъ, но такихъ было немного, да и отходить далеко отъ дома опасались“ [2]). „Всѣ по вечерамъ преждевременно запирались въ своихъ домахъ,—говоритъ другой очевидецъ,—всякій приготовлялъ запасъ продовольствія на болѣе продолжительное время, и всѣ думали, что кровопролитное сраженіе вблизи города разрѣшитъ въ скоромъ времени мучительную неизвѣстность, въ которой оставались его жители“... „На улицахъ не было шуму, потому что, по приказанію начальства, войска отступали со всевозможной тишиной. Но именно среди этой тишины бряцаніе оружія, топотъ лошадей и глухой стукъ тяжелыхъ орудій, а также раздающіеся по временемъ голоса командировъ, наполняли тревогой мирныхъ жителей, которые въ ночной одеждѣ, безъ огня, пользуясь блескомъ звѣздъ и луны..., у запертыхъ оконъ безпокойно прислушивались къ прологу ожидаемой драмы. Къ утру (16 іюня) движеніе уменьшилось, а въ восемь часовъ утра даже настала минута совершенной тишины“ [3]).

Послѣдній отрядъ, подъ начальствомъ генерала князя Шаховскаго, вышелъ изъ Вильны, черезъ Зеленый мостъ,

---

[1]) „Походныя записки артиллериста“ И. Р. представляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Вышеприведенныя выдержки заимствованы нами изъ статьи ген. Бернацкаго объ Отечественной войнѣ, въ „Вил. Воен. Листкѣ“ 1912 г. № 642.

[2]) М. Лавриновичъ: „Вильна въ 1812 г.“. „Историко-литературный журн.“ Годъ XVIII-й. Декабрь, 1897, стр. 874.

[3]) „Отрывокъ изъ записокъ помѣщика Виленск. губ.“, стр. 766.

въ восемь часовъ утра, подъ команду офицеровъ, все повторявшихъ слово „скорѣй“... Непріятель былъ недалеко, и опасенія быть настигнутымъ казались вѣроятными.

Пропустивъ черезъ Зеленый мостъ послѣднія отступавшія войска, Шаховскій велѣлъ его взорвать. Прикрываясь съ тыла рѣкой Виліей, онъ безъ боя, въ полной безопасности, отступилъ на Верки, Рѣшу и Любовну.

Въ иномъ положеніи былъ нашъ аріергардъ, прикрывавшій первую гренадерскую дивизію и отступавшій черезъ Антоколь. Здѣсь авангардъ французовъ, догнавъ отступавшихъ казаковъ и егерей, завязалъ перестрѣлку. Во время перестрѣлки на Антоколѣ казачій полковникъ Ефремовъ пикой тяжело ранилъ принца Гогенлоэ,—а капитанъ французскихъ гусаръ графъ Октавій Сегюръ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Это былъ первый французъ-плѣнникъ, взятый русскими. Маіоръ Сухоржевскій бросился на казаковъ и егерей, прикрывавшихъ отступленіе корпуса Баговута, и тоже взялъ нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ, спустя два часа со времени вступленія въ городъ, отвели въ св.-Казимировскій монастырь [1]).

Интересны слѣдующія строки свидѣтеля этого важнаго въ исторіи Вильны момента.

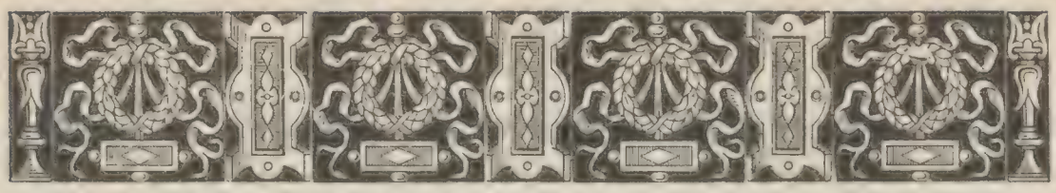
„По выступленіи русской арміи изъ Вильны, въ городѣ царствовала нѣкоторое время мертвая тишина. Оцѣпенѣніе это продолжалось не болѣе часа, Затѣмъ въ 11 часовъ утра проскакали два казака изъ Епископской (нынѣ Дворцовой) улицы по Свентоянской на Замковую. Это были тѣ казаки, которые поджигали Зеленый мостъ. Мало знакомые съ расположеніемъ города, они не знали, какъ попасть на Антоколь, чтобы догнать свои войска“ [2]). Свидѣтель прибавляетъ, что „два французскихъ конныхъ егеря погнались за ними, а какъ отступленіе уже было невозможнымъ, то они были взяты въ плѣнъ около самаго дворца“ [3]).

---

[1]) Въ настоящее время виленскій православный каѳедр. соборъ.

[2]) „Отрывокъ изъ записокъ помѣщ. Виленской губ.“, стр. 767.

[3]) Тамъ же, стр. 768. Бернацкій, которому, по его словамъ, довелось видѣть запросъ изъ Петербурга по поводу схватки подъ Вильной, говоритъ, что баталіонъ Штетпеля въ бою подъ Вильной 16-го іюля 1812 г. потерялъ 1 офицера и 50 нижнихъ чиновъ („Виленск. Военн. Лист.“ 1912 г. № 645).



VI.

Вступленіе французовъ въ Вильну. Въѣздъ Наполеона.

Наполеонъ на русской территоріи.

Переходъ Наполеона чрезъ русскую границу совершился благополучно, хотя и при не особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Очевидцы разсказываютъ, что на войска произвелъ непріятное впечатлѣніе случай съ Наполеономъ передъ переправой: его лошадь оступилась (по другимъ,—ее испугалъ заяцъ) и сбросила императора на песокъ. Наполеонъ получилъ легкій ушибъ бедра.

— Римлянинъ вернулся бы назадъ... говорили приближенные Наполеона, находившагося въ этотъ день въ особомъ нервномъ возбужденіи.

Къ концу переправы случилась гроза. Дороги были испорчены. Движеніе войскъ Наполеона становилось затруднительнымъ по мѣстности, представлявшей собой то болота, то пески [1]).

По переходѣ Нѣмана, Наполеонъ остановился въ Ковнѣ, въ домѣ купца Гехеля, гдѣ пробылъ три дня [2]).

Въ числѣ лицъ, видѣвшихъ въ это время Наполеона, находился учитель ковенскаго училища Миловицкій, который, будучи представленъ ему, имѣлъ съ нимъ разговоръ... Наполеонъ между прочимъ спросилъ:

— „Далеко ли отсюда Вильна?

— Четырнадцать миль,—отвѣтилъ учитель.

— На третій день мы будемъ тамъ. А дорога въ Вильну хороша?

— Хороша“.

---

[1]) Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ описанъ фр. Тиріономъ въ его „Запискахъ“, переведенныхъ съ франц. яз. (Вѣстн. русск. конницы“ 1911 г.), Вандаломъ („Военно-истор. Вѣстникъ“ 1911 г.) и др.

[2]) Въ Ковнѣ французами были устроены четыре батареи, которыя „были соединены вокругъ города палисадомъ“ (Дѣло арх. виленск. генер.-губ. № 3, за 1813 г., листъ 14).

Есть извѣстіе, что по дорогѣ изъ Ковны въ Вильну Наполеону, при посредствѣ генералъ-адъютанта Сокольницкаго, представлялся помѣщикъ имѣнія Шанецъ — Прозоръ, съ которымъ онъ тоже разговаривалъ. Въ разговорѣ Наполеонъ сказалъ:

— Императоръ Александръ пируетъ въ Вильнѣ на балу, на который и я постараюсь поспѣть, и вскорѣ съ моимъ другомъ буду имѣть свиданіе.

Занять Вильну и въ ней утвердить свою главную квартиру побуждали Наполеона стратегическія соображенія. „Желая извлечь возможную выгоду изъ превосходства моихъ силъ,—писалъ Наполеонъ въ своихъ запискахъ, я рѣшилъ атаковать непріятеля по всей его линіи, соблюдая однако правило—направлять главныя усилія на рѣшительный пунктъ". Макдональдъ изъ Тильзита долженъ былъ угрожать Митавѣ, Ригѣ и правому крылу русскихъ. Іеронимъ изъ Гродны долженъ былъ дѣйствовать противъ второй арміи и отражать ее отъ общихъ русскихъ силъ, а Наполеонъ шелъ по средней между крылами своихъ армій. Самымъ крупнымъ центромъ срединнаго пути была Вильна. Французы не предполагали, чтобы Вильна была отдана безъ боя и, приближаясь къ городу, готовились къ бою. И дѣйствительно, Вильна, по первоначальному военному плану, должна была оказать сопротивленіе непріятелю. Сюда велѣно было свозить изъ пограничныхъ областей—казенныя деньги и имущество. Здѣсь сосредоточены были огромные провіантскіе склады.

14 іюня Наполеонъ лично повелъ свою гвардію. Мюратъ и Даву пошли во главѣ кавалеріи и пѣхоты въ Вильну, черезъ Жижморы. Туда же по теченію рѣки Жижмы пошли Удино и Ней.

Большой ошибкой французскаго императора было объявленіе войскамъ, что они вступаютъ въ *непріятельскій* край, тогда какъ въ этомъ краѣ было очень много поляковъ, симпатизировавшихъ Наполеону. Между тѣмъ на войска это заявленіе оказало свое дѣйствіе. Оно подало имъ поводъ сейчасъ же за Нѣманомъ „разбросаться въ мародеры" и совершать „многіе разбои и грабежи жителямъ" [1]).

---

[3]) Военскій: „Акты и матеріалы...", стр. 409. У Ковны переправились корпуса Даву, Нея, Нансути, Монбрена и гвардія. Всего свыше 220.000 человѣкъ. По другимъ свѣдѣніямъ—около 250.000.

Военные историки мало говорятъ о боевыхъ столкновеніяхъ русскихъ съ Наполеономъ по пути къ Вильнѣ. Представляется обыкновенно, что наши конные отряды и казаки, при видѣ грозной арміи, уходили почти безъ боя, обмѣнявшись выстрѣлами. Вопросъ этотъ пока недостаточно выясненъ военными историками. Извѣстно, однако, что, по переходѣ Наполеона на русскій берегъ, его встрѣтили здѣсь казаки 1 бугскаго полка и елисаветградскіе гусары. 13 іюня въ 8 часовъ утра французскій разъѣздъ капитана Монфора (45 человѣкъ) былъ внезапно атакованъ казаками, при чемъ спасся только одинъ французъ. Схватка произошла около деревни Тужаны.—Того же числа у Евье произошла схватка казачьяго разъѣзда, посланнаго изъ Янова, съ 8 польскимъ уланскимъ полкомъ. Нѣсколько казаковъ было убито, а офицеръ съ письменнымъ рапортомъ, который везъ Тучкову, попалъ въ плѣнъ.—14 іюня на большомъ трактѣ межъ Жижморами и Нов. Троками произошла схватка межъ тремя эскадронами французскихъ гусаръ и двумя эскадронами нашихъ лейбъ-казаковъ (взято въ плѣнъ 7 французскихъ гусаръ). — 15 іюня на берегу р. Вакі лейбъ-казаки вновь сцѣпились съ французскими гусарами и только къ вечеру отступили къ Вильнѣ [1]).

Несмотря на то, что французская армія везла съ собой все необходимое и даже ручныя мельницы для перемола зеренъ, она съ первыхъ дней пребыванія въ Россіи стала испытывать большое затрудненіе въ продовольствіи и фуражѣ [2]). „Французская кавалерія, при вступленіи ея въ наши предѣлы, фуражировала своихъ лошадей незрѣлымъ хлѣбомъ и травами, коихъ чрезъ сіе пало неисчислимое множество по дорогѣ изъ Ковны въ Ошмяны, что даже не было свободнаго проѣзда, а посему администрація принуждена была давать людей и назначать депутатовъ для закапыванія сей дохлой скотины“ [3]).

---

[1]) Корпусъ Витгенштейна 16 іюня, на разсвѣтѣ имѣлъ серьезное столкновеніе съ французской кавалеріей подъ Мелешовичами.

[2]) По словамъ франц. историка Вандаля, Наполеонъ „собиралъ тысячи лошадей... организовалъ воловьи баталіоны, собиралъ повозки всѣхъ родовъ и размѣровъ, организовалъ колоссальный подвижной составъ, который долженъ былъ слѣдовать за нашими колоннами, снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ по мѣрѣ надобности и двигаться впередъ, въ глубь Востока“.

[3]) Записка гр. Адама Хрептовича, бывш. въ 1812 г. членомъ admin. виленск. д-та, о происш. въ Виленск. губ.—К. Военскій. „Акты, документы и матер. для истор. 1812 г.“, т. I, стр. 409.

Французы подъ Вильной. Подходя къ Вильнѣ, французы чувствовали себя порядочно усталыми и не церемонились съ встрѣчными жителями и ихъ имуществомъ. „Войска сіи, говоритъ очевидецъ, занявъ окрестности города, истребили тотчасъ прилегающія къ оному обывательскія дачи, а въ числѣ оныхъ и мою, близъ города состоящую, Маркуци называемую, забирая всякую находившуюся въ оной провизію, скотъ, лошадей, всякое движимое имущество, истребляя двери, окошки и мебель, находившіяся въ строеніяхъ; а для довершенія крайняго разоренія, кавалерія, запасшаяся хозяйственными косами, скосила всякаго рода дворовый и крестьянскій хлѣбъ для корма лошадей; и, такимъ образомъ, въ продолженіе одного часа, лишился я всего; крестьяне же мои, разогнанные изъ жилищъ, спасались бѣгствомъ въ городъ, коихъ я, при великой дороговизнѣ и недостаткѣ, принужденъ былъ продовольствовать въ городѣ. Убытокъ мой полагалъ я тогда на 4,000 руб. серебромъ, и хотя правительствомъ нашимъ повелѣно было таковые убытки сосчитать, но ни тогда, за возвращеніемъ побѣдоносныхъ войскъ, ни впослѣдствіи времени, не получилъ я до сихъ поръ никакого вознагражденія“ [1]).

16 (28) іюня французы подошли къ Вильнѣ.

„Курьеръ Литовскій“ называетъ этотъ день замѣчательнымъ и приписываетъ ему начало новой эпохи въ лѣтописи города и края. „Въ этотъ день мы удостоились счастья видѣть въ стѣнахъ нашей столицы императора французовъ... великаго Наполеона, во главѣ его непобѣдимой арміи“. „Весь городъ былъ на улицѣ,—говоритъ очевидецъ,—всѣ окрестныя горы сплошь были покрыты людьми, чающими первыми увидѣть французовъ. Многіе съ этою цѣлью полѣзли на крыши домовъ, башни церквей и колокольни. Огромныя толпы побѣжали за ковенскую заставу, откуда ожидались французы. Все это бѣжало, сталкивалось, галдѣло, напоминая собою въ общемъ одинъ громадный домъ сумасшедшихъ. Между тѣмъ новонареченный президентъ города, генералъ Ляхницкій, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ себѣ, окруженный ратманами, въ главной залѣ городской думы, а передъ нимъ на столѣ, на кра-

---

[3]) Письмо виленск. помѣщика Эйсмонта о пребыв. Наполеона въ Вильнѣ, въ 1812 г.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, т. I, стр. 416—417.

сивомъ серебряномъ блюдѣ, наготовѣ уже лежали два золотые, а можетъ быть, только позолоченные, ключа, якобы отъ городскихъ воротъ, которыхъ, впрочемъ, въ Вильнѣ уже нѣтъ и въ поминѣ, за исключеніемъ никогда не запиравшихся Замковыхъ, лежащихъ въ центрѣ города, да Острой Брамы, и послѣднія тоже ничѣмъ не запираются; да и не нуждаются ни въ какихъ запорахъ, ибо наилучшею защитою имъ и городу всегда была и будетъ Пресвятая Пречистая Богородица, чудотворный образъ которой, одинаково почитаемый христіанами и нехристіанами, уже спасъ однажды городъ отъ шведовъ. Это знаютъ всѣ. Въ такомъ хаосѣ прошло около двухъ часовъ" [1]).

Французы въ Вильнѣ. Первымъ вошелъ въ городъ полкъ польскихъ уланъ, подъ начальствомъ Доминика Радзивилла (8 полкъ). За нимъ 6-й уланскій полкъ варшавскаго княжества, подъ предводительствомъ полковника Конвовскаго, и французскіе конные волтижеры съ гусарами. „Изъ всѣхъ улицъ, переулковъ, непрерывнымъ потокомъ, точно изъ мѣшка горохъ, сыпались съ гикомъ и крикомъ польскіе уланы. Пики на перевѣсъ, сабли наголо—точно къ атакѣ. Почти мгновенно вся обширная площадь предъ зданіемъ городской думы запестрѣла флюгерами уланскихъ пикъ и въ то же время уланами была занята городская дума и главная гауптвахта" [2]). Магистратъ, знатнѣйшіе жители и значительная часть народа съ городскими ключами вышли навстрѣчу Наполеону.

Французы вступили въ городъ въ 12 часовъ дня. Нечего, конечно, и говорить, съ какой радостью встрѣтили виленскіе польскіе обыватели „своихъ избавителей". „Разсказываютъ, передаетъ польскій корреспондентъ, что одинъ помѣщикъ, увидя соотечественниковъ своихъ и избавителей, умеръ отъ радости" [3]).

Французская кавалерія, какъ лава, разлилась по всѣмъ улицамъ города. Вниманіе всѣхъ обращали французскіе драгуны, съ конскими хвостами у касокъ. Лошади были изну-

---

[1]) М. Лавриновичъ. Вильна въ 1812 г. „Историческій Вѣстникъ" Годъ XVIII-й. Декабрь. 1897, стр. 879.

[2]) М. Лавриновичъ. Вильна въ 1812 г. „Историч. Вѣстникъ". Декабрь 1897, стр. 880.

[3]) Военскій, 257.

рены до крайности, нѣкоторыя оступались и становились на колѣни [1]).

Большой эффектъ въ этотъ день производилъ на улицахъ Вильны Мюратъ. „Впереди гусаръ, на чудномъ вороном скакунѣ, въ сплошь залитомъ золотомъ доломанѣ, въ фантастической, на подобіе турецкаго тюрбана, съ развѣвающимися страусовыми перьями, шапкѣ, гарцовалъ, обращая на себя всеобщее вниманіе, какой то всадникъ. Потрясая высоко поднятой надъ головой саблей, которая искрилась и сверкала, точно молнія, всадникъ горячилъ своего коня и, не переставая, кричалъ: „Виватъ, Наполеонъ! Ура, Наполеонъ!“ То былъ Мюратъ, король неаполитанскій, шуринъ Бонапарта [2]).

„Генералъ Ляхницкій, сопровождаемый нѣкоторыми старѣйшими представителями города, вышелъ на крыльцо, переговорилъ о чемъ то съ командиромъ уланъ, а за симъ, забравъ съ собою блюдо съ ключами, сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ ковенской заставѣ, навстрѣчу Бонапарту“ [3]).

Всѣ искали Наполеона. Каждаго важнаго французскаго или польскаго генерала принимали за императора Франціи. Между тѣмъ, Наполеонъ, подъѣхавъ къ Вильнѣ, прежде всего принялъ депутацію отъ города, которую представилъ ему неаполитанскій король. Такъ какъ глава депутаціи—Ляхницкій не зналъ по-французски [4]), то переводчикомъ ему служилъ Александръ Сапѣга, камергеръ Наполеона. Наполеонъ благосклонно разспрашивалъ о лицахъ, игравшихъ важную роль въ предшествующихъ событіяхъ, интересовался Ѳомой Вавржецкимъ, бывшимъ народнымъ начальникомъ послѣ Костюшки, Михаиломъ Огинскимъ, бывшимъ подскарбіемъ в. к. литовскаго, пожалованнымъ императоромъ Александромъ въ сенаторы,—виленскимъ университетомъ и его ученымъ ректоромъ,

---

[1]) Въ Вильну вошла кавалерія въ 20.000 лошадей, подъ начальствомъ Мюрата, неаполитанскаго короля.

[2]) М. Лавриновичъ. Вильна въ 1812 году. „Историческій Вѣстникъ“. Декабрь. 1897, стр. 880.

[3]) Тамъ же.

[4]) По словамъ професс. вил. универс. Франка, Ляхницкій говорилъ только по-польски и по-латыни и не отличался ученостью; но былъ человѣкъ разсудительный.

извѣстнымъ въ Европѣ, фамилію котораго Наполеонъ однако въ разговорѣ забылъ. Ему напомнили, что это—Снядецкій.

Отпустивъ депутацію, Наполеонъ, имѣя впереди себя взводъ гвардейскихъ уланъ Красинскаго и окруженный блестящимъ штабомъ, не поѣхалъ въ центръ города, а, полюбовавшись видами Вильны, повернулъ съ Трокской улицы на Нѣмецкую.

Наполеонъ нервничалъ. Его армія горѣла нетерпѣніемъ сразиться. А русскіе ушли вглубь своей необъятной страны. Это ему не понравилось....

Съ Нѣмецкой улицы Наполеонъ выѣхалъ на Большую... и затѣмъ, объѣхавъ всю юго-западную и южную части города, остановился на возвышенности около миссіонерскаго монастыря. Здѣсь онъ осматривалъ городъ съ другой стороны, потомъ спустился изъ Бакшты и въѣхалъ въ городъ по улицѣ Савичъ, мимо госпиталя сестеръ милосердія.

Узнавъ, что Наполеонъ въѣзжаетъ съ другой стороны города, населеніе хлынуло къ Замковымъ воротамъ. Императоръ ѣхалъ верхомъ на небольшой сѣрой, но красивой арабской лошади. Онъ былъ въ мундирѣ конныхъ егерей, со звѣздою и маленькимъ крестомъ почетнаго легіона, въ треуголкѣ, надвинутой почти на брови. Быстрымъ взглядомъ и еле замѣтнымъ движеніемъ головы, онъ удостаивалъ вниманія окружающихъ, кричавшихъ: „Виватъ, Наполеонъ!“ Окна и балконы на главныхъ улицахъ были разукрашены гирляндами, цвѣтами и коврами.

За Наполеономъ тѣснились маршалы, генералъ-адъютанты, офицеры разнаго оружія, а затѣмъ слѣдовали: взводъ мамелюковъ, гвардейскихъ конныхъ егерей и уланъ полковника Красинскаго. На Замковой улицѣ Наполеонъ обратилъ вниманіе на дамъ, находившихся въ окнахъ медицинскаго коллегіума, и привѣтствовалъ ихъ, слегка дотрогиваясь рукой къ шляпѣ. Дамы махали платками и бросали цвѣты...

Но особенное вниманіе Наполеона привлекла Замковая гора. Несмотря на крутой подъемъ, онъ быстро взобрался на лошади на ея вершину и около $^1/_4$ часа любовался городомъ съ третьяго пункта, съ того мѣста, гдѣ четыре столѣтія тому назадъ основатель города Гедиминъ слѣдилъ за движеніями крестоносцевъ, угрожавшихъ неожиданнымъ нападеніемъ на

Вильну [1]). Спустившись съ горы, Наполеонъ проѣхалъ мимо костела св. Георгія къ берегу Виліи, гдѣ дымились остатки Зеленаго моста. „При помощи пожарныхъ инструментовъ было спасено все, что еще не было охвачено огнемъ",—говоритъ очевидецъ. Замѣтивъ поблизости польскихъ уланъ, Наполеонъ предложилъ имъ переправиться вплавь на другой берегъ, что и было исполнено при крикахъ: „Виватъ Наполеонъ!" Здѣсь же отдано было распоряженіе о наводкѣ трехъ мостовъ на плотахъ: у зеленаго моста, противъ арсенала (нынѣ казармы 3 сапернаго баталіона) и на Антоколѣ. Императоръ сидѣлъ на берегу, на простой скамейкѣ, и въ продолженіе двухъ часовъ „благоволилъ разговаривать со всѣми, имѣвшими счастье приблизиться къ нему. Онъ говорилъ о мѣстныхъ учрежденіяхъ и объ администраціи края, вникая во всѣ подробности. Его ласковое обхожденіе несказанно восхищало всѣхъ" [2]).

О впечатлѣніи, производенномъ Наполеономъ на виленцевъ, могутъ дать понятіе нижеслѣдующія строки очевидца. „Надъ самымъ берегомъ рѣки, лѣвѣе моста, на простой деревянной скамейкѣ, сидѣлъ онъ, тотъ самый, отъ взгляда котораго милліоны людей трепетали, и мановеніе руки котораго способно было направить милліоны эти на вѣрную смерть и хоть на самый конецъ свѣта. Такъ вотъ онъ! Да неужели-же это въ самомъ дѣлѣ онъ, тотъ самый, имя котораго вездѣ и всюду повторяется на всѣхъ языкахъ человѣческихъ, и слава о которомъ гремитъ изъ конца въ конецъ міра?! Думалъ увидѣть что-либо особенное, но, правду сказать, право, не на что было смотрѣть... Фигура самая обыкновенная, даже невзрачная; но когда онъ, повернувъ голову на нашу сторону, случайно посмотрѣлъ на меня, то, сознаюсь, дрожь прошла по всему моему тѣлу, и поджилки на ногахъ затряслись... Никогда въ жизни не забуду этого огненнаго взгляда... Хотя мостъ былъ взорванъ, но вся поверхность рѣки была покрыта плотами, на которыхъ уже копошились понтонеры, устраивая

---

[1]) Въ XVIII в. Замковая гора принадлежала вѣдомству казеннаго управленія. Въ XIX в. остатки замка, гора и постройки, окружающія ее, перешли въ военное вѣдомство.—Напоминаніемъ объ этомъ является нахожденіе на горѣ старинной пушки и часоваго—артиллериста. Въ виду того, что военно-инженерное вѣдомство содержало гору небрежно, она была передана въ вѣдѣніе города.

[2]) Военскій: „Акты"... 1812 г., стр. 254.

изъ бревенъ пловучій мостъ. Пока все это дѣлалось, Бонапартъ попрежнему сидѣлъ на берегу и велъ разговоръ съ отцомъ Глоговскимъ, монахомъ ордена піяровъ, котораго замѣтилъ въ толпѣ и велѣлъ подойти къ себѣ. Выборъ Наполеона оказался какъ нельзя болѣе удаченъ, ибо отецъ Глоговскій былъ умнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человѣкъ, а по французски зналъ не хуже, чѣмъ на родномъ языкѣ. Всѣ дивились, какъ это простой монахъ такъ смѣло можетъ говорить съ самимъ императоромъ" [1]).

Наполеонъ въ Вильнѣ. Ознакомившись съ Вильной, Наполеонъ уѣхалъ въ епископскій дворецъ и въ 5 часовъ вечера занялъ тѣ самыя комнаты, въ которыхъ останавливался императоръ Александръ. „Толпа народа бѣжала за нимъ, по пути ко дворцу, неистово крича: „Виватъ!" Наполеонъ отвѣчалъ на эти восторги то небрежнымъ движеніемъ руки, то едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Какая разница съ привѣтливостью и добротою Александра!..." [2]).

Прибывъ во дворецъ, Наполеонъ, уставшій и вообще находившійся въ этотъ день въ скверномъ расположеніи духа (онъ ожидалъ, что битва подъ Вильной рѣшитъ кампанію), сѣлъ обѣдать.

Есть извѣстіе, что онъ велѣлъ пригласить редактора „Литовскаго Курьера" Каллиста Даниловича и долго съ нимъ разговаривалъ.

Наполеона особенно интересовали вопросы: почему русскіе не дали ему сраженія во время переправы черезъ Нѣманъ, или подъ Ковной, или, наконецъ, подъ Вильной,—которая, какъ центръ Литвы, должна быть защищена? Спрашивалъ онъ также о духѣ литовскаго дворянства, духовенства, профессоровъ, студентовъ, поселянъ, о численности края, о лазаретныхъ помѣщеніяхъ, о состояніи динабургской крѣпости.

— Какъ велика русская армія? спросилъ, между прочимъ, Наполеонъ.

---

[1]) М. Лавриновичъ. „Вильна въ 1812 году". „Историч. Вѣстникъ". Декабрь. 1897 г., стр. 880—881.

[2]) М. Лавриновичъ, стр. 881. Разнесся слухъ, что русскіе, уходя изъ Вильны, минировали дворецъ. Немедленно во дворецъ были посланы французскіе военные инженеры, осмотрѣвшіе помѣщеніе отъ чердака до подваловъ и убѣдившіеся въ неосновательности слуховъ.

— Около 300.000 человѣкъ,—отвѣтилъ редакторъ.

— Ложь! вскричалъ Наполеонъ и вручилъ ему разорванный, перехваченный рапортъ начальника главнаго штаба главнокомандующему первой западной арміей. По этому рапорту оказалось, что продовольствіе отпускалось лишь на 32.000 чел. Наполеонъ рѣзко потребовалъ отъ Даниловича, чтобы онъ сложилъ рапортъ и представилъ его вмѣстѣ съ переводомъ.

Наполеонъ все таки остался доволенъ Даниловичемъ. Съ нечуждой ему прозорливостью, онъ видѣлъ, что въ лицѣ редактора—представителя мѣстной печати—онъ пріобрѣтаетъ очень нужную ему силу общественнаго мнѣнія, и поэтому приказалъ продолжать изданіе газеты (которая въ тревожные дни смѣны правительства пріостановилась). Цензоромъ газеты былъ назначенъ статсъ-секретарь Дарю, а затѣмъ императорскій комиссаръ Биньонъ.

Виленскія настроенія. Польскіе и французскіе полки вступили въ городъ,—по словамъ польскаго корреспондента,—„въ образцовомъ порядкѣ и въ самомъ лучшемъ состояніи“ [1]). Молодежь „горѣла нетерпѣніемъ вооружиться и вступить въ ряды своихъ единоплеменниковъ. Вечеромъ дома всѣхъ жителей, по ихъ собственному почину и единодушному желанію, были блестяще освѣщены, такъ что весь городъ казался пышно иллюминованнымъ“ [2]).

Вильна приняла совершенно необычайный военный видъ. Жители чувствовали себя довольно жутко. „Безостановочно проходили черезъ городъ разнородныя, разновидныя и разноязычныя войска“. По свидѣтельству очевидца, въ Вильнѣ показались кирасиры въ латахъ, „которые на солнцѣ блестѣли, какъ золотыя огромныя дѣтины на исполинскихъ коняхъ, въ желѣзныхъ шишакахъ, съ конскими хвостами позади, что придавало этимъ и безъ того страшнымъ конникамъ еще болѣе страшный видъ. Какіе-то невѣроятные и странные бородачи въ огромныхъ косматыхъ шапкахъ, съ широкими бердышами, какъ у палачей, на плечахъ и съ кожаными фартуками, точно у кузнецовъ..., на головахъ—чалма, у каждаго на поясѣ огромный кинжалъ, а на боку кривая и широкая

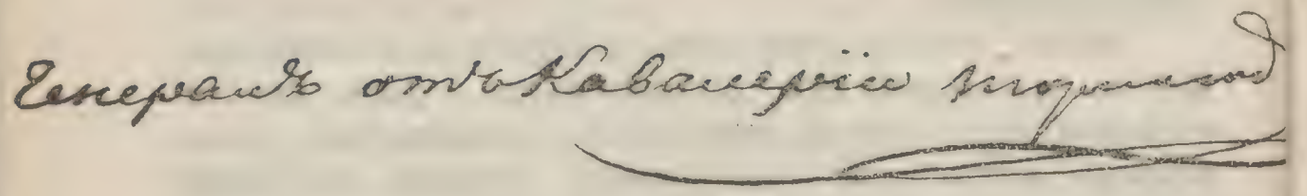
---

[1]) Военскій. Стр. 254.

[2]) Военскій, стр. 254.

саблища. Говорятъ, что это какіе-то мамелюки съ береговъ Краснаго моря, того самого, въ которомъ когда-то египетскій фараонъ утонулъ“ [1]).

Въ Вильнѣ были даже испанцы. Ихъ легіонъ, одѣтый въ необыкновенные мундиры коричневаго цвѣта, смуглыя южныя физіономіи, необычайный гортанный выговоръ поражали оригинальностью. Но болѣе другихъ обращала на себя вниманіе старая наполеоновская гвардія. Видъ гвардейцевъ былъ очень величественный. „Мундиръ изъ тонкаго сукна, медвѣжьи шапки, осанка, полная достоинства, грудь почти каждаго солдата, украшенная крестомъ почетнаго легіона, рукава съ множествомъ шевроновъ...— все обнаруживало въ нихъ испытанныхъ и храбрыхъ воиновъ“. „Во время парадовъ впереди ихъ обыкновенно шелъ тамбуръ-мажоръ или дирижеръ оркестра военной музыки, красивый и рослый мужчина, одѣтый почти по-генеральски, съ булавой въ рукахъ“ [2]).



Факсимиле командовавшаго 3 арміей генералъ-отъ-кавалеріи Тормасова.

---

[1]) М. Лавриновичъ. „Вильна въ 1812 году“. „Историческій Вѣстникъ“. Декабрь. 1897 г., стр. 882.

[2]) „Во время нашествія непріятеля прибыло сюда (въ Вильну) множество разныхъ купцовъ, разнаго рода ремесленниковъ, маркитантовъ, лакеевъ, фурмановъ, служанокъ, солдатскихъ женъ и разнаго рода людей, къ военному званію не принадлежащихъ“. (Дѣло арх. вил. ген.-губерн. № 109, за 1813 г., л. 190).

VII.

Пріемъ Наполеономъ Балашева, литовскаго дворянства и университетскихъ корпорацій.

Балашовъ у Наполеона.

Въ городѣ показался русскій мундиръ—генералъ Балашевъ, присланный для переговоровъ отъ имени Александра I. Прежде чѣмъ видѣть Наполеона Балашеву пришлось испытать нѣкоторыя непріятности.

Какъ было сказано, [1]) Балашовъ выѣхалъ изъ Вильны 13-го раннимъ утромъ къ Рыконтамъ, навстрѣчу надвигавшейся арміи Наполеона. По дорогѣ ему все попадались наши отступавшія войска. У Рыконтъ Балашевъ встрѣтилъ послѣдніе разъѣзды казаковъ. Далѣе на горизонтѣ цвѣтными точками виднѣлись передовые посты французскаго авангарда. Узнавъ отъ казачьяго офицера, что за Рыконтами стоятъ гусары дивизіи Брюйера, Балашевъ осторожно поѣхалъ дальше и наткнулся на двухъ французовъ-гусаръ. Они подняли тревогу и хотѣли уже стрѣлять... Но сопровождавшій Балашева казакъ затрубилъ. Узнавъ, что со стороны русскихъ прибылъ парламентеръ, гусары немедленно дали знать начальнику аванпостовъ полковнику Юльнеру, а послѣдній доложилъ королю неаполитанскому Мюрату. Мюратъ находился невдалекѣ. Отданъ былъ приказъ пропустить Балашева черезъ цѣпь. Слѣдуя вглубь расположенія французскихъ войскъ, Балашевъ, въ сопровожденіи конвоировавшихъ его гусаръ, подъѣхалъ къ Мюрату, который, увидя русскаго генерала, первый соскочилъ съ коня и, снявъ шляпу, привѣтливо сказалъ:

— Я счастливъ васъ видѣть, генералъ... Но надѣнемъ прежде всего шляпы.

Балашевъ съ своей стороны привѣтствовалъ неаполитанскаго короля.

---

[1]) См. главу V, стр. 28.

— Кажется, здѣсь все предвѣщаетъ войну,—улыбаясь, замѣтилъ Мюратъ.

— Дѣйствительно, ваше величество, кажется, императоръ Наполеонъ желаетъ вести ее,—отвѣтилъ Балашевъ.

— Вы считаете зачинщикомъ войны не императора Александра?

— Я имѣю при себѣ тому доказательства.

— А нота, которой вы повелительно требовали, чтобы французскія войска очистили Пруссію, не входя ни въ какія объясненія?

— Сколько мнѣ извѣстно, ваше величество, это требованіе не было важнѣйшимъ изъ условій ноты.

— Но все-таки мы не могли принять его. Впрочемъ, душевно желаю, чтобы императоры поладили между собой и чтобы война, начавшаяся противъ моей воли, была закончена какъ можно скорѣе. Не буду васъ задерживать, генералъ. Можете продолжать вашъ путь. Не знаю навѣрно, гдѣ императоръ, но, вѣроятно, онъ недалеко отсюда...

Мюратъ распрощался съ Балашевымъ, вѣжливо пожелалъ ему дальнѣйшаго счастливаго пути.

Совсѣмъ иного рода произошла сцена у Даву, къ которому Мюратъ отправилъ Балашева, предупредивъ Наполеона о прибытіи парламентера.

Даву былъ погруженъ въ разсмотрѣніе военной карты. Озабоченный, повидимому, предстоящими распоряженіями, онъ холодно поклонился Балашеву и съ недовольнымъ видомъ сказалъ:

— Не знаю, гдѣ теперь императоръ. Отдайте мнѣ вашъ пакетъ, и я перешлю его.

Балашевъ заявилъ, что письмо адресовано непосредственно Наполеону.

— Все равно,—грубо возразилъ на это Даву: вы здѣсь не у себя. Дѣлайте то, что отъ васъ требуютъ.

— Вотъ вамъ письмо, — отвѣтилъ Балашевъ,—совѣтую не обращать вниманія на мою особу, но прошу помнить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта его императорскаго величества императора Александра.

Послѣ этого Даву отвѣтилъ, что Балашеву будетъ оказано должное вниманіе и пригласилъ его къ столу.

Наполеонъ въ этотъ день не принялъ Балашева.

На другой день Даву заявилъ, что идетъ дальше къ Вильнѣ и оставляетъ его впредь до распоряженія императора на попеченіи адъютанта де-Кастри.

— Прошу васъ только объ одномъ, сказалъ Даву Балашеву, — не говорите ни съ кѣмъ, кромѣ адъютанта, и не переходите за цѣпь часовыхъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что прибытіе Балашева къ французскимъ войскамъ было привѣтствовано многими изъ нихъ съ радостью — какъ предвѣстіе близкаго мира. Въ пользу мира особенно подавалъ голосъ Каленкуръ. Нѣкоторые генералы раздѣляли его взгляды.

Но иначе взглянулъ на дѣло Наполеонъ. Предполагая разбить русскихъ на поляхъ подъ Вильной, онъ заранѣе думалъ объ условіяхъ, которыя, какъ побѣдитель, продиктуетъ императору въ столицѣ Литвы.

Прочитавъ письмо импер. Александра, Наполеонъ радостно сказалъ:

— Мой братъ Александръ, который былъ такъ гордъ съ Нарбонномъ, уже хочетъ уладить дѣло... Онъ боится... Мои маневры сбили съ толку русскихъ. Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ они будутъ у моихъ ногъ...

Балашева онъ продолжалъ держать подъ охраной.

И только въ Вильнѣ вспомнилъ о русскомъ генералѣ и велѣлъ пригласить къ себѣ.

Наполеонъ собирался говорить съ нимъ какъ побѣдитель и принялъ его сначала сурово. Эта суровость должна была быть особенно подчеркнута въ виду того, что присланный былъ не простой посолъ, а министръ полиціи.

Наполеонъ не могъ разговаривать не по военному. Даже въ мирныхъ отношеніяхъ онъ сохранялъ воинственный видъ. Собесѣдникъ Наполеона испытывалъ впечатлѣніе общенія съ человѣкомъ, который наступаетъ. У него даже и манеры были таковы: сознательно или безсознательно, онъ постоянно подымалъ руку, какъ бы готовясь нанести ударъ [1]).

---

[1]) Въ перепискѣ съ государями, въ оффиціальныхъ прокламаціяхъ, въ разговорахъ съ посланниками и даже въ публичныхъ аудіенціяхъ онъ постоянно вызываетъ и угрожаетъ. Съ большимъ высокомѣріемъ и невѣжественностью онъ разговариваетъ, напр., съ княземъ Кардито въ Миланѣ въ 1805 г., съ Меттернихомъ въ Парижѣ въ 1809 г., съ нимъ же въ Дрезденѣ въ 1813 г., съ княземъ Коссаковымъ въ Парижѣ въ 1812 г.

Наполеонъ, вообще, рѣзко критиковалъ русское правительство и относился неделикатно къ русскимъ дипломатамъ, съ которыми сталкивали его обстоятельства [1]). Переговоры съ Балашевымъ дали ему еще одинъ случай высказать саркастическія замѣчанія по поводу политики русскихъ.

Балашевъ былъ принятъ въ той самой комнатѣ виленскаго дворца, въ которой за нѣсколько дней передъ тѣмъ съ нимъ разговаривалъ русскій императоръ. Обстановка комнаты была та же. На своемъ мѣстѣ стоялъ столъ въ стилѣ Людовика XVI и мебель краснаго дерева. [2]) Только императоръ былъ другой.

— Я очень радъ, генералъ, познакомиться съ вами, сказалъ Наполеонъ, при видѣ поклонившагося ему Балашева. Я слышалъ о васъ много хорошаго. Я знаю, что вы серьезно преданы императору Александру и являетесь однимъ изъ его преданныхъ друзей. Я буду говорить съ вами совершенно откровенно и поручаю вамъ точно передать мои слова вашему монарху.

Затѣмъ Наполеонъ началъ говорить о своемъ неудовольствіи противъ русскаго правительства и винилъ русскаго императора въ начавшейся войнѣ.

Балашевъ съ своей стороны отвѣчалъ, что государь очень удивленъ вторженіемъ французовъ въ наши предѣлы безъ объявленія войны.

— Государь поручилъ мнѣ доложить вашему величеству,— сказалъ Балашевъ,—что и теперь, какъ прежде, онъ готовъ на миръ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы французы немедленно перешли обратно за наши границы.

— Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?—отвѣтилъ Наполеонъ.

---

[1]) Еще въ августѣ 1811 г. (3—15 августа) Наполеонъ болѣе двухъ часовъ бесѣдовалъ съ кн. Куракинымъ въ присутствіи дипломатическаго корпуса и публично высказалъ всѣ накопившіеся у него поводы къ неудовольствію противъ Россіи: „Въ Россіи есть таланты,—говорилъ онъ,—но все, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли головы или таятъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ, и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная ни по какому направленію онъ послѣдуетъ, ни куда добѣжитъ“. (Шильдеръ, стр. 26—27).

[2]) Полагаютъ, что эта историческая мебель находится въ настоящее время въ кабинетѣ начальника штаба Виленскаго Военнаго Округа.

Напрасно вы надѣетесь на своихъ солдатъ. До Аустерлица они считали себя непобѣдимыми. Теперь они заранѣе увѣрены, что мои войска побьютъ ихъ.

— Смѣю васъ увѣрить, ваше величество,—прервалъ Наполеона Балашевъ,—что русскія войска... съ нетерпѣніемъ ожидаютъ боя. Эта война будетъ ужасна. Вы будете имѣть дѣло не съ однимъ войскомъ, а со всѣмъ русскимъ народомъ, который преданъ Государю и отечеству.

Наполеонъ отвѣтилъ, что въ Россіи никто не хочетъ войны, и что онъ можетъ набрать однихъ поляковъ 200.000.

— А они сражаются, какъ львы,—продолжалъ Наполеонъ. Увѣряю васъ, вы никогда не начинали войны при столь невыгодныхъ условіяхъ.

— Мы надѣемся кончить ее съ успѣхомъ...—стоялъ на своемъ Балашевъ.

— Вы ничего не могли сдѣлать,—продолжалъ Наполеонъ, когда на вашей сторонѣ была Австрія, а теперь, когда вся Европа со мною, на кого вы надѣетесь?

— Мы сдѣлаемъ, что сможемъ,—отвѣтилъ Балашевъ.

Предложенія русскаго императора были отвергнуты. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ пригласилъ Балашева къ обѣду и послѣ обѣда долго разговаривалъ съ нимъ, высказывалъ мысли о неискренности Александра I. жаловался на приближенныхъ русскаго императора, которые умѣли поссорить ихъ и рѣшительно сказалъ, что воротиться за Нѣманъ—значитъ признать себя безчестнымъ. Наполеонъ старался представить Балашеву все безуміе для русскихъ вести съ нимъ войну. Съ улыбкой сожалѣнія онъ высказывалъ послу ошибки русскаго императора, его слабость, предсказывалъ ему неминуемое пораженіе и близкое униженіе.

— „Россія не хочетъ этой войны,—говорилъ Наполеонъ Балашеву,—и ни одна европейская держава не одобряетъ ея, даже сама Англія, потому что она предвидитъ гибельныя ея послѣдствія для Россіи и, быть можетъ, паденіе ея... Императоръ Александръ окруженъ очень плохими политиками... Не стыдно ли ему приближать къ себѣ такихъ подлецовъ, какъ Армфельдъ,—безнравственный интриганъ и негодяй... Штейнъ, изгнанный изъ своего отечества, какъ негодяй... Скажите императору Александру, что, окружая себя моими личными

врагами, онъ наноситъ мнѣ личное оскорбленіе. Слѣдовательно, я долженъ отвѣчать ему тѣмъ же: я изгоню изъ Германіи всѣхъ его баденскихъ, вюртембергскихъ и веймарскихъ родственниковъ. Пусть онъ готовитъ имъ убѣжище въ Россіи"...

Балашевъ слушалъ Наполеона, но не оставался въ долгу. Заговорили, между прочимъ, о Москвѣ и о томъ, что тамъ сорокъ сороковъ церквей.

— „Тысяча шестьсотъ церквей въ наше время, когда нѣтъ религіи,—сказалъ насмѣшливо Наполеонъ.

— Извините, государь, отвѣтилъ Балашевъ,—религія есть еще въ Россіи и Испаніи...

Наполеону отвѣтъ не понравился.

— На какіе города идетъ дорога къ Москвѣ?—спросилъ Наполеонъ.

— На разные. Карлъ XII шелъ въ Москву черезъ Полтаву [1]).

Посольство Балашева было послѣднимъ актомъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Франціей. Балашевъ немедленно выѣхалъ изъ Вильны и 21-го прибылъ въ Видзы, гдѣ въ это время была наша главная квартира и гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія. Опасались, что Наполеонъ, вопреки основнымъ обычаямъ международнаго права, удержитъ Балашева, какъ военноплѣннаго [2]). Съ этого момента всѣ сношенія были порваны. Вопросъ о мирѣ долженъ быть рѣшенъ только оружіемъ. „Начался страшный смертный пиръ, коего шумный отголосокъ долженъ былъ передаться изъ вѣка въ вѣкъ" [3]).

---

[1]) Разговоръ Балашева съ Наполеономъ у Богдановича—„Исторія Отечественной войны".

[2]) Любопытное освѣщеніе бесѣды Наполеона съ Балашевымъ даетъ французскій историкъ Вандаль. По его словамъ, французскій императоръ рѣшилъ принять русскаго посла для того, „чтобы поощрить на будущее время посылку новыхъ парламентеровъ и поддержать, несмотря на войну, возможность послѣдующихъ свиданій между монархами, чтобы Александръ при первомъ же смятеніи своей души, послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій, зналъ, куда ему обратиться для капитулированія и передачи мирныхъ и покаянныхъ предложеній. Въ то же время желая, приблизить другими способами этотъ моментъ безпомощности, онъ рѣшилъ проявить предъ Балашевымъ безграничную увѣренность въ себѣ, непоколебимое довѣріе къ своимъ силамъ. Предполагая испугать русскаго видомъ своихъ силъ и средствъ, онъ рѣшилъ придать своей вѣжливости тонъ подавляющаго превосходства."

[3]) Записки графа Грабенъ.

Смотръ войскъ Наполеона. Представленіе корпорацій.

22 іюня Наполеонъ осматривалъ городъ и дѣлалъ смотръ разнымъ войскамъ, безпрерывно приходившимъ въ Вильну. Въ тотъ же день пополудни, онъ принялъ литовское дворянство и объявилъ ему свое неудовольствіе по поводу того, что нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ помѣщиковъ удалились за русскимъ дворомъ. Особенно непріятно было ему воспоминаніе о Михаилѣ Огинскомъ.

— Что русскіе говорили при выходѣ изъ Вильны?— спросилъ Наполеонъ помѣщика Роммера, при представленіи ему дворянства.

Роммеръ повторилъ слова, слышанныя имъ отъ генерала Кока (начальника штаба въ корпусѣ графа Штейнгеля):

— Русскія войска будутъ ретироваться до извѣстнаго мѣста, гдѣ дадутъ рѣшительное сраженіе, славнѣе и достопамятнѣе Прейсишъ-Эйлаускаго"...

— Увидимъ! отвѣтилъ Наполеонъ [1]).

Наполеону представлялись члены виленскаго университета, ректоръ котораго Снядецкій сказалъ смѣлую рѣчь съ упоминаніемъ объ Александрѣ I, которому отдалъ должную хвалу, какъ возобновителю университета, и при этомъ высказалъ чувства благодарности этому монарху за всѣ его благодѣянія. „Разсказывая, что этотъ просвѣщенный государь (Александръ I) учинилъ для распространенія образованія въ своемъ государствѣ, (Снядецкій) въ заключеніе сказалъ, что виленскій университетъ обязанъ цвѣтущимъ своимъ состояніемъ и всѣмъ, что только находится въ немъ лучшаго, милостямъ сего императора. На это Наполеонъ отвѣчалъ: „Да, это превосходный государь" [2]).

Наполеонъ назначилъ Снядецкаго, послѣ его рѣчи, членомъ временной комиссіи управленія В. К. Литовскаго, разговаривалъ съ профессорами, разспрашивая каждаго изъ нихъ о преподаваемыхъ предметахъ, успѣхахъ студентовъ, объ учебномъ заведеніи и пр., хотя, вообще, нужно замѣтить, Наполеонъ мало интересовался вопросами просвѣщенія.

---

[1]) Военскій: „Акты", стр. 393.

[2]) „Историч. записка о состояніи Виленск. губ. въ 1812 г., составленная Виленск. Гражд. Губерн. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ." - К. Военскій. „Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г." Т. I. СПБ. 1909, стр. 393.

VIII.

Отношеніе къ событіямъ „Курьера Литовскаго". Мародеры.

Виленская пресса.

Быть можетъ, во всей исторіи русской печати не найдется болѣе поразительнаго факта столь противоположно-рѣзкаго отношенія прессы къ событіямъ, какъ отношеніе виленской газеты „Курьеръ Литовскій" къ происходившему въ Вильнѣ 15—16 іюня 1812 г. [1]). Положимъ, что „народное чувство благодарности рѣдко бываетъ добродѣтелью", какъ сказалъ еще историкъ М. О. Кояловичъ, но, во всякомъ случаѣ, никто не ожидалъ, чтобы почти на слѣдующій день послѣ того, какъ виленцы получили столько доказательствъ гуманнаго и, можно даже сказать, сердечнаго отношенія къ нимъ русскаго императора, мѣстная печать такъ рѣзко измѣнила бы отношеніе къ нему и къ русскимъ. Конечно, русскіе не могли быть особенно симпатичными для поляковъ, питавшихъ давнишнюю ненависть къ Россіи, но чувства элементарнаго приличія и свѣжія впечатлѣнія вчерашняго дня требовали бы, казалось, болѣе политичнаго или, лучше сказать, дипломатичнаго перехода къ фактамъ. Между тѣмъ, при чтеніи номеровъ „Курьера Литовскаго", вышедшихъ одинъ за другимъ, въ дни удаленія изъ Вильны русскихъ и вступленія французовъ, получается впечатлѣніе, какъ будто описываемыя событія происходили совершенно въ разныхъ городахъ или, по крайней мѣрѣ, были отдѣлены значительнымъ временемъ. Ре-

[1]) „Литовскій Курьеръ" издавался тогда въ пользу камергера б. польскаго двора—Ѳаддѣя Влодека, „посредствомъ избираемыхъ имъ редакторовъ"... Въ 1812 года послѣдовало распоряженіе русскаго правительства, чтобы газета издавалась университетомъ, и чтобы изъ доходовъ, получаемыхъ университетомъ, Влодеку ежегодно уплачивалось бы 500 червонныхъ. Однако расчетъ съ Влодекомъ не такъ легко было произвести, и поэтому редактору „Литовскаго Курьера" Каликсту Даниловичу предоставлено было право издавать газету до конца 1812 г. Когда французы прибыли въ Вильну, Даниловичъ продолжалъ издавать „Литовскій Курьеръ", не сносясь ни съ университетомъ, ни съ учрежденною при немъ цензурой. (Военскій: „Акты"... 413).

дакторъ „Курьера“ изъ „поклонника“ императора Александра вдругъ превратился въ яраго его ненавистника.

Поляки не жалѣли украшающихъ эпитетовъ для восхваленія Наполеона. Они называли его „избавителемъ Польши“, „непобѣдимымъ“, „нашимъ мстителемъ“, „героемъ нашего вѣка“, „солнцемъ“, „земнымъ богомъ“ [1]). Каждое распоряженіе Наполеона вызывало со стороны экспансивныхъ поляковъ чувство восторга къ великому Наполеону, котораго десница Провидѣнія привела въ предѣлы Литовскаго княжества для указанія ему надеждъ на лучшее состояніе“ [2]).

Мародеры. Радостное настроеніе поляковъ и литовцевъ омрачалось лишь непріятными извѣстіями, что французы грабятъ. Сначала этому не хотѣли вѣрить, но слухи оправдались фактами. Не всякій зналъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней со времени перехода французской арміи въ Россію болѣе десяти тысячъ солдатъ разбѣжались для грабежа. Насилію подвергались главнымъ образомъ дома помѣщиковъ, монастыри и болѣе или менѣе состоятельныя усадьбы крестьянъ.

Мародеры забирали не только съѣстные припасы, но и домашнюю утварь, платье, обувь. Мародерствомъ особенно занимались: нѣмцы (баварцы), иллирійцы и итальянцы. Французы менѣе грабили. По французскимъ источникамъ, число мародеровъ въ области литовскаго княжества доходило до 25.000. На четыре мили вокругъ Вильны были расположены особыми отрядами войска Красинскаго для поимки грабителей, которыхъ тотчасъ же отправляли въ городъ. Запрещено было поздно ходить по городу. Гвардейскіе гренадеры, составлявшіе ночные обходы забирали всѣхъ праздношатавшихся. Пойманныхъ мародеровъ обыкновенно разстрѣливали на виленскихъ площадяхъ.

Жители деревень и селъ, узнавъ, что правительство принимаетъ мѣры къ прекращенію безчинствъ, стали смѣлѣе защищаться. Имѣя у себя достаточное количество охотничьихъ

---

[1]) Замѣчательно, что, несмотря на неудачу Наполеона, въ Литвѣ имя этого генія войны перешло въ потомство съ большимъ ореоломъ величія. Даже въ настоящее время старики помнятъ лицъ, которые, при произношеніи имени Наполеона, вставали въ знакъ благоговѣнія.

[2]) Воззваніе комиссіи временнаго правл. къ духовенству виленской епархіи. Военскій. „Акты...“, 153.

ружей, оставленныхъ мародерами, помѣщики и ихъ управляющіе иногда съ успѣхомъ отражали нападенія грабительскихъ шаекъ.

Сохранились извѣстія о частныхъ случаяхъ нападенія мародеровъ на помѣщичьи усадьбы. Нѣкоторые изъ разсказовъ этого рода хотя и носятъ нѣсколько анекдотическій характеръ, но очень характерны.

„Адъютантъ-подпрапорщикъ", забравъ въ квартирѣ одного помѣщика всѣ цѣнности съ приличной вѣжливостью, потребовалъ отъ хозяина, чтобы тотъ отдалъ ему свои сапоги на томъ основаніи, что помѣщикъ у себя дома можетъ найти другіе, а ему въ военное время сапоги болѣе нужны. Помѣщикъ, раздосадованный такою наглостью, зная довольно хорошо французскій языкъ, опустился на стулъ и, протянувъ ноги, сказалъ:

— Voila une action digne d'un membre d'une grande nation! [1]).

Эти слова подѣйствовали и сконфузили молодого подпрапорщика.

Помѣщикъ К., дисненскаго уѣзда, спрятавшій семью въ безопасномъ мѣстѣ, самъ лично встрѣтилъ французовъ и хотѣлъ ихъ угостить, но они обобрали его, оставивъ въ одномъ бѣльѣ. Въ такомъ костюмѣ помѣщикъ былъ представленъ королю неаполитанскому, явившемуся черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого непріятнаго приключенія [2]).

„Два какихъ-то негодяя, разсказываетъ другой очевидецъ, пробрались въ маленькій монастырь св. Троицы, что на Антоколѣ, и начали было сдирать ризы съ образовъ и разныя золотыя и серебряныя жертвы, которыми благочестивые богомольцы украсили чудотворное изображеніе Христа. Подобное святотатство, однако, не прошло имъ даромъ; схваченные на мѣстѣ преступленія, они въ двадцать четыре часа были осуждены военно-полевымъ судомъ и тутъ же на Антоколѣ разстрѣляны. Видѣлъ я обоихъ и удивился ихъ безвѣрію и сердечной окаменѣлости этихъ еретиковъ: ни духовника, ни исповѣди и никакого напутствія въ другой

---

[1]) „Вотъ поступокъ, достойный гражданина великой націи".

[2]) Переданы въ „Отрывкѣ изъ записокъ помѣщика Виленской губерніи".

міръ принять не пожелали. Идя на мѣсто казни, одинъ грызъ бублики, а другой курилъ трубочку, и оба весело разговаривали и безпечно шутили съ тѣми самыми, которые, не далѣе какъ черезъ минуту, должны были въ нихъ выпалить“ [1]).

„Въ Мѣдникахъ—опустошеніе, говоритъ тотъ же свидѣтель. Усадьба, село, корчма, домъ ксендза—безъ оконъ, безъ дверей. Костелъ настежъ и тоже весь дочиста обобранъ. Могильные склепы и тѣ даже не пощажены, а гробы раскрыты и опрокинуты. Внутри костела кучи навоза. Безбожники! Домъ Божій превратили въ конюшню. Нигдѣ ни живой души, кромѣ еще нѣсколькихъ откуда-то явившихся *камрадовъ*. Пять-шесть тощихъ одичалыхъ собакъ бродили, жалобно воя, около брошенныхъ жилищъ, да еще нѣсколько забытыхъ пѣтуховъ перелетали съ крыши на крышу“ [2]).

„Таковое несчастное положеніе безначалія или самовольнаго военнаго правленія, замѣчаетъ графъ Хрептовичъ, бывшій въ 1812 г. однимъ изъ чиновъ администраціи виленскаго департамента, — существовало только до 1-го числа іюля 1812 г.; но когда Наполеонъ учредилъ литовское правленіе въ Вильнѣ, сильно старались воздержать всѣ неправедности военныхъ, за что многіе изъ нихъ разстрѣляны, а мародеровъ, разбросанныхъ по лѣсамъ, старались вылавливать. На всѣ же доставки велѣно выдавать боны [3]), коихъ множество на значительныя суммы находится разбросанныхъ въ рукахъ помѣщиковъ и городовъ, что было доказательствомъ протекціи, какую Наполеонъ желалъ дать Литвѣ; сами же лихоимные ордонаторы [4]) изъявляли передо мною свое удивленіе той цѣлости, въ которой полагали оставить Литву, сказывая, что въ каждомъ краѣ, гдѣ только находились они съ своими войсками, до той степени все оставляли истребленнымъ и выбраннымъ изъ провіантовъ и денегъ, что только небо и землю за собою оставляли, ибо, когда реквизиціями ослабляли весь край съ провіанта и имущества, то принимали методу оби-

---

[1]) М. Лавриновичъ. „Вильна въ 1812 г.“ „Историческій Вѣстникъ“. Декабрь. 1897. Стр. 882—3.

[2]) Тамъ же, стр. 890.

[3]) Т. е. квитанціи (французское des „bons“).

[4]) Ордонаторы (Ordonnateurs, Ordonnateurs-en-chef)—военные чиновники, завѣдывавшіе интендантскою частью въ великой арміи.

рать посредствомъ фурнисеровъ всѣ наличныя деньги, какія только у владѣльца могли остаться“ [1]).

Безпорядки въ арміи французовъ.

Неудивительно, что уже въ Вильнѣ Наполеонъ практически почувствовалъ всѣ существенныя затрудненія рискованнаго похода. Очевидцы подмѣтили изнеможеніе на его лицѣ. „Занявъ городъ Вильну, Наполеонъ съ первыхъ шаговъ сталъ испытывать неудачи, рядъ которыхъ окончательно погубилъ его колоссальное предпріятіе“, говоритъ баронъ де-Марбо [2]).

Помѣщикъ Эйсмонтъ, оставившій письмо о пребываніи Наполеона въ Вильнѣ, говоритъ объ описываемомъ времени: „Примѣчая всеобщій безпорядокъ, водворившійся въ разнородныхъ его войскахъ—неединомысліе и хладнокровіе во взаимномъ другъ друга вспомоществованіи—тогда какъ упряжныя лошади изнурились, экипажи оставляемы были, лошади и люди отъ усталости падали, орудія оставались брошенными такъ, какъ будто бы никакой командѣ не принадлежали, и будто бы никто тѣмъ заниматься не долженъ, — подумалъ я, что могущество при такомъ безпорядкѣ не можетъ долго продолжаться и что участь войска непремѣнно должна послѣдовать, такая, какую испытало при Красномъ морѣ безчисленное фараоново войско, о коемъ намъ гласитъ Св Писаніе. Когда же я сіе мое замѣчаніе сообщилъ нѣкоторымъ послѣдователямъ Наполеона, то едва было не сдѣлался жертвою моей откровенности, ибо одинъ изъ сумасбродныхъ вынулъ полуаршинный кинжалъ и бросился ко мнѣ, закричавъ: „Умри, невѣрующій въ могущество земного бога и непостижимый его порядокъ!“—но по счастью ударъ сей отклоненъ былъ рукою другого, и вотъ отъ сихъ поръ научился я молчать и поосторожнѣе быть въ сообщеніи другимъ моихъ замѣчаній“ [3]).

Несмотря однако на нѣсколько затруднительное положеніе арміи и безпорядки въ продовольственномъ дѣлѣ, Напо-

---

[1]) „Записка гр. Адама Хрептовича о происш. въ Виленск. губ.“—К. Военскій: „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 469.

[2]) Въ началѣ 1812 года баронъ де-Марбо былъ назначенъ командующимъ 23-мъ конно-егерскимъ полкомъ, находившимся при началѣ войны въ составѣ 2-й арміи маршала Удино. Записки Марбо въ извлеченіи напечатаны въ книгѣ Корнилова: „Адамъ Чарторыйскій“. Москва. 1896 г.

[3]) Письмо виленск. помѣщика Эйсмонта о пребыв. Наполеона въ Вильнѣ, въ 1812 г.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, т. I, стр. 417.

леонъ продолжалъ сохранять кажущееся спокойствіе и благодушіе. Казалось, этого человѣка не могли устрашить никакія неудачи. Огромный предшествующій военный опытъ давалъ ему достаточное основаніе не смущаться такимъ положеніемъ вещей. Наполеонъ зналъ, что и раньше, въ прежнихъ походахъ, интендантская часть его арміи была не въ блестящемъ положеніи, что не мѣшало однако побѣдамъ. „Недостатку продовольствія и болѣзнямъ старался онъ помочь приказами подвозить хлѣбъ изъ запасовъ Пруссіи и учрежденіемъ госпиталей. Иногда просто запрещалъ онъ надоѣдать ему требованіями. „Скажите Понятовскому,—отвѣчалъ онъ, когда тотъ жаловался на недостатокъ хлѣба и невыдачу жалованья,—что я весьма недоволенъ, если онъ говоритъ о хлѣбѣ и жалованьи, когда надобно драться. У моей гвардіи нѣтъ хлѣба: она ѣстъ мясо—и не жалуется. Неужели поляки такіе плохіе солдаты, что не переносятъ подобныхъ лишеній въ походѣ. Надѣюсь, что впередъ онъ не будетъ толковать со мной о подобныхъ вздорахъ“. „Пусть встаетъ ранѣе и самъ смотритъ за приготовленіемъ запасовъ, которые у него есть подъ рукою“,—велѣлъ онъ сказать Жомини на его жалобу. „Если онъ будетъ долго спать да хныкать—толку мало. Развѣ онъ не знаетъ, что я самъ всегда наблюдаю за продовольствіемъ тамъ, гдѣ бываю. Спорами и порицаніями другихъ онъ только вредитъ дѣлу“ [1]).

Укрѣпленіе Вильны. Наполеонъ велъ въ Вильнѣ дѣятельную жизнь. Его можно было видѣть на улицахъ даже въ дождливые дни, одѣтаго въ историческій сѣрый походный сюртукъ,—занимающимся устройствомъ своихъ разноплеменныхъ войскъ. Общее ополченіе Наполеонъ призналъ безполезнымъ и даже вреднымъ. Знатнѣйшихъ поляковъ переименовалъ полковниками и поручилъ имъ сформированіе полковъ.

По свидѣтельству Каликста Даниловича, редактора „Курьера Литовскаго“, Наполеонъ почти каждый день „прогуливался верхомъ на лошади, меньше средняго роста... Однажды, въѣхавъ на Замковую крутую гору и осмотрѣвъ окрестности, приказалъ установить батарею на горѣ“ [2]), чтобы гаранти-

---

[1]) Н. А. Полевой. „Наполеонъ въ Россіи въ 1812 г.“, стр. 44.

[2]) „Записки К. Даниловича о дѣйствіяхъ Наполеона въ Вильнѣ“. Военскій: „Акты, докум. и матер....“, стр. 412.

ровать себя на всякій случай отъ нападенія русскихъ. Наполеонъ задумалъ произвести обширныя укрѣпленія на сѣверной и восточной сторонѣ Вильны (на Снипишкахъ). Съ этой цѣлью онъ, на третій день по прибытіи въ Вильну, въ сопровожденіи инженера Гаксо, осматривалъ правый берегъ Виліи. Гаксо отговаривалъ Наполеона отъ безполезныхъ работъ, такъ какъ надъ укрѣпленіями господствовали высоты лѣваго берега.

— По моему мнѣнію, это только напрасно вскапывать землю, — сказалъ генералъ.

Наполеонъ тѣмъ не менѣе приказалъ начать работы на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, а 29-го іюня тому же генералу Гаксо велѣно было для обезпеченія мостовъ возвести тетъ—де—поны. Наполеонъ лично наблюдалъ за возведеніемъ укрѣпленій (къ работамъ было привлечено и городское населеніе).

— Можно ли сдѣлать строющійся тетъ-де—понъ независимымъ отъ лѣваго берега? спросилъ Наполеонъ своего маіора Прево-дю-Веркуа.

— Государь, это невозможно.

— Это слово не французское...—рѣзко замѣтилъ Наполеонъ.

Работы продолжались. Военныя сооруженія подъ Вильной состояли въ постройкѣ тетъ-де-поновъ, внѣшняго пояса батарей и подготовки путей сообщенія къ позиціямъ. Батареи возводились въ 2—3 верстахъ отъ Виліи (на Шишкиныхъ высотахъ [1]).

Заботы о порядкахъ. По улицамъ Наполеонъ принималъ жалобы отъ ограбленныхъ его войсками и приказывалъ платить по оцѣнкѣ просителей. Иногда нечаянно проходящія военныя повозки обыскивалъ, осматривалъ въ нихъ вещи, спрятанныя послѣ грабежа [2]). К. Даниловичъ былъ назначенъ директоромъ полиціи. Ему предоставлено было право всѣхъ подозрительныхъ людей отправлять въ Данцигъ. Въ частыхъ разбояхъ и мародерскихъ набѣгахъ Наполеонъ винилъ начальниковъ военныхъ частей.

---

[1]) Объ укрѣпленіи Вильны Наполеономъ говорится въ брошюрѣ Бориславскаго: „Событія въ Вильнѣ въ 1812 г.“. Остатки возведенныхъ укрѣпленій сохранились въ видѣ трехъ батарей—очень разрушенныхъ—около Шишкиныхъ высотъ. Противъ казармъ 3 сапернаго баталіона сохранились остатки кронверка, устроеннаго Гаксомъ на правомъ берегу Виліи.

[2]) Военскій, стр. 412.

— Господа, вы меня безчестите, вы меня губите! — кричалъ онъ на нихъ.

По порученію Наполеона, однимъ изъ ученыхъ виленскаго университета была составлена прокламація къ полякамъ, служившимъ въ русскихъ войскахъ. Наполеонъ нашелъ ее слишкомъ длинной, противной офицерской чести. Онъ приказалъ сѣсть въ своемъ кабинетѣ автору воззванія и написать новое, которое самъ продиктовалъ [1]).

Въ домѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ, была устроена домашняя церковь, въ которой по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ совершалось богослуженіе епископомъ Коссаковскимъ. „По окончаніи литургіи, Наполеонъ выходилъ въ пріемную и за нимъ слѣдовало все собраніе. Тамъ разговаривалъ онъ съ духовенствомъ и чиновниками о разныхъ предметахъ. Передъ отъѣздомъ онъ подарилъ епископу Коссаковскому бриллiантовый перстень съ сапфиромъ, цѣною въ 500 червонцевъ, а участвовавшему въ богослуженіи клиру приказалъ раздать триста наполеондоровъ, въ 40 франковъ каждый“ [2]).

Ректоръ виленскаго университета Снядецкій, оставшійся въ Вильнѣ не только для того, чтобы содѣйствовать предполагаемому возстановленію Польши, но и для спасенія оставшагося въ Вильнѣ ученаго матеріала — библіотеки, архива, эдукаціоннаго фундуша, не позволилъ, между прочимъ, ставить постой въ залахъ, занимаемыхъ библіотекою, кабинетами и архивомъ. „Когда одинъ французскій квартермистръ явился на университетскій дворъ съ отрядомъ, которому назначено было помѣщеніе въ библіотекѣ, то Снядецкій, ставъ у дверей оной, спорилъ около часа съ квартермистромъ и грозилъ лично подать жалобу Наполеону, если захотятъ помѣстить тамъ солдатъ. Убѣжденный его словами, квартермистръ удалился съ своимъ отрядомъ“ [3]).

6 іюля (н. ст.) Наполеонъ ѣздилъ по берегамъ Виліи, осматривалъ „развалины древняго замка“, построеннаго на

---

[1]) „Историч. записка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго“. Военскій. „Акты“, стр. 394.

[2]) „Историч. зап. о состояніи Виленской губ. въ 1812 г., составленн. Виленск. Гражданск. Губерн. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ“. К. Военскій. „Акты“, стр. 394.

[3]) Тамъ же, стр. 393.

остроконечной горѣ. Къ замку проложили дорогу, ведущую на самую вершину горы, гдѣ находится укрѣпленіе, господствующее надъ долиною Виліи [1]).

Во время пребыванія Наполеона въ Вильнѣ, прибыли изъ Варшавы драматическіе артисты Кудличъ и Душевскій, ставившіе въ виленскомъ театрѣ пьесы изъ народнаго быта.

8 іюля, около 6 часовъ пополудни, Наполеонъ дѣлалъ общій смотръ войскамъ на Снипишской площади, за форштатомъ, двумъ своимъ дивизіямъ Ляборде и Роге, подъ командою маршала Бесьера, герцога Истріи, и гвардіи ветерановъ, предводимыхъ маршаломъ Лефевромъ. Заслуживаетъ вниманія, что солдаты иногда выходили изъ фронта и, дѣлая на караулъ, заявляли императору о своихъ потребностяхъ.

Въ Вильну на нѣсколько дней прибылъ знаменитый князь Евгеній Богарне, вице-король итальянскій, стоявшій съ своимъ корпусомъ въ Трокахъ, для того, чтобы получить отъ Наполеона извѣстія на счетъ дальнѣйшаго движенія. Очевидно, князя безпокоило продолжительное пребываніе Наполеона въ Вильнѣ, не совсѣмъ согласное съ подвижнымъ характеромъ императора.

Французовъ удивляла въ Вильнѣ дешевизна жизни, судя по слѣдующей замѣткѣ, посланной въ парижскую газету (отъ 6 іюня 1812 г.): „Нѣтъ, кажется, другой страны въ мірѣ, гдѣ можно было бы жить такъ дешево, какъ въ Литвѣ; мясо жирное и сочное, при чемъ ягненокъ, напримѣръ, стоитъ только 3 или 4 флорина (польскій флоринъ это почти 12 французскихъ су), напитокъ вродѣ пива стоитъ два гроша (ліарда) кувшинъ; такъ же дешевы дичь и домашняя птица; утки—лучшія, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ [2]).

---

[1]) Воєнскій, стр. 255.

[2]) Въ архивѣ виленск. Св.-Духовск. монастыря сохранилась вѣдомость о расходахъ духовенства и пѣвчихъ, пріѣхавшихъ въ Вильну для богослуженій въ дворцовой церкви. По этой вѣдомости, фунтъ говядины въ Вильнѣ въ апрѣлѣ 1812 г., стоилъ 4 коп. (въ маѣ—6 к.), фунтъ изюма—20 коп., гарнецъ пива—10 коп., двѣ копы (120) яицъ—рубль, фунтъ чернослива—6 коп., кругъ сыра—12 коп., фунтъ паюсной икры—25 коп., фунтъ чернаго хлѣба—2 коп., пшеничная мука была дороже—13 коп. фунтъ. (**Бернацкій:** „Событія въ Вильнѣ во время Отечественной войны". „Виленскій Военный листокъ", 1912 годъ, № 605). Вино получалось въ Вильнѣ боченками изъ Риги: боченокъ (44 бут.) бордосскаго вина стоилъ 7 червонцевъ (21 р.), малаги—9—10 руб., бутылка шампанскаго—12 франковъ, бутылка портеру—5 фр. (Тамъ же, № 618).

IX.

Отношеніе Наполеона къ польскому и литовскому вопросу. Пріемъ депутатовъ варшавской конфедераціи.

Попытка воскрешенія польскаго королевства.

Въ то время, когда въ Вильнѣ звучало оружіе, шумѣли войска, взвѣшивались шансы войны двухъ могущественныхъ народностей, Варшава представляла другой, совершенно противоположный по своему характеру видъ. Тамъ преждевременнно праздновали свободу польскаго народа и его политическую самостоятельность. Фридрихъ-Августъ, саксонскій король, князь варшавскій, созвалъ сеймъ для разработки вопросовъ, соединенныхъ съ новымъ политическимъ положеніемъ страны. Сеймъ былъ немноголюденъ, но ему было придано огромное политическое значеніе конфедераціи польскаго народа. Оцѣнивая это явленіе съ точки зрѣнія интересовъ Наполеона, французъ де-Марбо говоритъ: „Нѣсколько польскихъ магнатовъ, желая увлечь Наполеона во что бы то ни стало, хотя бы противъ его воли, къ рѣшительному шагу, открыли въ Варшавѣ національный сеймъ, съ небольшимъ числомъ депутатовъ отъ нѣсколькихъ патріотическихъ кружковъ. Первымъ дѣломъ этого сейма было провозглашеніе акта „о возстановленіи и независимости древняго королевства Польскаго". Этотъ патріотическій актъ произвелъ громадное впечатлѣніе во всѣхъ польскихъ земляхъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней всѣ ожидали, что вспыхнетъ общее народное возстаніе. Но это пылкое, необдуманное увлеченіе очень скоро остыло и улеглось; едва лишь нѣсколько сотъ поляковъ пожелали присоединиться къ нашимъ войскамъ" [1]).

Вся трудность политики Наполеона, по отношенію къ Польшѣ, заключалась въ томъ, чтобы согласовать ея инте-

---

[1]) И. П. Корниловъ: „Князь Адамъ Чарторыйскій", стр. 62.

ресы съ интересами Австріи, съ дворомъ которой Наполеонъ былъ въ дружбѣ и даже родствѣ [1]).

Объ отношеніи Наполеона къ Польшѣ лучше всего можетъ свидѣтельствовать нота, полученная въ Петербургѣ 8 (20) октября 1810 г. изъ Шампаньи, въ отвѣтъ на представленіе графа Румянцева по польскимъ дѣламъ. Въ ней ясно говорилось, что „императоръ (т. е. Наполеонъ) не только не желаетъ вызвать мысль о возстановленіи Польши, которая такъ далека отъ его видовъ, но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя могли-бы истребить воспоминаніе о ней въ ея прежнемъ населеніи. Е. в. согласенъ на то, чтобы слова: „Польша“ и „поляки“ не только исчезли бы изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже изъ исторіи“.

Французскимъ посломъ въ Варшавѣ въ началѣ 1811 г. былъ баронъ Биньонъ, человѣкъ способный отъ природы и дипломатъ, но недостаточно гибкій и неспособный къ проведенію всѣхъ замысловъ Наполеона. Наполеонъ замѣнилъ его аббатомъ де-Прадтомъ, архіепископомъ мехельнскимъ. Заслуживаютъ вниманія слова, сказанныя Наполеономъ своему новому послу, предназначавшемуся для Варшавы:

— „Вы должны понимать,—сказалъ ему Наполеонъ,— что я призвалъ васъ не для того, чтобы отправлять тамъ церковную службу. Надо держать въ рукахъ обширное государство. Смотрите за женщинами,—онѣ имѣютъ большое значеніе въ странѣ. Доведите поляковъ до восторга, но не до безумія“ [2]).

Назначая Прадта представителемъ при варшавскомъ герцогствѣ, Наполеонъ разсчитывалъ, что духовное лицо будетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 87. Надежды на возстановленіе Польши чрезъ Наполеона родились у поляковъ раньше 1812 г. Еще въ 1808 г., когда Наполеонъ вошелъ въ Вѣну, поляки, черезъ особую депутацію, просили его расширить герцогство варшавское землями, принадлежащими Галиціи. Наполеонъ рѣшительно отказалъ въ просьбѣ, заявивъ, что возстановленіе старой Польши не входило въ его планы. Впрочемъ, чтобы не раздражать поляковъ, онъ согласился на присоединеніе къ Польшѣ краковской области. Въ дальнѣйшіе годы 1809—1812 герцогство варшавское не только не предпринимало какихъ-либо реформъ или мѣръ, направленныхъ къ укрѣпленію политической самостоятельности въ странѣ, но, наоборотъ, своими раздорами, возникшими среди разныхъ политическихъ партій, еще разъ доказало всю свою неспособность къ политической самостоятельности.

[2]) К. Военскій. „Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г.“ Предисловіе, стр. XXVIII.

пользоваться большимъ вліяніемъ у поляковъ, очень религіозныхъ по своей природѣ. Прадту назначено было 180 тыс. франковъ годового содержанія. Новый дипломатъ получилъ обстоятельную инструкцію для всевозможныхъ житейскихъ случаевъ, но, самое главное, онъ долженъ былъ вести дѣла такъ, чтобы вся Польша въ рѣшительный моментъ была бы „на конѣ“.

Варшавская депутація въ Вильнѣ.

Новооткрытый сеймъ-конфедерація отправилъ Наполеону въ Вильну депутатовъ для окончательной санкціи и декларацiи польской независимости. Послы по пути въ Вильну подвергались большимъ опасностямъ со стороны французскихъ мародеровъ, грабившихъ и опустошавшихъ страну въ тылу великой арміи. Депутація прибыла въ Вильну 10 іюля (ст. ст.) и была принята Наполеономъ на другой день. Ее представилъ Наполеону герцогъ Бассано.

Глава депутаціи Выбицкій сказалъ Наполеону слѣдующую рѣчь: „Государь, восклицалъ депутатъ, скажите одно слово, скажите: да будетъ Польша! и слово ваше будетъ для цѣлаго міра равносильно дѣйствительному возстановленію Польши“. Нѣсколько дней ждали депутаты отвѣта императора. Принужденный дать его, онъ наговорилъ множество неопредѣленныхъ словъ. „На вашемъ мѣстѣ я самъ дѣйствовалъ бы такъ, какъ дѣйствуете вы, сказалъ онъ: но въ настоящемъ положеніи моемъ мнѣ надобно согласить выгоды многихъ, исполнить многія обязанности. Будь я при раздѣлѣ Польши, я безусловно сразился бы за васъ. Люблю вашъ народъ, вашихъ солдатъ въ поляхъ Италіи и Испаніи. Если явится у васъ единодушіе, вы заставите враговъ признать ваши права, но въ странахъ столь обширныхъ и раздѣленныхъ единственно единодушіе усилій всего народонаселенія ручается за успѣхъ. Такъ говорилъ я при первомъ приходѣ моемъ въ Польшу. Мнѣ должно прибавить, что я подтвердилъ императору австрійскому неприкосновенность его владѣній и не могу одобрить ничего, что нарушитъ его спокойное обладаніе участкомъ его въ областяхъ Польши. Пусть Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна, Подолія оживятся духомъ великой Польши и Провидѣніе благословитъ ваши начинанія съ успѣхомъ. Я награжу преданность вашу всѣмъ, что можетъ по обстоятельствамъ отъ меня зависѣть“.

Любопытный комментарій отвѣтной рѣчи Наполеону даетъ де-Марбо: „Императоръ объявилъ, что онъ провозгласитъ королевство Польское только въ такомъ случаѣ, когда все населеніе возстанетъ противъ своихъ притѣснителей и тѣмъ докажетъ, что оно заслуживаетъ независимости. Обѣ стороны вращались такимъ образомъ въ безвыходномъ кругѣ (cercle vicieux). Наполеонъ хотѣлъ признать Польшу послѣ того, какъ она возстанетъ, а Поляки хотѣли открыть дѣйствія послѣ признанія ихъ національной самостоятельности“ [1]).

Конечно, отвѣтъ Наполеона не могъ удовлетворить поляковъ, болѣе того, онъ оскорбилъ ихъ. У главныхъ польскихъ политиковъ явилось чувство недовольства „великимъ Наполеономъ“. Ихъ политическая мечта если не разсѣялась окончательно, то значительно поблѣднѣла. Строго говоря, этимъ отвѣтомъ Наполеонъ далъ полную отставку всѣмъ полякамъ, служившимъ въ его войскахъ. Если же они продолжали эту службу, то только потому, что не обладали политической дальновидностью. Поляки, какъ политики, всегда страдали національнымъ дальтонизмомъ.

Наполеонъ и Литовцы. Отвергая претензіи поляковъ на политическую самостоятельность, которая могла еще имѣть все таки нѣкоторыя историческія основанія, Наполеонъ еще менѣе церемонился съ литовцами. Онъ охотно принималъ представителей литовскаго княжества, обѣщалъ имъ въ будущемъ все, чего только они ни хотѣли, но въ настоящемъ прежде всего и главнымъ образомъ требовалъ отъ нихъ людей, лошадей, хлѣба и денегъ. Въ этомъ смыслѣ Наполеонъ велъ разговоръ съ представителями литовскаго общества 11 іюля, когда принималъ знатнѣйшихъ жмудскихъ дворянъ, съ которыми разговаривалъ о положеніи ихъ страны. Дворянамъ непріятно было, что На-

---

[1]) По поводу пріема варшавской депутаціи Наполеонъ пишетъ въ своихъ запискахъ: я принялъ въ Вильнѣ депутаціи Царство польскаго. Посланнику моему Предту не трудно было склонить ихъ дѣйствовать рѣшительно. Сеймъ обнародовалъ о возстановленіи польской конфедераціи. *Но все это дѣлалось только на словахъ...* Сеймъ ограничился медленнымъ и позднимъ наборомъ нѣсколькихъ литовскихъ полковъ и присылкой въ Вильну исполнительной комиссіи для преобразованія области. Я не могъ формально и окончательно признать новое царство, не возбудивъ негодованія Австріи и и не лишивъ себя всякой надежды примиренія съ Россіей; но я обѣщалъ несланнымъ принять участіе въ судьбѣ ихъ отечества, при заключеніи мира. Благоразуміе не позволяло сказать имъ ничего болѣе, хотя я и рѣшился сдѣлать все, что отъ меня зависѣло“.

полеонъ, среди серьезныхъ политическихъ разговоровъ, особенно интересовался дорогами въ Петербургъ. „Бѣдствія, терпимыя Литвою и Польшею, говоритъ Полевой, умножили охлажденіе поляковъ къ Наполеону, начавшееся послѣ отказа его возстановить немедленно Польшу. Напрасно горячія головы старались возбудить восторгъ земляковъ, кричали о славѣ Собѣсскихъ, звали поляковъ подъ знамена освободителя Польши: являлось нѣсколько бродягъ, нѣсколько ослѣпленной молодежи и старыхъ пановъ пить, размахивать саблями и шумѣть, и все оканчивалось жалобами на грабежи войска, на жадность и корыстолюбіе французскихъ чиновниковъ, управлявшихъ Литвою. Недалеко отъ Вильны Наполеонъ велѣлъ призвать къ себѣ нѣсколько литовскихъ крестьянъ и началъ говорить имъ о свободѣ. Кланяясь ему униженно, крестьяне смотрѣли безсмысленно и ничего не понимали. „И они хотятъ, чтобы съ такими людьми я возстановилъ Польшу!“—съ досадою вскричалъ Наполеонъ“ [1]).

По словамъ одного изъ французовъ — участниковъ похода, охлажденіе поляковъ къ Наполеону—„дошло до того, что городъ Вильна могъ выставить только двадцать поляковъ для почетной стражи при Наполеонѣ. Если бы поляки выказали тогда хотя сотую долю той энергіи, какую они проявили въ мятежѣ 1830—1831 годовъ, то, вѣроятно, они возстановили бы свою независимость и свободу. Но они не только не помогали французскимъ войскамъ, но даже отказывали имъ въ самомъ необходимомъ, и наши солдаты вынуждены были силой добывать у нихъ продовольствіе и фуражъ. Населеніе, и въ особенности помѣщики, скрывали отъ насъ свои запасы, которые они однако выдавали немедленно своимъ угнетателямъ—русскимъ, при первомъ ихъ требованіи. Это предпочтеніе, оказываемое врагамъ, крайне возмущало нашихъ солдатъ“ [2]).

Понятно, почему Наполеонъ, ознакомившись ближе съ литовскими поляками, разочаровался въ нихъ, откровенно заявивъ, что это совсѣмъ не тѣ поляки, что въ Познани.

---

[1]) Н. А. Полевой. „Наполеонъ въ Россіи въ 1812 г.“, стр. 43.
[2]) И. П. Корниловъ. „Князь Адамъ Чарторыйскій“, стр. 88.

X.

Административное устройство края. Присоединеніе Литвы къ варшавской генеральной конфедераціи. Выѣздъ Наполеона изъ Вильны.

Новое управленіе края.

Поляки, мечтавшіе о присоединеніи Литвы къ возстановленной Польшѣ, были очень разочарованы, когда узнали, что декретомъ Наполеона (отъ 1 іюля) въ Литвѣ введено временное правительство. **Главный комитетъ по управленію княжествомъ** состоялъ изъ семи членовъ и одного секретаря: „Комиссія дѣлится на 7 комитетовъ или отдѣловъ, говорится въ положеніи о комиссіи, въ которыхъ предсѣдательствуютъ лица, назначенныя императорскимъ указомъ. Комитетъ продовольствія и магазиновъ—предсѣдатель Солтанъ, бывшій литовскій маршалъ; комитетъ полиціи—Прозоръ, бывшій обозный литовскій; комитетъ финансовъ—графъ Сѣраковскій; военный комитетъ—князь Александръ Сапѣга; судебный комитетъ—Іельскій, подкоморій; комитетъ внутреннихъ дѣлъ—графъ Александръ Потоцкій; комитетъ народнаго просвѣщенія и религіи—ректоръ Снядецкій“ [1]). Выборъ лицъ, вошедшихъ въ составъ комиссіи не вполнѣ согласовался съ планами поляковъ, которые желали видѣть во главѣ администраціи края лицъ, болѣе преданныхъ идеѣ польскаго сепаратизма.

Губерніи: Виленская, Гродненская, Минская и Бѣлостокская управляются **отдѣльными комиссіями**, состоящими изъ трехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ интенданта. Означенныя административныя комиссіи подчинены комиссіи временнаго литовскаго правительства. Администрація каждаго отдѣльнаго уѣзда подчиняется **подпрефекту**. Городъ Вильна ввѣренъ управленію **мера** (maire) или президента, четырехъ

---

[1]) Положеніе о комиссіи врем. прав. вел. кн. лит.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 137. 27 августа предсѣдателемъ врем. прав. былъ назн. ген. Гогендорпъ.

совѣтниковъ (adiunctów) и муниципальнаго совѣта, состоящаго изъ 12 членовъ. „Означенной администраціи вмѣнялось въ обязанность завѣдывать имѣніями, принадлежащими городу, имѣть надзоръ надъ благотворительными учрежденіями и надъ муниципальной полиціей“ [1]).

Главнымъ **комендантомъ** города Вильны назначенъ былъ Жомини. Его потомъ перевели въ Смоленскъ. Основаніемъ для перевода было охлажденіе къ нему поляковъ, которые, по мѣрѣ неудачи дальнѣйшаго похода, стали презирать его. Жомини вначалѣ не унывалъ, надѣясь, что „побѣда кончитъ и примиритъ все“..., но не дождался и перешелъ на русскую службу.

Виленскій департаментъ не имѣетъ права сноситься самостоятельно съ герцогствомъ варшавскимъ. Сношенія должны были происходить „черезъ посредство комиссіи временнаго правительства“ [2]).

Управленіе главной казной, деньги которой назначались главнымъ образомъ на формированіе литовскихъ полковъ, поручено было Эйсмонту, виленскому казначею. Въ основаніе финансовыхъ операцій литовскаго казначейства было положено 500.000 франковъ, данныхъ Наполеономъ [3]). Частныхъ пожертвованій и налоговъ поступило 2.159.566 злотыхъ. Всѣ эти деньги были израсходованы по распоряженію высшаго правленія [4]).

„Въ Трокахъ назначенъ былъ подпрефектомъ помѣщикъ Петриковскій, въ Тельшахъ—бывшій уѣздный предводитель Пилсудскій, въ Ошмянахъ—предводитель Жаба, а комендантомъ помѣщикъ Холминскій, въ Поневѣжѣ—помѣщикъ Брунновъ, а потомъ помѣщикъ Шишло; въ Свенцянахъ—графъ Эдуардъ Мостовскій; кромѣ того, въ семъ городѣ назначены

---

[1]) Приказъ Наполеона I о назначеніи врем. прав. вел. кн. лит.—К. Военскій. „Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г.“. Т. I, Спб. 1909, стр. 133.

[2]) Военскій: „Акты...“, стр. 184.

[3]) „Принялъ я изъ состоявшей въ Вильнѣ Наполеоновой казны 500.000 франковъ, укупоренныхъ въ боченкахъ по 5.000, и пятифранковыхъ талеровъ, которые хотя подъ предлогомъ находившихся при боченкахъ пломбъ велѣно мнѣ принять безъ счета, но за всѣмъ тѣмъ, не болѣе нѣсколькихъ талеровъ имѣлъ я убытка“. Письмо Виленск. помѣщика Эйсмонта о пребыв. Наполеона въ Вильнѣ, въ 1812 г.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 418.

[4]) К. Военскій. „Акты...“, стр. 396.

были: управляющимъ хозяйственною частью помѣщикъ Халецкій, казначеемъ—Онуфрій Каминскій, а для набора кантонистовъ опредѣленъ Петръ Мухлинскій“ [1]).

Лица, назначенныя на разныя должности по администраціи края, собраны были въ конференцъ-залу университета, прозванную Аула (гдѣ нынѣ читальный залъ публичной библіотеки). Здѣсь, въ присутствіи министра статсъ-секретаря графа Дарю, молодой французскій аудиторъ прочиталъ императорскіе декреты объ устройствѣ Литвы. Двери зала не были заперты. На дворѣ стоялъ многочисленный народъ. Французъ смѣшно произносилъ нѣкоторыя трудныя для него польскія фамиліи, что возбудило невольный смѣхъ среди слушателей. Половину читаемаго нельзя было разобрать.

Новые правители. Несмотря на точное разграниченіе правительственныхъ функцій, управленіе страной было крайне неудовлетворительно. Объясненіе этого явленія находимъ въ слѣдующихъ словахъ француза де-Марбо, котораго нельзя заподозрить въ недоброжелательствѣ по отношенію къ полякамъ. „Необходимость поддерживать порядокъ въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ нашими войсками, побудила императора учредить должности префектовъ и подпрефектовъ, на которыя были избраны образованные поляки. Но служебная дѣятельность этихъ лицъ не принесла ровно никакой пользы. Полное равнодушіе литовскихъ поляковъ происходило главнымъ образомъ оттого, что всѣ эти великодушные поляки, безпрестанно твердившіе о свободѣ, держали своихъ крестьянъ въ самомъ суровомъ рабствѣ. Крупные землевладѣльцы опасались, что французы ихъ освободятъ, а потому изъ расчета держали сторону русскаго правительства, обѣщавшаго не нарушать ихъ владѣльческихъ правъ“ [2]).

4 іюля (ст. ст.) Наполеону представлялись назначенные имъ члены временнаго правленія, которымъ онъ главнымъ образомъ вмѣнилъ въ обязанность удовлетвореніе требованій арміи.

---

[1]) Историч. зап. о состоян. Виленск. губ. въ 1812 г., составл. Виленск. губерн. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 396.

[2]) П. П. Корниловъ. „Князь А. Чарторыйскій...“, стр. 88.

Главное правленіе постановило въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ немедленно сформировать въ Литвѣ пять полковъ линейной пѣхоты и пять полковъ кавалеріи, которые должны по порядку слѣдовать за польскими полками варшавскаго княжества. Такъ какъ не хватало лицъ съ военнымъ образованіемъ и, вообще, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, то начальство надъ этими полками было поручено лицамъ, избраннымъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ-дворянъ. Въ этомъ сказались польскія традиціи Литвы—поручать дворянству защиту края.

Наполеонъ въ своихъ интересахъ приказалъ озаботиться устройствомъ госпиталей, провіантскихъ магазиновъ, сборомъ людей, лошадей, организаціей запасовъ и пр. Госпитали были устроены въ Веркахъ, въ Закретѣ, въ медицинской клиникѣ, въ гимназіальномъ домѣ, въ Базиліанскомъ монастырѣ и въ казармахъ св. Игнатія [1]).

Продовольствіе французской арміи въ Вильнѣ, несмотря на всѣ настойчивыя распоряженія Наполеона, было поставлено тоже крайне неудовлетворительно. По сохранившимся извѣстіямъ, солдатамъ въ Вильнѣ выдавался хлѣбъ, выпеченный изъ столь дурной муки, что онъ представлялъ собой жидкую массу, прилипавшую къ стѣнѣ, когда хлѣбъ бросали. Голодъ давалъ себя чувствовать... Всѣхъ виленскихъ булочниковъ обязали поставкой хлѣба въ войска. Обыкновеннымъ обывателямъ и даже богатымъ людямъ трудно было достать продовольствіе. Состоятельные люди секретно пекли у себя хлѣбъ. Кавалерія не имѣла фуража: для прокормленія лошадей въ концѣ іюля снимали съ полей хлѣбъ на стеблѣ. Лошади французовъ отъ дурного продовольствія гибли. Ихъ трупы бросали въ озера и рѣки.—Вслѣдствіе этого около озеръ распространился дурной запахъ. Рыба и раки перестали быть пищей крестьянъ.

Усадьба въ Закретѣ, отстроенная заново генераломъ Бенигсеномъ, была разорена французами, равно какъ (отчасти) и дворецъ въ Веркахъ [2]) — мѣстопребываніе виленскаго епископа Масальскаго. Зданія въ Закретѣ не были возобновлены. Отъ нихъ остались теперь только жалкіе слѣды.

---

[1]) Записки графа Адама Хрептовича.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 403.

[2]) По удаленіи французовъ изъ Вильны въ мѣсяцѣ іюлѣ.

14 іюля 1812 г. въ Вильнѣ. Въ Варшавѣ однако не могли примириться съ мыслью объ автономномъ существованіи Литвы. Совѣтъ варшавской генеральной конфедераціи издалъ воззваніе къ правительственной комиссіи въ Вильнѣ и, препроводивъ актъ конфедераціи, предписалъ приступить въ самомъ непродолжительномъ времени къ соглашенію съ конфедераціей и прислать въ совѣтъ актъ о присоединеніи. Виленскіе поляки съ большой энергіей взялись за дѣло, и 14 іюля въ каѳедральномъ виленскомъ костелѣ торжественно провозглашенъ былъ актъ формальнаго присоединенія временнаго литовскаго правительства и обывателей края къ варшавской генеральной конфедераціи. „Судебныя власти, маршалъ, подпрефектъ съ земскими обывателями; президентъ города съ муниципалитетомъ; всѣ корпораціи и городскія собранія и цеховыя общества, а также всѣ находящіеся нынѣ въ городѣ Вильнѣ помѣщики и жители великаго княжества литовскаго—собрались 14 іюля въ виленскомъ каѳедральномъ костелѣ, въ присутствіи высоковельможныхъ сенаторовъ и пословъ, присланныхъ отъ сейма и варшавской конфедераціи; по выслушаніи прочитаннаго намъ акта, заключающаго въ себѣ доблестное намѣреніе соединить въ одно политическое цѣлое расторгнутыя части Польши и великаго княжества литовскаго и возвратить древнему отечеству нашему свободы и владѣнія; объединяя всѣ наши желанія, усилія и средства къ достиженію столь святой цѣли возвращенія родины и устройства ея быта и утвержденія ея могущества и благоденствія,—приступаемъ къ союзу варшавской конфедераціи и настоящій актъ, какъ примѣръ братства и гражданскаго единенія, подписываемъ собственноручно предъ лицомъ Всевышняго, взывая къ всесильной и милосердой его помощи“ [1]).

14 іюля прошло „во всеобщемъ возбужденіи“. Весь городъ сіялъ огнями, а театръ наполнился многочисленными зрителями. Праздный народъ особенно толпился у дома графа Людовика Паца, императорскаго адъютанта, одного изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ Литвы, который въ честь Наполеона далъ великолѣпный балъ. Надъ воротами, между множествомъ

---

[1]) Актъ присоединенія обывателей вел. кн. лит. къ генеральной конфедераціи польск. корол. — К. Военскій. „Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 103.

плошекъ, видны были два транспаранта съ изображеніемъ и символами Наполеона. „Иностранцы и соотечественники съ радостію глядѣли на портретъ Наполеона во весь ростъ, указывающаго рукою на геркулеса и женщину въ польской коронѣ, освобожденную отъ цѣпей, на фурій, завидующихъ ея счастью, и на орла, поражающаго съ неба этихъ фурій молніями“ [1]).

Наполеонъ пріѣхалъ на балъ въ 9 часовъ въ своей дорожной каретѣ, окруженный отрядомъ конныхъ гвардейцевъ. Онъ вошелъ въ залъ и болѣе часа смотрѣлъ на танцовавшихъ, повидимому, интересуясь всѣмъ... Но мысль его въ это время блуждала вѣрно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.. [2]).

Виленскій актъ присоединенія къ варшавской конфедераціи звучитъ сравнительно небольшимъ патріотизмомъ. Другіе города отозвались болѣе многословно и энтузіастично. Любопытно обращеніе временнаго правительства великаго княжества литовскаго къ „гражданамъ Бѣлой Руси“ 21 іюля (н. ст.) 1812 года. Въ этомъ воззваніи заявлено, что „бѣлорусскія земли имѣютъ то преимущество, что онѣ явились мѣстомъ славнѣйшихъ событій въ польской исторіи“. Литовскіе паны считаютъ, что бѣлоруссы были „первыми путеводителями и участниками славы, которую снискали наши общіе прадѣды“... „Связанные съ вами узами крови, говорили литовскіе паны, мы всегда считали себя однимъ съ вами народомъ, несмотря на разъединеніе границъ въ политическомъ отношеніи“. Воззваніе призываетъ бѣлоруссовъ присоединиться къ конфедераціи [3]).

---

[1]) Описаніе послѣдн. дней пребыванія русскихъ въ Вильнѣ, занятіе ея французами и празднованія по случаю провозглашенія варшавск. конфедераціи. К. Военскій. „Акты...“, стр. 258—259.

[2]) Торжество польско-литовскаго единенія подняло населеніе Литвы до такого паѳоса, вызвало такія дружелюбныя изліянія, что, какъ говорятъ, комиссія временнаго правительства, въ память этого событія, „рѣшила дать въ приданое двумъ дѣвицамъ по тысячѣ золотыхъ, одной литвинкѣ, которая вышла бы замужъ за поляка, и другой полькѣ, которая вышла бы за литовца“. Срокъ свадьбы будто бы былъ назначенъ экстренно (пока не охладѣли чувства). „Мысль эта родилась довольно поздно къ умѣ членовъ комиссіи, а потому велѣно было, чтобы мэръ непремѣнно отыскалъ хотя одну такую пару. Однако, при всемъ своемъ стараніи, мэръ не могъ въ короткое время найти желающихъ вступить въ подобный бракъ. (Отрывокъ изъ записокъ помѣщика Виленск. губ., стр. 782).

[1]) Воззваніе комиссіи врем. прав. вел. кн. лит. къ гражданамъ Бѣлой Руси 21 іюля 1812 г.—К. Военскій. „Акты..“, стр. 107.

Были изданы особыя правила для выборовъ двухъ депутатовъ изъ всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ городовъ въ краѣ (уѣздныхъ городовъ), въ которыхъ дѣйствуетъ магдебургское право. Эти депутаты, наравнѣ съ обывателями окружныхъ городовъ, выбираютъ особыхъ делегатовъ на сеймъ генеральной конфедераціи. Въ перечнѣ городовъ на первомъ мѣстѣ поставлена Вильна, къ округу которой причислены города: Вилкомиръ, Ошмяны, Троки, Меречь, Свенцяны и Видзы [1]).

Позже всѣхъ присоединились къ генеральной конфедераціи жители Пинскаго уѣзда (17 августа ст. ст. 1812 г.) [2]).

Выходъ Наполеона изъ Вильны.

Наполеона безпокоила неопредѣленность политики русскихъ.

— Что вы думаете—относительно твердости императора Александра? Находите ли вы, что это согласуется съ политикой и военнымъ искусствомъ дать намъ пройти такой путь безъ всякаго сопротивленія? спрашивалъ Наполеонъ Нарбонна.

— Государь,—отвѣчалъ Нарбоннъ,—съ нами борются время и пространство, какъ это и было обѣщано. Вы, государь, можете судить, насколько это справедливо, потому что безъ малѣйшаго почти сопротивленія, которое если и дѣлалось, то лишь для уравненія движенія линіи войскъ, вы прибываете въ настоящее время въ Вильну".

Занятіе Литвы было безспорнымъ фактомъ. Мрачное настроеніе, съ которымъ Наполеонъ въѣхалъ въ Вильну, разсѣялось подъ живыми впечатлѣніями занятія Литвы. Очень пріятно было для Наполеона полученное въ Вильнѣ извѣстіе о томъ, что Сѣверо-Американскіе Штаты объявили войну Англіи. Только вѣсти изъ Испаніи были не особенно пріятны. Западный уголокъ Европы, подобно Россіи, не желалъ признать власти Наполеона. Тамъ шла партизанская война... Курьеры привозили иногда непріятныя свѣдѣнія изъ Испаніи... Но что такое далекая Испанія въ общемъ побѣдоносномъ движеніи Наполеона на востокъ? Какое то ничтожное госу-

---

[1]) „Правила 29 іюня 1812 г. для городскихъ собраній" у Военскаго, стр. 115 и 118. Днемъ для съѣзда по уѣздамъ назначался 15 августа (н. ст.) — Военскій, стр. 123.

[2]) Военскій. „Акты...", стр. 125—127.

дарство, притаившееся въ уголкѣ Европы, смѣетъ сопротивляться Наполеону, когда черезъ нѣсколько дней онъ долженъ покорить огромный востокъ Европы, если только императоръ Александръ не попроситъ у него мира, что, разумѣется, было бы лучше всякихъ побѣдъ. Однимъ словомъ, Наполеонъ не имѣлъ никакихъ основаній быть недовольнымъ собой, и 18-тидневное пребываніе его въ Вильнѣ представляло лучшіе моменты въ его походѣ.

Поэты парижскіе уже провозглашали побѣды Наполеона, говоря, что „передъ непобѣдимымъ бѣжитъ Александръ и во прахѣ видитъ свой тронъ".

Tu fuis, Alexandre,
Tu fuis de Wilna
Ton trône est en cendres
L'invincible est là [1]).

Большой ошибкой Наполеона была его медлительность въ Вильнѣ [2]). Утвердившись въ Литвѣ, онъ считалъ себя

---

[1]) Стихи Дезожье. Н. А. Полевой. „Наполеонъ въ Россіи", стр. 28.

[2]) Самъ Наполеонъ понималъ неудобство долгаго пребыванія въ Вильнѣ, но объяснялъ положеніе съ своей точки зрѣнія. На эту тему онъ такъ говорилъ въ своихъ запискахъ: „Вступленіе наше въ Литву совершилось при весьма неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Ужасные дожди изнурили лошадей, которыя кормились только незрѣлою рожью, а на бивуакахъ стояли въ водѣ; артиллерійскія лошади гибли цѣлыми запряжками. Я принужденъ былъ оставить до 100 орудій и до 500 артиллерійскихъ повозокъ за недостаткомъ лошадей. Вокругъ Вильны валялось отъ 4 до 5 тысячъ лошадиныхъ труповъ. Недостатокъ въ припасахъ и неизбѣжный безпорядокъ при движеніи 300.000 арміи были причиною значительной части отсталыхъ, которыхъ считали до 30.000. Все это требовало размышленія. Нѣсколько дней спустя по моемъ вступленіи въ Вильну, императоръ Александръ прислалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта Балашева... и требовалъ, чтобы мы возвратились за Нѣманъ (прежде переговоровъ)..., рѣшившись побѣдить или умереть, но не вступать въ переговоры, пока хоть одинъ вооруженный иностранецъ будетъ попирать землю русскую. Эта рѣшимость—величественна. Я пріобрѣлъ уже столько выгодъ, что, казалось, должно было опасаться раздражать меня подобнымъ предложеніемъ. Я далъ почувствовать Балашеву, что мнѣ нельзя добровольно отказаться отъ плодовъ моихъ дѣйствій и возвратиться неувѣреннымъ въ заключеніи мира... Для меня важно было достигнуть Двины, тогда мнѣ удобнѣе было бы вступить въ переговоры и требовать гарантій. Я приписывалъ поступокъ Александра желанію выиграть время, чтобы соединить разсѣянныя русскія силы... Нашлись наивные люди, которые предполагали, что, пріѣхавъ недѣлей раньше, Балашевъ успѣлъ бы возстановить миръ, что русскіе отступили бы за Двину, а я за Нѣманъ, что городъ Вильна былъ бы объявленъ нейтральнымъ, и что новыя соображенія произвели бы новый переворотъ во вселенной. Всѣ эти фразы очень звучны... Но развѣ можно предполагать, чтобы русскіе рѣшились очистить Литву, когда 400.000 враговъ стояло на берегахъ Нѣмана? Какая держава, не потерявшая еще чувства собственнаго достоинства, рѣшилась бы оставить свои области для

завоевателемъ края и не спѣшилъ. Думали даже, что Наполеонъ останется въ Вильнѣ на зимнихъ квартирахъ. Говорятъ, что Наполеонъ сказалъ однажды своимъ приближеннымъ:

— Для 1812 г. довольно! Остальное довершитъ 1813 г.

Если это и было сказано, то лишь подъ вліяніемъ минуты. Наполеонъ не любилъ мирной колонизаціи. Устройство чужихъ странъ не входило въ программу его дѣятельности. Онъ быстро измѣнилъ свое намѣреніе и далъ приказъ войскамъ итти дальше. Ясно, что война должна была разыграться въ предѣлахъ Россіи. Первыя военныя дѣйствія показали, что русскіе не предпримутъ наступательныхъ движеній и предпочтутъ—обороняться...

За два дня до отъѣзда изъ Вильны (14 іюля) Наполеонъ осматривалъ на Погулянкѣ двѣ баварскія дивизіи, находившіяся подъ начальствомъ генераловъ Вреде и Дероа (войско корпуса вице-короля итальянскаго). Эти войска не пользовались сочувствіемъ жителей. Перейдя въ предѣлы Россіи въ количествѣ 20.000, они дали наибольшее количество мародеровъ и грабили немилосердно народъ, соперничая съ вестфальцами, которые надолго остались памятными варшавскому княжеству. Литовцы недружелюбно смотрѣли на незванныхъ гостей и въ этомъ отношеніи расходились съ поляками, верхніе классы которыхъ старались угождать чѣмъ могли французамъ. Литовскіе крестьяне особенно жаловались на вестфальцевъ и баварцевъ, искажая ихъ названія въ „безпальцевъ“ и „поварцевъ“.

— Французъ, если сытъ ла пьянъ, никого не тронетъ, только языкъ его лепечетъ, словно мельница. А эти окаянные, безпальцы да поварцы, проходу никому не даютъ и готовы рубаху послѣднюю снять.

Передъ выѣздомъ изъ Вильны, Наполеонъ пожелалъ видѣть какого-нибудь бѣлорусса, который сообщилъ бы ему

исполненія нашей прихоти,—и какія при этомъ области? Ту самую Польшу, изъ за которой началась война и которая возстала бы, видя, что русскіе очистили ее, чувствуя себя слабыми... Александръ очень хорошо знаетъ, чего требуетъ отъ него слава, благо государства и память Екатерины, великой бабки его, чтобы рѣшиться на подобное дѣйствіе... Какъ бы то ни было, но возвращеніе Балашева въ Дриссу не только не водворило мира, но, напротивъ, казалось, подало знакъ къ самой упорной войнѣ“.

свѣдѣнія о Полоцкѣ и Витебскѣ. Къ нему привели Туркевича, бухгалтера виленскаго университета. Наполеонъ разговаривалъ съ нимъ чрезъ переводчика и остался очень недоволенъ его отвѣтами.

— Спроси его, — сказалъ Наполеонъ, — что, если бы я вздумалъ подарить ему одинъ изъ этихъ городовъ, который онъ принялъ бы охотнѣе?

— Если съ имѣніями, принадлежащими іезуитамъ, то Полоцкъ, а безъ имѣній—Витебскъ [1]), отвѣчалъ Туркевичъ.

Ровно въ полночь, 16 іюля, Наполеонъ уѣхалъ изъ Вильны черезъ Свенцяны въ мѣстечко Глубокое. „Курьеръ Литовскій" отмѣтилъ подъ 20 іюля: „16 іюля, въ полночь императоръ выѣхалъ изъ нашего города. Сколь ни прискорбно для насъ отсутствіе нашего избавителя, столь же утѣшительна надежда на то, что его отъѣздъ еще болѣе удалитъ враговъ Польши. Не прошло еще и мѣсяца со дня прибытія нашего мстителя, а уже поляки освобождены отъ Нѣмана до Днѣпра и отъ Двины до Припяти. Въ теченіе трехнедѣльнаго своего пребыванія въ нашемъ городѣ, императоръ Наполеонъ возстановилъ разстроенную администрацію, привелъ въ порядокъ полицію путей сообщенія и различныя иныя учрежденія, какъ военныя, такъ и административныя" [2]).

Для управленія Вильной остались министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано, баронъ Жомини (губернаторъ Вильны) и баронъ Биньонъ (императорскій комиссаръ).

Въ Свенцянахъ Наполеонъ остановился въ домѣ казначея Каменскаго. Здѣсь представлялись ему графиня Мостовская и Пржездецкая. У обѣихъ дамъ онъ спрашивалъ, сколько французскихъ понтоновъ прошло черезъ городъ? вѣрныя ли онѣ польки? Наполеонъ любилъ разговаривать съ дамами во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ воевалъ.

---

[1]) Военскій. „Акты...", стр. 394—395.

[2]) Военскій, стр. 259. („Курьеръ Литовск." 1812 г., № 54).

XI.

Военныя дѣйствія. Передвиженія русскихъ войскъ. Безпорядки въ интендантствѣ.

Военныя дѣйствія въ зап. краѣ.

Русскій императоръ, лично испытавшій гостепріимство поляковъ сѣверо-западнаго края, никогда не ожидалъ, чтобы поляки такъ открыто перешли на сторону Наполеона. Измѣна поляковъ произвела на него крайне тягостное впечатлѣніе и, быть можетъ, явилась первымъ ударомъ для молодой вѣры въ себя и людей, смѣнившейся впослѣдствіи разочарованностью и мрачной подозрительностью, развившейся въ послѣдніе годы жизни императора.

Русскіе не знали военныхъ плановъ Наполеона. Предполагалось, что если Наполеонъ съ главными силами пойдетъ по виленской дорогѣ, то первая армія, подъ общей командой Барклая-де-Толли, отступитъ на сѣверъ къ Свенцянамъ, между деревнями Соколкою и Кобыльниками. Если французы устремятся на нее, то Платовъ и вторая русская армія должны дѣйствовать въ тылъ и во флангъ непріятеля. На случай южнаго движенія Наполеона, третья армія, защищавшая Волынь, должна была отступить по направленію къ Кіеву. При движеніи австрійскаго корпуса въ тылъ Багратіону, волынская армія должна была отвлечь его силы соотвѣтствующими военными дѣйствіями.

Такой планъ нельзя было признать удачнымъ именно потому, что на три арміи возлагались довольно сложныя движенія и дѣйствія, а между тѣмъ каждая была предоставлена самой себѣ. Раздѣльныя дѣйствія могли быть опасными въ военныхъ дѣлахъ съ столь опытнымъ полководцемъ, какъ Наполеонъ. На такомъ планѣ слишкомъ сказалось вліяніе теоретической нѣмецкой тактики, типичнымъ представителемъ которой былъ генералъ Фуль. Въ русской арміи немало было нѣмцевъ.

Но нельзя было однако согласиться съ военными планами русскихъ генераловъ. Смѣлый Багратіонъ, не признававшій въ военномъ словарѣ слова „отступать“, предлагалъ и даже просилъ позволенія, при переходѣ непріятеля за Нѣманъ, итти на Варшаву а въ случаѣ опасности и неудачи, отступить на Брестъ, соединиться съ Тормасовымъ и помогать первой арміи. Планъ этотъ не былъ одобренъ [1]).

Особенностью войнъ Наполеона были быстрота и рѣшительность движеній его войскъ. Этой быстротѣ не благопріятствовали физическія условія страны. Часто встрѣчавшіяся болота и пески задерживали французскія войска. Во всякомъ случаѣ, сравнительная быстрота перваго перехода отъ Ковны до Вильны привела русскія арміи въ движеніе и заставила ихъ быть бдительными. Разстроить ихъ Наполеону не удалось. Французы не отдѣлили отъ первой арміи ни одного отряда. Корпуса двигались стройно, разрушая за собой мосты на переправахъ.

Отсутствіе общаго плана войны и хорошихъ развѣдчиковъ вводило въ движеніе русскихъ войскъ путаницу. При передвиженіяхъ войскъ въ сѣверо-западномъ краѣ произошло много эпизодовъ, показавшихъ героизмъ отдѣльныхъ отрядовъ русской арміи. Отмѣтимъ болѣе значительные, имѣвшіе мѣсто въ первые дни вступленія войскъ Наполеона въ Россію.

Арьергардъ Витгенштейна былъ неожиданно застигнутъ въ Вилкомирѣ войсками Удино, но удачно отразилъ нападеніе. Витгенштейнъ соединился съ арміей въ Соколкѣ.

Генералъ Дохтуровъ, дѣйствовавшій въ корпусѣ Тучкова, въ области рѣки Виліи, своевременно не получилъ указаній относительно движенія своего полка и поэтому вынужденъ былъ дѣйствовать по собственнымъ соображеніямъ. Узнавъ о близости непріятеля, онъ рѣшилъ итти на Ошмяны, гдѣ случайно встрѣтилъ довольно значительныя силы французовъ, которыя могли окончательно преградить ему путь. Дохтуровъ смѣло пробился черезъ непріятельскіе отряды и, дѣлая по 40 верстъ въ день, повелъ свой полкъ по сморгонской дорогѣ, держа непріятеля въ такомъ положеніи, что тотъ не рѣшался серьезно его атаковать. Пройдя Вилейку, генералъ

---

[1]) Ростопчинъ говорилъ о Багратіонѣ: „Это—генералъ по образу и подобію Суворова“. Бутурлинъ, изд. 2, т. I, стр. 124.

присоединился къ первой арміи. Въ гораздо худшемъ положеніи находился другой русскій генералъ Дороховъ. Войска Дорохова стояли въ Оранахъ и составляли авангардъ корпуса Шувалова. Къ сожалѣнію, Дороховъ не имѣлъ возможности получить во-время приказъ объ отступленіи и былъ окруженъ непріятелемъ, но не думалъ сдаваться. Ловкой тактикой и невѣроятными усиліями удалось ему пробиться изъ Олькеникъ, гдѣ онъ сосредоточилъ свой отрядъ, сквозь строй непріятеля и примкнуть къ отрядамъ Платова, близъ Воложина. Отступленіе было совершено героически. Ни одно орудіе не досталось непріятелю. Было потеряно только 60 человѣкъ.

Крупныхъ сраженій въ области тогдашней Виленской губерніи въ описываемое время не произошло [1]).

Между тѣмъ, въ Свенцянахъ спѣшно разрабатывались военные планы, подъ личнымъ руководствомъ императора, остановившагося здѣсь въ домѣ казначея Каминскаго, гдѣ потомъ квартировалъ Наполеонъ. „Великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ Свенцянъ, въ имѣніи Церклишкахъ, принадлежавшемъ графу Мостовскому, а по выходѣ нашихъ войскъ изъ-за Вилейскаго уѣзда, его высочество квартировалъ въ Видзахъ, въ домѣ вдовы умершаго мѣщанина Корнишева“ [2]).

Общее ожиданіе населенія, что русскія войска встрѣтятъ французовъ около Свенцянъ, тоже не оправдалось. Только самыя близкія къ императору лица знали, что государь рѣшилъ вывести армію изъ предѣловъ Виленской губерніи и дать сраженіе французамъ въ лагерѣ близъ Дриссы [3]).

---

[1]) К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ: „Замѣтка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г., въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ“. Изд. редакціи „Военный Сборн.“, Спб. 1911 г. Значительныя битвы имѣла вторая армія при Кобринѣ и Городечнѣ, въ Гродненской губ.

[2]) Главнокомандующій первою арміею, генералъ Барклай-де-Толли остановился въ Свенцянахъ, въ почтовомъ домѣ помѣщика Загорскаго, а генералъ Бенигсенъ — въ домѣ уѣзднаго казначея Козловскаго. Генералъ гр. Витгенштейнъ, до нашествія непріятеля, квартировалъ въ Шавляхъ, въ домѣ графа Зубова, — потомъ въ Вилкомирѣ, въ домѣ дворянина Давидовича, наконецъ, въ Свенцянахъ, въ домѣ еврейки Фрейды Копеліовой. „Историч. записки о состояніи Виленск. губ. въ 1812 г., составл. Виленск. гражд. губерн. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ“. — К. Военскій. „Акты, докум. и матер.“, стр. 397 –398.

[3]) „Отрывокъ изъ записокъ помѣщика Виленск. губ.“, стр. 766. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія“. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. С.-Петербургъ. 1861 г.

Русскимъ войскамъ былъ отданъ приказъ отступить къ Дриссѣ. „Врѣзался въ мою память тотъ день 1812 года, говоритъ очевидецъ, въ который, при начальномъ отступленіи отъ Свенцянъ къ Дриссѣ, во время дождя и при порывистомъ сильномъ вѣтрѣ, императоръ верхомъ, съ накинутою шинелью на правое плечо противъ вѣтра, стоялъ у дороги и смотрѣлъ на проходившій мимо его нашъ корпусъ. Отъ грязнаго, дождливаго и труднаго пути, мы были совершенно утомлены, но улыбающіяся черты лица государя и его привѣтъ: „здорово ребята!“ какъ будто какою то электрическою искрою всѣхъ насъ ободряли“ [1]).

Вслѣдъ за первой арміей къ Свенцянамъ пошли быстро войска Мюрата и Нея. Отсюда они пошли въ м. Глубокое. 23-го іюня (ст. ст.) на берегахъ Дриссы завязалось жаркое дѣло. Послѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ атакъ, въ которыхъ русскіе бились съ ожесточеніемъ,—французы оттѣснили наши отряды къ рѣкѣ. Русскіе въ рѣшительный моментъ отразили непріятеля и получили возможность переправиться черезъ рѣку. Послѣ переправы мостъ былъ сожженъ.

Однако, главное вниманіе Наполеона было устремлено на вторую армію и Платова. Чтобы парализовать ея дѣйствія, изъ Вильны на Минскъ двинулся Даву съ 50.000 войскъ. Его задачей было отрѣзать Платова и вторую армію отъ первой. Съ этой же цѣлью Іеронимъ, братъ Наполеона, съ Понятовскимъ, Вандамомъ и Латуръ-Мобуромъ должны были дѣйствовать во флангъ второй арміи. (Третья армія предоставлена была операціямъ Ренье и саксонцамъ).

Лишь только Багратіонъ пришелъ въ Новогрудокъ, какъ получено было извѣстіе о томъ, что Іеронимъ занялъ въ тылу его только что оставленный имъ городъ Слонимъ. Отъ плѣнниковъ, захваченныхъ Платовымъ, были получены свѣдѣнія, что Даву и вице-король готовы встрѣтить его между Новогрудкомъ и Вилейкой. При такихъ обстоятельствахъ, Багратіонъ рѣшилъ повернуть правѣе на Минскъ, приказавъ Платову и Дорохову отвлекать непріятеля.

Война расходилась и захватывала все большій и большій раіонъ. Разбросанность русскихъ войскъ мѣшала единству дѣйствій. Почти мѣсячный опытъ военныхъ маневръ и

[1]) „Русскій Архивъ“, 1911 г., кн. 9.

передвиженій показалъ все неудобство самостоятельныхъ дѣйствій каждой арміи. Имъ необходимо было соединиться для того, чтобы или нанести непріятелю рѣшительный ударъ, или же чтобы единодушно выдержать дружный натискъ непріятельскихъ войскъ.

Относительно второй арміи Наполеонъ не безпокоился: онъ считалъ ее своей вѣрной добычей. Да иначе и быть не могло: на вторую русскую армію были устремлены три непріятельскихъ арміи. Въ своихъ запискахъ Наполеонъ писалъ: „Армія Барклая де-Толли сосредоточилась и была въ безопасности подъ покровомъ укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, и я обратилъ все свое вниманіе на князя Багратіона, войска котораго были въ весьма затруднительномъ положеніи. Онъ былъ почти что окруженъ маршаломъ Даву, вестфальскимъ королемъ и графомъ Шварценбергеромъ". О Багратіонѣ и Барклаѣ Наполеонъ не безъ усмѣшки говорилъ, что они больше не встрѣтятся, и со дня на день ожидалъ извѣстія о пораженіи Багратіона.

Ожиданія Наполеона были однако напрасны: вторая армія оставалась неразбитой. Съ изумительнымъ искусствомъ Багратіонъ ускользалъ отъ французовъ. Приказъ императора Александра о движеніи на соединеніе съ первой арміей, стоявшей въ Дриссѣ, по дорогѣ черезъ Новогрудокъ и Вилейку, Багратіонъ получилъ въ Слонимѣ (30 іюня), куда пришелъ изъ Волковыска. Это приказаніе разрушило первый планъ Багратіона—итти на Минскъ и дѣйствовать въ тылъ флангу Наполеона, дѣйствовавшему въ Виленской губерніи... Согласно новому распоряженію, Багратіонъ отправилъ излишніе обозы въ Бобруйскъ, а самъ 4-го іюля перешелъ Новогрудокъ. Его движенія прикрывалъ Платовъ, который шелъ изъ Гродны въ Лиду и Николаевъ, вверхъ по рѣкѣ Нѣману.

Безпорядки въ интендантствѣ.

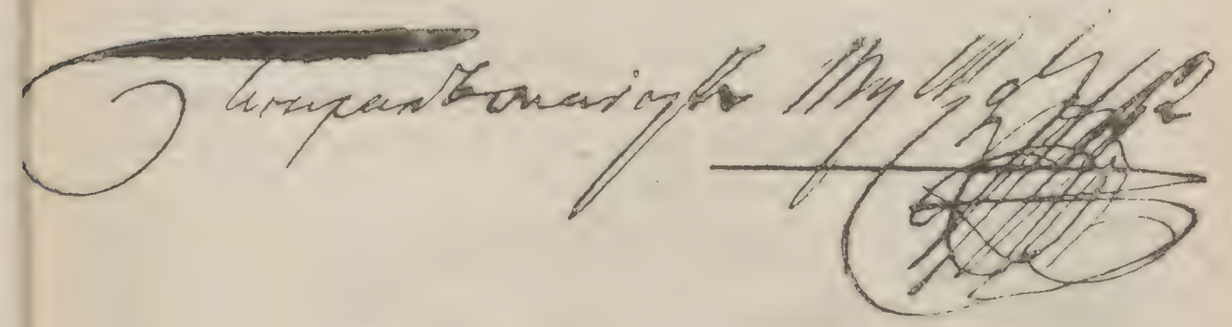
Хотя русскія войска при быстрыхъ передвиженіяхъ и не страдали отъ недостатка продовольствія, однако провіантская часть въ нашихъ арміяхъ была поставлена крайне неудовлетворительно, вслѣдствіе чего войска иногда голодали [1]). Грабежи не прекраща-

---

[1]) Русское правительство принимало всѣ мѣры, чтобы провіантская часть и собираніе недоимокъ не легли тяжелымъ бременемъ на населеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ секретное предписаніе вел. кн. Константина

лись во все время кампаніи. По словамъ историка, „грабили и около Вильны, и около Витебска, и подъ Смоленскомъ, и подъ Москвой. Солдаты грабили подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, а высшіе чины—не менѣе, но съ большимъ комфортомъ и съ меньшей опасностью“.

Провизія и необходимыя вещи для войскъ брались обыкновенно изъ провіантскихъ и интендантскихъ складовъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было провіантскихъ складовъ фуражъ не покупался, а забирался подъ квитанціи. По этимъ квитанціямъ правительство обязывалось впослѣдствіи или разсчитаться или зачесть ихъ въ подати. Населеніе однако относилось къ такимъ квитанціямъ съ недовѣріемъ и неохотно уступало фуражъ, вслѣдствіе чего иногда приходилось насильно брать продукты“ [1]).



Факсимиле ген.-маіора Тучкова.

генер. Ермолову: „Я предварительно нужнымъ нахожу сказать вамъ, писалъ князь, что со всею возможною осмотрительностью нужно будетъ начальникамъ, коимъ поручено будетъ побужденіе ко взносу недоимокъ, разсматривать подробности и входить въ положеніе: въ состояніи ли былъ обыватель, имѣвши хлѣбъ, быть исправнымъ, или, имѣвши способы, медлилъ исполнить свою обязанность, дабы иногда невиннаго не подвергнуть строгости законовъ полевого уголовнаго уложенія большой дѣйствующей арміи“ (письмо 11 апр. изъ Динабурга). Въ такомъ же духѣ были изданы распоряженія военнаго министра 6 апр., за № 87 и 94.

[1]) По словамъ г. Бернацкаго, „французскія квитанціи и донынѣ сохранились во многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ и представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Отечественной войны“. („Виленск. Военный Листокъ“, 1912 г. № 642).

XII.

Сформированіе въ Литвѣ военныхъ отрядовъ. Пожертвованія на военныя нужды.

Распоряженія врем. правительства.

Жизнь Вильны не представляла въ лѣтніе мѣсяцы 1812 г. какихъ-либо выдающихся фактовъ политическаго значенія. Исторія не дала намъ ни одного документа, который свидѣтельствовалъ бы хоть о какихъ либо практическихъ попыткахъ (кромѣ оффиціальныхъ деклараціи) временнаго литовскаго правительства закрѣпить политическую самостоятельность страны прочными государственно-культурными начинаніями. Всѣ интересы политическаго виленскаго кабинета вращались около войны. Наполеонъ какъ бы затмилъ другіе интересы. Страна напрягала всѣ силы, чтобы угодить императору французовъ, въ военное счастье котораго слѣпо и потому преданно вѣрила. Всѣ сохранившіеся, преимущественно оффиціальные, документы показываютъ только одно—желаніе лицъ, поставленныхъ во главѣ правительства, выполнить по мѣрѣ возможности приказанія Наполеона, направленныя къ содѣйствію его военнымъ успѣхамъ.

Отмѣтимъ болѣе выдающіяся распоряженія этого рода. Они касаются главнымъ образомъ продовольственной части арміи, ея укомплектованія, образованія новыхъ полковъ, какъ военныхъ, такъ и жандармскихъ, пожертвованій на нужды арміи и пр.

Продовольствіе войскъ.

По первоначальному предположенію, Вильна должна была доставить (съ уѣзда) 100.000 центнеровъ ржи, 500.000 центн. овса, 4.500 ц. сѣна и 4.500 ц. соломы, а всего со всего виленскаго департамента (Вильны, Ковны, Ошмянъ, Меречи, Олиты и др.) 200.000 цент. ржи, 2.000.000 ц. овса, 18.000 ц. сѣна и 18.000 ц. соломы.

Армія особенно нуждалась въ убойномъ скотѣ, и виленскій департаментъ обязывался доставить гурты воловъ. По мѣрѣ продолженія войны, по этой статьѣ въ арміи Наполеона чувствовался все большій и большій недостатокъ. А при обратномъ движеніи французовъ, виленскій департаментъ обязывался доставить для арміи 10.000 воловъ, при чемъ каждый волъ долженъ былъ вѣсить не менѣе 4 центнеровъ [1]). Распоряженіе осталось неисполненнымъ.

Французы не довѣряли однако мѣстнымъ смотрителямъ провіантскихъ магазиновъ и поручили имъ только наблюденіе за пріемкой продовольствія и выдачу квитанцій [2]). Расходованіе же продуктовъ возлагалось на особыхъ смотрителей— французовъ.

Сформированіе полковъ. Симпатіи поляковъ къ Наполеону сказались въ доставленіи для него войскъ. Въ арміи Наполеона однихъ поляковъ изъ коренной Польши было около 60.000 человѣкъ [3]). По словамъ Наполеона, сказаннымъ Балашеву, въ великой арміи числилось 80.000 поляковъ [4]). Менѣе рвенія въ этомъ отношеніи оказала, повидимому, Литва,— гдѣ вербовка солдатъ для арміи Наполеона шла не столь успѣшно.

Кромѣ почетной литовской гвардіи, составленной изъ молодежи знатныхъ богатыхъ фамилій (нѣчто въ родѣ уланъ, которые должны были находиться при особѣ Наполеона) и состоявшей изъ сотни гвардейцевъ, подъ начальствомъ полков-

---

[1]) Приказъ 13 ноября (н. ст.) 1812 г. Центнеръ = русск. пудъ.

[2]) Военскій. „Акты...“, стр. 201.

[3]) Русское правительство предвидѣло ненадежность польскаго элемента въ своихъ арміяхъ, судя по слѣдующему секретному предписанію вел. кн. Константина генералу Ермолову: „Какъ весьма нерѣдко нынѣ вступаютъ въ службу недоросли изъ польскихъ дворянъ, то нахожу я нужнымъ предварить васъ: прежде представленія ко мнѣ прошенія о принятіи его на службу, освѣдомиться прилежнѣе и обстоятельнѣе какъ о поведеніи его, такъ и о родѣ жизни, какую онъ напередъ сего велъ, или родственники его ведутъ, дабы подъ видомъ желанья служить не могли подозрительные и вредные люди записаны быть въ полки; въ случаѣ же малѣйшаго сомнѣнія отказывать онымъ, выставляя какія ни есть постороннія на сіе причины, и давать мнѣ въ то же время знать. Мартъ: гор. Динабургъ, апрѣля 12 дня. Генералъ-инспекторъ кавалеріи Константинъ“.

[4]) Наполеонъ въ рѣзкомъ разговорѣ съ Балашевымъ преувеличилъ количество польскихъ войскъ. Извѣстно, что Наполеонъ, вообще, любилъ преувеличивать свои военныя силы, особенно когда разговаривалъ съ парламентерами. Императоръ Александръ зналъ объ этой привычкѣ Наполеона.

ника,—въ Вильнѣ предположено было сформировать народную гвардію изъ двухъ баталіоновъ [1]). Въ виленскомъ департаментѣ слѣдующіе города обязывались сформировать части народной гвардіи: Волковыскъ, Лида, Слонимъ, Кобринъ, Пружаны и Каменецъ-Литовскій [2]). Жители Гродненскаго и Сокольскаго уѣздовъ, собравшись подъ предсѣдательствомъ Панцержинскаго, „постановили сформировать на свой счетъ одинъ пѣхотный полкъ, такой же численности и такой же организаціи, какъ и всѣ прочіе полки польской пѣхоты [3]).

Народная гвардія формировалась однако плохо, судя по тому, что въ приказѣ 12 октября правительство все еще „озабочивается сформированіемъ въ главныхъ городахъ департаментовъ народной гвардіи“ [4]).

Приказомъ 13 іюля (н.° ст.) Наполеонъ назначилъ офицеровъ въ литовскіе полки и начальниковъ—командировъ. Графъ Викентій Красинскій особымъ письмомъ 21 іюля (н. ст.), адресованнымъ къ члену административной комиссіи Тизенгаузу [5]), напоминалъ о разрѣшеніи Наполеона принять въ свой полкъ старой гвардіи 1000 молодыхъ литовскихъ дворянъ, при чемъ указывалъ условія зачисленія въ полкъ: дворянское происхожденіе, незапятнанное поведеніе, возрастъ отъ 18 до 32 лѣтъ, снаряженіе коня и мундира, „расходы по которому, по окончаніи кампаніи или въ теченіе ея, будутъ возвращены“. По оффиціальнымъ даннымъ виленскаго департамента, въ четырехъ уѣздахъ (Виленскомъ, Завилейскомъ, Тельшевскомъ и Россіенскомъ) нашлось только 33 человѣка охотниковъ вступить въ вышеупомянутый гвардейскій полкъ [6]).

---

[1]) Приказъ Наполеона I о назнач. врем. прав. вел. кн. лит.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 135. „Въ „Журналѣ Императорскаго русскаго военно-историческаго общества“ (кн. 5, за 1911 г.) помѣщена „Историческая записка о вооруженіи Литвы во время занятія ея французами въ 1812 г.“. Эта записка первоначально была напечатана на франц. языкѣ въ X томѣ „Трудовъ Императорскаго русскаго историческаго общества“.

[2]) Военскій, стр. 229.

[3]) Военскій. „Акты...“, стр. 274.

[4]) Военскій. „Акты...“. Стр. 229—231.

[5]) Тизенгаузъ жилъ въ домѣ нынѣшней главной почтовой конторы. У него квартировалъ Барклай де-Толли.

[6]) То же распоряженіе о наборѣ 1000 дворянъ волонтеровъ для службы въ гвардейскомъ полку, графа Красинскаго, повторено особымъ распоряженіемъ 4 августа н. ст.

Въ Вильнѣ формировался также 18 пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ графа Александра Ходкевича. Къ нему, равно какъ и къ другимъ формируемымъ въ Вильнѣ войскамъ, были прикомандированы инструкторы, баталіонные и эскадронные командиры изъ старыхъ офицеровъ варшавскаго войска.

Генералъ французской службы полякъ Конопко, участникъ испанскихъ походовъ, получилъ приказаніе сформировать второй гвардейскій полкъ литовскихъ уланъ, по образцу волтижеровъ графа Викентія Красинскаго, съ тою разницею, чтобы украшенія мундировъ вмѣсто серебряныхъ были золотыя [1]).

Между поляками, неизмѣнившими русскому правительству въ отечественную войну, слѣдуетъ указать на генерала Чаплица, который совершенно разбилъ сформированную Конопкой, „героемъ Альпухары", литовскую гвардію и самого Конопку взялъ въ плѣнъ.

Около Погуляики (мѣсто тогда незастроенное) былъ большой плацъ, удобный для военныхъ упражненій. По словамъ польскаго корреспондента, на этомъ плацу обыватели имѣли возможность „созерцать примѣры гражданской доблести"... „Мы видимъ, сообщаетъ корреспондентъ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивается число добровольцевъ, поступающихъ въ 18-й пѣхотный полкъ, находящійся подъ командой Ходкевича"... [2]). Корреспонденты не жалѣли красокъ, чтобы по поводу каждаго незначительнаго явленія возбуждать польскій патріотизмъ. Если вѣрить ихъ восторженнымъ описаніямъ, то можно подумать, что вся польская молодежь поголовно пошла въ военные ряды. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ такого увлеченія не было. И даже корреспондентъ, захлебывающійся отъ восторга, по поводу патріотическаго воодушевленія, вызваннаго „завоеваніемъ" Наполеономъ Литвы, долженъ былъ отмѣтить, что за пятнадцать дней „со дня формированія этого (гр. Ходкевича) полка, количество солдатъ превысило 600 человѣкъ"... [3]). Прибыль—не особенно значительная, если взять во вниманіе доминирующее вліяніе поляковъ въ краѣ и преклоненіе шляхты предъ Наполеономъ.

---

[3]) Очень типично это условіе костюмной разницы полковъ,—такъ гармонирующее съ стремленіемъ поляковъ къ показности и внѣшней бравурности.

[2]) Военскій. „Акты...", стр. 261.

[3]) Военскій. „Акты...", стр. 261.

Вообще, организаціи военныхъ частей шли. по разнымъ обстоятельствамъ, не то, чтобы совсѣмъ не успѣшно, но вяло, несмотря на патріотическое воодушевленіе поляковъ.

Жандармы и наборъ рекрутовъ.

Небольшой также популярностью пользовалась въ краѣ и организація корпуса жандармовъ, для сформированія котораго тоже изданы соотвѣтствующія распоряженія. Офицеры и жандармы, выбранные всеобщимъ голосованіемъ изъ городскихъ обывателей, обязывались служить безплатно „въ силу уваженія къ чину, мундиру и почетной обязанности". Рядовой доброволецъ корпуса жандармовъ получалъ жалованья по злотому въ день. Виленскій департаментъ обязывался сформировать корпусъ въ 550 человѣкъ, не считая офицеровъ. Однако мало было охотниковъ принимать на себя столь отвѣтственную должность [1]).

Распоряженія о наборѣ рекрутовъ не могли быть проведены въ желательномъ для Наполеона видѣ, вслѣдствіе неизвѣстности количества душъ и домовъ, находящихся въ департаментахъ, „такъ какъ всѣ вѣдомости по этому предмету были увезены предшествующимъ правительствомъ". Во всякомъ случаѣ виленскій департаментъ обязывался поставить 3.000 рекрутовъ [2]).

Особое воззваніе было обращено къ литовскимъ татарамъ (2 августа н. ст.). Татары края призывались, во имя любви къ родинѣ, служить на защиту Польшѣ. „Нынѣ, по возрожденіи родины, неужели вы (т. е. татары) не окажетесь такими же, каковы были и ваши предки? Жертвовать всѣмъ для блага родины было всегда отличительною чертою татарскаго народа. Пусть татарскіе отряды докажутъ, что вы— природные потомки Корицкихъ, эпохи Яна Собѣскаго, Азюлевичей и др." [3]).

Воззваніе повторено командиромъ перваго эскадрона татарской кавалеріи Мустафомъ-Мурзой Ахматовымъ татарскому народу 23 октября (н. ст.). Мурза пожертвовалъ часть своего имѣнія для уменьшенія казенныхъ издержекъ и лично занялся

---

[1]) Воззваніе военнаго комитета о сформированіи жандармскаго корпуса было повторено 6 октября н. ст.

[2]) Военскій, 213—215.

[3]) Военскій. „Акты...", стр. 220—221.

сформированіемъ уланскаго полка „въ особенно красивыхъ и удобныхъ мундирахъ“. Предполагалось сначала сформировать первый эскадронъ, который „соберется въ Вильнѣ“ и будетъ обмундированъ „на счетъ отечества“ [1]). Для усиленія чувства польскаго патріотизма литовскихъ татаръ, кромѣ славы Корицкихъ, Азюлевичей, въ воззваніи Ахматова упоминаются еще Барановскіе, Беляки и др.

Равнодушіе населенія къ жертвамъ.

Къ концу войны все такъ же слышались приглашенія вступить въ тѣ же полки. 22 сентября (н. ст.) издано было воззваніе о сформированіи конно-егерскаго полка. Многіе изъ васъ, обращается правительство къ литовцамъ,—уже вступили въ ряды новосформированныхъ пяти полковъ пѣхоты и четырехъ кавалеріи, но многіе, благодаря почти полному комплекту этихъ полковъ (полки были далеко не полны), лишены возможности содѣйствовать возрожденію родины“. Въ виду этого и формируется новый конно-егерскій полкъ. Это же воззваніе печаталось еще два раза—3 октября и 7 октября въ „Курьерѣ Литовскомъ“, который превозноситъ отзывчивость мѣстнаго населенія къ военнымъ нуждамъ французской арміи.

Но то же населеніе было неравнодушно и къ разбойничьимъ организаціямъ, судя по тому, что онѣ очень умножились въ Литвѣ во вторую половину 1812 г. Появилась масса разныхъ шаекъ, составленныхъ изъ дезертировъ и праздношатающихся людей. Власти безсильны были справиться съ ними. Правительство вынуждено было сформировать шесть баталіоновъ егерей изъ лѣсничьихъ командъ „для поимки шаекъ бѣглецовъ изъ войска и для поддержанія порядка въ странѣ“ [2]).

Пожертвованія на военныя нужды въ Литвѣ тоже шли медленно, судя по газетнымъ даннымъ, которыя скорѣе можно обвинить въ преувеличеніи, чѣмъ въ умышленномъ замалчиваніи.

Изъ сохранившихся свѣдѣній о крупныхъ пожертвованіяхъ извѣстно, что поручикъ польскихъ войскъ Гіацинтъ Антошевскій далъ на нужды войска, „трудящагося для возро-

---

[1]) Военскій. „Акты...“, 232.

[2]) Тамъ же, 223—224.

ждающагося отечества, тысячу мѣръ ржи (по 26 литовскихъ гарнцевъ каждая) и 500 такихъ же мѣръ ячменя".

Чтобы поднять среди мѣстныхъ литовскихъ поляковъ охоту къ пожертвованіямъ, командиръ 18 польскаго пѣхотнаго полка, полковникъ графъ Ходкевичъ, издавалъ реляціи, въ которыхъ оглашалъ благородные поступки варшавскихъ патріотовъ, выразившіеся въ поставкѣ для арміи рекрутовъ [1]).

А какъ дѣйствительно незначительны были пожертвованія, объ этомъ свидѣтельствуетъ списокъ пожертвованій, сдѣланныхъ обывателями Трокскаго уѣзда: подпрефектъ Трокскаго уѣзда Петриковскій доставилъ на весь отрядъ жандармеріи значки съ полнымъ снаряженіемъ. Президентъ межевого суда Клечковскій—6 новыхъ мундштуковъ, нѣсколько десятковъ локтей полотна и 10 рублей серебромъ; городской писарь Вротновскій—лошадь съ сѣдломъ; Вазгирдъ, хорунжій изъ Меречи, — 2 форменныхъ куртки синяго сукна, 4 кожи и разныя мелкія принадлежности; межевой судья Голейевскій—двадцать локтей полотна, 2 „вырѣзковыя" шкуры и 30 злотыхъ; маіоръ Цейнъ — 50 паръ сапогъ, 21 локоть темно-сѣраго сукна, 10 пороховницъ и 10 темляковъ; поручикъ Рудницкій—2 сабли и пару пистолетовъ; каноникъ Волчацкій—50 польскихъ злотыхъ; Симоновичъ—пару пистолетовъ, полотно и разную мелочь; Станиславъ Жилинскій—саблю, полотно и разную мелочь; Янъ Перковскій—пару пистолетовъ, кожи, мортиру и разную мелочь; Алексѣй Жилинскій—нѣсколько кожъ, 20 локтей сукна и разныя мелкія принадлежности, мортиру и деньгами 40 польскихъ злотыхъ [2]).

Помѣщица Хорошевская пожертвовала на нужды отечества два браслета, украшенныхъ брилліантами, за что, конечно, ее усердно благодарила комиссія временнаго правительства. Богуславскій и Жильвертъ пожертвовали двухъ волонтеровъ-жандармовъ.

Въ качествѣ особаго патріотическаго подвига „объявленъ" поступокъ ротмистра польскаго войска дворянина Антонія Богуславскаго, который оставилъ свое имѣніе и привелъ въ поря-

---

[1]) Тамъ же, 274—276.

[2]) Пожертвованія обывателей Трокскаго уѣзда.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.", стр. 277.

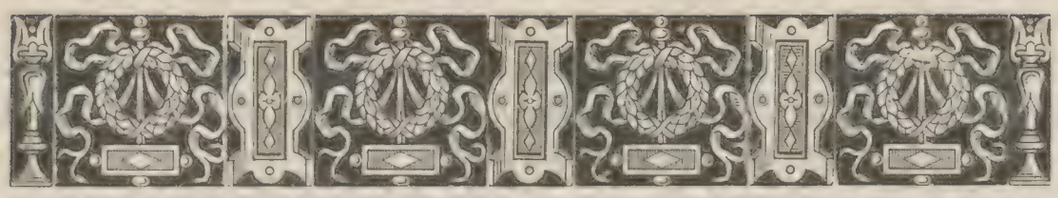
докъ юрбургскую и полангенскую таможню и внесъ въ тельшевское казначейство таможенныхъ пошлинъ на сумму 5800 злотыхъ и 26 съ половиной грошей [1]).

Даже католическія организаціи и конгрегаціи не проявили въ этомъ отношеніи желательной для самостоятельной Польши и Литвы инициативы. Извѣстно, впрочемъ, что полоцкіе отцы-іезуиты оказали нѣкоторую услугу французскимъ войскамъ: де-Марбо заключилъ съ ними условіе о выкуркѣ на ихъ заводѣ вина для продовольствія французскихъ войскъ. Одну изъ причинъ такого равнодушія къ французамъ де-Марбо видитъ въ томъ, что поляки и литовцы сѣверо-западнаго края боялись русскихъ: „Богатые польскіе помѣщики, говоритъ французскій генералъ, опасаясь русскихъ, не смѣли открыто держать сторону французовъ, но втайнѣ старались намъ помогать и снабжали насъ шпіонами. Подойдя къ Полоцку и желая узнать, что дѣлается въ русскомъ лагерѣ, генералъ Сенъ-Сиръ обратился къ одному помѣщику съ просьбой оказать ему въ этомъ случаѣ содѣйствіе. Послѣдній отправилъ къ русскимъ нѣсколько возовъ съ фуражемъ и послалъ съ ними своего управляющаго, переодѣтаго крестьяниномъ. Этотъ человѣкъ, весьма расторопный и смышленный, узналъ изъ разговоровъ съ солдатами Витгенштейна, что они ожидаютъ прибытія многочисленнаго отряда. Получивъ такое извѣстіе, Сенъ-Сиръ рѣшился напасть и разбить Витгенштейна прежде, нежели прибудутъ къ нему вспомогательныя войска“ [2]).

---

[1]) Военскій. „Акты...“, 279—280.

[2]) И. П. Корниловъ. „Князь Адамъ Чарторыйскій“, стр. 880—81.



XIII.

Вильна въ лѣтніе мѣсяцы 1812 г. Болѣзни. Административныя распоряженія временнаго литовскаго правительства, вызванныя войной.

Вильна лѣтомъ 1812 года.

Вильна въ лѣтніе мѣсяцы 1812 г. представляла военный пунктъ съ спеціально-военными функціями. Торговая жизнь значительно ослабѣла. Сношенія съ городами почти прекратились. Отъ Петербурга, Минска, Москвы, Кіева — Вильна была отрѣзана войсками, общеніе поддерживалось только съ Варшавой и западными городами.

Вильна была не только пропускнымъ пунктомъ войскъ, шедшихъ съ запада, но и артеріей, питавшей огромную наполеоновскую армію. Какъ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ—въ Вильнѣ явился недостатокъ жизненныхъ средствъ. Если бы городъ обладалъ несравненно большими средствами, то и тогда едва ли онъ былъ бы въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ великой арміи. Въ результатѣ такого положенія явились болѣзни, отъ которыхъ Вильна долгое время не могла оправиться.

Въ мѣсяцѣ іюнѣ, особенно съ прибытіемъ французскихъ войскъ, появился кровавый поносъ, который особенно распространился среди еврейскаго населенія. Дизентерія уносила массу жертвъ. Комиссія временнаго правительства предписала виленскому медицинскому обществу (основано въ 1805 г.) принять мѣры въ борьбѣ съ дизентеріей и рекомендовать одного изъ своихъ членовъ на должность санитарнаго чиновника. Въ экстренномъ засѣданіи общества (22 іюня 1812 г.) были выработаны правила борьбы съ эпидеміей и указаны способы лѣченія болѣзни [2]). Правила были немедленно напеча-

---

[2]) Виленскій университетъ славился изученіемъ медицины. Въ 1804 г. въ Вильну пріѣхали два знаменитыхъ вѣнскихъ профессора: Иванъ-Петръ Франкъ и его сынъ Іосифъ. Иванъ-Петръ Франкъ считается отцомъ „судеб-

таны и розданы жителямъ города. На должность санитарнаго чиновника общество рекомендовало своего члена д-ра Мяновскаго, выказавшаго много энергіи и умѣнья въ борьбѣ съ эпидеміей.

Вслѣдъ за дизентеріей стали появляться заболѣванія сыпнымъ тифомъ, принявшія характеръ злокачественной эпидеміи.

Тифъ появился въ Вильнѣ еще въ 1807 г. Его называли здѣсь „гнилой горячкой". Развился онъ, по свидѣтельству Франка (предсѣдатель медицинскаго общества), вслѣдствіе прохожденія войскъ и плохого устройства госпиталей. Въ 1808 г. эпидемія значительно ослабѣла, но въ 1812 г. опять вспыхнула со страшной силой. Жизненные припасы и, вообще, жизнь въ городѣ значительно вздорожали, вслѣдствіе быстраго и значительнаго увеличенія населенія, такъ какъ, кромѣ большого скопленія войскъ, въ Вильну устремились со всей губерніи помѣщики съ семьями и прислугою [1]).

Распространенію болѣзни много содѣйствовали солдаты и евреи, продававшіе на улицахъ платье умершихъ отъ тифа. Осенью въ однихъ военныхъ госпиталяхъ въ Вильнѣ число больныхъ достигло 1000, изъ которыхъ лишь 50 человѣкъ были больны цынгою, всѣ же остальные были тифозные. Не безынтересно объясненіе этой эпидеміи тифа, данное А. Спядецкимъ. Указавъ, что большія эпидеміи возникаютъ обыкновенно во время войнъ, онъ объясняетъ ихъ появленіе не плохими санитарными условіями, дурнымъ питаніемъ, утомленіемъ и нравственными вліяніями, дѣлающими организмъ менѣе устойчивымъ, а соприкосновеніемъ и собраніемъ въ одномъ мѣстѣ людей, принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ.

Университетъ былъ временно закрытъ, такъ какъ многіе профессора—нѣмцы бѣжали передъ французами, а многіе университетскіе залы были заняты больными и ранеными.

ной медицины". Онъ составилъ первый курсъ этой науки, которая въ то время называлась „полицейской медициной". Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. Іосифъ Франкъ состоялъ директоромъ виленской клиники и славился, какъ выдающійся медикъ. Онъ оставилъ записки о Вильнѣ въ 6 томахъ, имѣющія цѣнное значеніе для исторіи города.

[1]) В. Б. Загорскій. Импер. Виленск. Медиц. Общество. 1805—1895. Вильна. 1896, стр. 40.

Газеты и журналы, выписываемые обществомъ, перестали получаться, и пришлось отказаться отъ подписки на нихъ [1]).

Печальное санитарное положеніе города и необходимость поддерживать французовъ заставила временное правительство обращаться къ частной благотворительности. Въ лѣтніе мѣсяцы было издано не мало такихъ призывовъ [2]).

Для подъема благотворительности правительство прибѣгало къ магическому имени Наполеона. „Его приближеніе къ намъ, подобно солнцу, возносящемуся надъ громадами льдинъ, расплавило и уничтожило всѣ препятствія, исполнивъ сердца наши сладкою надеждою и чувствами живѣйшей благодарности“.[3]) „Пожертвованія, которыя мы отъ васъ требовать будемъ, какъ бы они ни были велики, покажутся ничтожными въ сравненіи съ благомъ возвращенія намъ самостоятельности“ [4]).

Заботы о населеніи. Правительство было озабочено устройствомъ разбѣжавшагося населенія, о которомъ, впрочемъ, вспомнило лишь тогда, когда истощились средства города и прекратились платежи. Литовскіе крестьяне считали себя въ правѣ освободиться отъ помѣщичьей власти, тѣмъ болѣе, что съ именемъ Наполеона связывались ожиданія полной независимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Есть извѣстіе, что Наполеонъ, входя въ Литву, освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако документальныхъ данныхъ, подтверждающихъ это извѣстіе, до сихъ поръ не найдено. Вѣроятнѣе всего, что на литовскихъ крестьянъ было распространено распоряженіе о свободѣ крестьянъ Варшавскаго герцогства, данное Наполеономъ нѣсколькими годами раньше. Во всякомъ случаѣ, временное литовское правительство ничего не сдѣлало для улучшенія быта крестьянъ. По словамъ польскаго историка, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на Литвѣ въ 1812 г. происходили открытые бунты [5]). Многіе жители селъ и деревень,

---

[1]) Тамъ же, стр. 41

[2]) Примѣръ воззванія комиссіи врем. прав. вел. кн лит. къ жителямъ Литвы.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“ т. I, стр. 147.

[3]) Тамъ же, стр. 149.

[4]) Тамъ же, стр. 150.

[5]) Henrik Schmitt: „Dzieje Polski XVIII i XIX wieku“ t. IV, str. 232

при появленіи французовъ въ странѣ, оставили свои жилища и разбѣжались по разнымъ мѣстамъ [1]).

6 іюля было издано особое воззваніе къ городскимъ, уѣзднымъ и сельскимъ властямъ, въ которомъ разбѣжавшіеся жители приглашались „вернуться и приступить къ исполненію своихъ земледѣльческихъ работъ и повинностей; повиноваться помѣщикамъ, владѣльцамъ и арендаторамъ имѣній или лицамъ ихъ заступающимъ; ничѣмъ не нарушать собственности; исполнять всѣ предписанныя имъ работы и повинности, исполнявшіяся ими до сего времени. Неисполнившіе эти или исполняющіе свои обязанности дурно, по докладу сельскихъ властей, подлежатъ увѣщанію, наказанію и принужденію къ выполненію этихъ обязанностей при посредствѣ уѣздныхъ властей и даже воинской силы, если того потребуютъ обстоятельства“ [2]). „Не смущайтесь отдѣльными случаями злоупотребленій, о которыхъ намъ говоритъ и самъ нашъ избавитель въ его приказѣ отъ 3 іюля, которые порочатъ военное званіе и препятствуютъ правильному распредѣленію продовольствія. Къ прекращенію сего приняты уже надлежащія мѣры: разосланы летучія команды, коимъ поручено отыскивать и задерживать бродягъ. Преданіе виновныхъ суду и немедленное исполненіе приговоровъ, а также организація жандармеріи, коей вмѣняется въ обязанность наблюдать за порядкомъ и общимъ спокойствіемъ,—все это должно въ скоромъ времени прекратить подобныя злоупотребленія. Поэтому спокойно оставайтесь въ домахъ вашихъ, собирайте разбѣжавшихся жителей и старайтесь внушить имъ, сколь необходимо заниматься земледѣліемъ и отправлять предписанныя договорами повинности, доказывая имъ, что только соблюденіемъ порядка,

---

[1]) Многіе изъ русскихъ помѣщиковъ въ литовскомъ краѣ, при приближеніи непріятеля, оставили свои имѣнія. „Литовская комиссія“, учрежденная Наполеономъ, распорядилась, чтобы „казенныя имѣнія, по покупкѣ или всемилостивѣйшему пожалованію россійскими подданными владѣемыя, по отлучкѣ ихъ во внутрь Россіи, занять въ казенное вѣдомство“. Съ этой цѣлью въ эти имѣнія комиссіей временнаго литовскаго правительства были назначены особые администраторы (Дѣло архива виленск. генералъ-губерн. № 36, за 1813 г. „О казенныхъ имѣніяхъ“... л. 1). По возвращеніи края Россіи, эти администраторы были оставлены въ тѣхъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ не возвратились,—съ условіемъ давать отчеты по управленію. (Тамъ же, л. 2).

[2]) К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 года“, 1909 года, стр. 151.

повиновеніемъ и исполненіемъ своихъ обязанностей можемъ достигнуть желаемаго благоденствія“ [1]).

Конечно, объявленія и оффиціальныя распоряженія не прекратили нестроеній и злоупотребленій, находившихъ для себя почву въ обстоятельствахъ времени. Изъ обывательскихъ распространенныхъ злоупотребленій должно отмѣтить участившуюся перепродажу частными лицами военныхъ предметовъ, полученныхъ отъ солдатъ. Зло приняло громадные размѣры. Муниципалитетъ города Вильны вынужденъ былъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, „что никто изъ жителей, при какихъ бы то ни было условіяхъ, не имѣетъ права покупать отъ солдатъ никакихъ вещей, а также мяса, хлѣба, частей обмундировки и, вообще, всего, что исходитъ отъ военныхъ корпусовъ или изъ магазиновъ“ [2]).

Мѣстное духовенство приглашалось именемъ великаго Наполеона къ содѣйствію гражданскимъ властямъ въ дѣлѣ устройства края. Оно должно было всячески убѣждать народъ „терпѣливо переносить случайныя невзгоды, которыя въ свое время будутъ вознаграждены“, „уговаривать населеніе продолжать земледѣльческія занятія и возвратиться въ свои дома“ [3]).

Мародеры. Но особенно безпокоили правительство непрекращавшіеся набѣги мародеровъ, вызвавшіе неоднократныя строгія распоряженія и приказы. „Строжайшими приказами всемилостивѣйшаго императора и короля Наполеона великаго воспрещается солдатамъ нападать на деревни, грабить ихъ, чинить обиды, нарушать собственность и причинять вредъ (сельскому) хозяйству помѣщиковъ и крестьянъ; военныя команды и жандармерія, назначенныя для охраны порядка и собственности общественной и частной, имѣютъ приказъ ловить бродягъ, хватать и отправлять въ полки отсталыхъ отъ арміи,—всѣмъ усадьбамъ и жителямъ ихъ вмѣняется въ обязанность выдавать бродягъ, доносить о нихъ и оказывать помощь къ прекращенію грабежей. Уѣздная администрація

---

[1]) Тамъ же, стр. 152.

[2]) Объявленіе муниципалитета г. Вильны отъ 27 іюля (н. с.) 1812 г.— К. Военскій. „Акты...“, стр. 235.

[3]) Военскій. „Акты...“, стр. 153.

должна неотлучно находиться въ главномъ городѣ уѣзда. Усадьбы собираютъ сельскіе сходы, каковые, раздѣленные на десятки и сотни, должны подчиняться порядку и быть готовыми, для нуждъ самихъ же сходовъ, оказывать помощь въ поимкѣ и задержаніи бродягъ, всякій разъ, когда будутъ вызваны къ этому воинскими командами, жандармами и чинами администраціи, способствуя, такимъ образомъ, очищенію края отъ людей, вредныхъ для войска и сельскимъ хозяевамъ".

Эти распоряженія оглашались съ амвона, прочитывались на сельскихъ сходахъ, а въ уѣздныхъ городахъ прибивались на дверяхъ ратуши [1]). Они лучше военныхъ описаній показываютъ настроеніе края и порядки, царившіе въ немъ при временнномъ литовскомъ правительствѣ.

Патріотическія мѣры. 26 іюля во всѣхъ виленскихъ костелахъ были совершены торжественныя молебствія, по случаю „побѣдоноснаго движенія арміи Наполеона". Проповѣдь за торжественной обѣдней говорилъ ксендзъ Кошко на тему о томъ, что „истинные сыны отечества не должны щадить ни достоянія ни крови для освобожденія родины отъ непріятеля" [2]).

Виленскій театръ тоже возбуждалъ патріотическія чувства поляковъ. По словамъ „Курьера Литовскаго", варшавскіе артисты Дмушевскій и Кудличъ, вмѣстѣ съ здѣшними, воспламеняютъ живѣйшее чувство какъ своею игрою, такъ и выборомъ патріотическихъ и приличныхъ обстоятельству пьесъ и пѣсней" [3]).

Но болѣе всего воспламеняла патріотическія чувства виленская газета, освѣщавшая факты съ своей точки зрѣнія. Такъ, отступленіе русскихъ отъ Двины были истолковано „Курьеромъ Литовскимъ" какъ побѣда французовъ надъ русскими. Въ устахъ корреспондента, это событіе отлилось въ такую форму сообщенія: „Динабургская крѣпость, надъ сооруженіемъ которой 10,000 человѣкъ трудилось почти два года, пала предъ побѣдителями, какъ стѣны Іерихона. Двина, укрѣпленные берега которой казались неприступными, въ настоящее время течетъ среди французскихъ отрядовъ такъ же,

---

[1]) Тамъ же, стр. 151.

[2]) Тамъ же, стр. 260.

[3]) „Курьеръ Литовскій", 1812 г. № 59.

какъ Вилія и Нѣманъ: въ одинъ мѣсяцъ Наполеонъ сдѣлалъ то, на что нашимъ князьямъ и королямъ нужны были вѣка“ [1]). Кобринская побѣда Тормасова надъ французами изображена была газетой, какъ полное пораженіе русскихъ.

Большую путаницу въ торговыхъ дѣлахъ страны вводило несоотвѣтствіе русской монеты съ французской. Поэтому въ концѣ іюля издано было распоряженіе, по которому мѣдная россійская двухкопеечная монета равнялась тремъ мѣднымъ грошамъ, а пятикопеечная—семи [2]).

8 августа (н. ст.) вышелъ приказъ устроить „въ четырехъ главныхъ городахъ департаментовъ болѣе значительные, а во всѣхъ уѣздныхъ городахъ меньшіе запасные магазины и, кромѣ того, снабдить, на случай могущей быть надобности, провіантомъ этапы въ мѣстечкахъ Меречи и Олитѣ“ [3]).

Особый провіантскій магазинъ былъ устроенъ въ Сморгони, на большомъ военномъ трактѣ, ведущемъ изъ Вильны въ Минскъ. Магазинъ разсчитанъ на помѣщеніе, „въ которомъ постоянно должны находиться сто бочекъ муки, десять воловьихъ шкуръ, а также нѣсколько печей для изготовленія хлѣба“... Тамъ же долженъ находиться особый комиссаръ [4]).

Такъ какъ приглашенія къ добровольнымъ пожертвованіямъ перестали дѣйствовать: населеніе къ нимъ привыкло, и потому не обращало вниманія, — то воззванія стали носить нѣсколько нервный и повелительный характеръ. По воззванію, изданному 7 авг. (н. с.), „всѣ землевладѣльцы приглашались къ пожертвованіямъ: съ каждой недвижимости должны пожертвовать двѣ осьмины ржи, двѣ осьмины овса, два гарнца крупы ячменной или гречневой, два гарнца гороху, 80 фунтовъ сѣна и столько же соломы; при чемъ рожь должна быть смолота возможно мельче“ [5]). Срокомъ для выполненія этого пожертвованія назначается день 1 октября сего года“ [6]).

---

[1]) „Курьеръ Литовскій“ 1812 г. № 61.

[2]) Постановленіе комиссіи врем. прав. вел. кн. лит. о россійскихъ монетахъ 2-хъ и 5-ти коп. достоинства, отъ 7-го авг. (н. ст.) 1812 г.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 161.

[3]) К. Военскій: „Акты...“, стр. 167.

[4]) Тамъ же, стр. 160.

[5]) Тамъ же, стр. 168.

[6]) Тамъ же, стр. 168.

Недостатокъ топлива. Муниципалитетомъ г. Вильны были получены свѣдѣнія, что „вверхъ по теченію рѣки Виліи, около Зубова, Неменчина и Верокъ находятся плоты различнаго лѣса, пригнаннаго русскими для постройки моста“. Муниципалитетъ нашелъ нужнымъ „принять мѣры къ осмотру береговъ, отысканію дерева и доставкѣ таковаго въ городъ, въ дровяной складъ, на площади Зайковскаго на берегу Виліи“. Распоряженіе мотивируется тѣмъ, что „запасы лѣсного склада уже приходятъ къ концу, и что явится настоятельная необходимость въ подготовкѣ этого рода матеріаловъ“ (17 іюля н. ст.).

Дѣйствительно, дровъ не хватило, судя по тому, что черезъ девять дней президентъ города Вильны, Михаилъ Роммеръ, написалъ отношеніе къ комиссіи временнаго правительства такого содержанія: „25 іюля сего года губернаторъ г. Вильны, его превосходительство генералъ Жомини, предписалъ муниципалитету, дабы всякаго рода лѣсъ, который окажется на рѣкѣ Виліи и въ городѣ Вильнѣ, былъ забранъ, въ силу реквизиціи, на военныя нужды. Муниципалитетъ доноситъ, что это постановленіе исполнено, но считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія комиссіи временнаго правительства, что въ настоящее время виленскимъ пекарямъ предписано печь хлѣбъ для арміи и гнать пиво и водку на винокуренныхъ заводахъ; сами же обыватели нуждаются въ топливѣ. *Лѣсовъ около города Вильны нѣтъ:* какимъ же образомъ могутъ обыватели исполнить повинность и удовлетворить собственныя нужды безъ дровъ? Обыватели толпами приходятъ жаловаться. Вышеизложенное даетъ муниципалитету право обратиться, въ виду важности вопроса, къ комиссіи временнаго правительства великаго княжества литовскаго, не найдетъ ли она возможнымъ постановить, дабы *военныя и обывательскія нужды были признаны тождественными* и вышеуказанный лѣсъ былъ бы раздѣленъ согласно надобностямъ“ [1]).

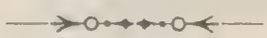
---

[1]) О недостаткѣ въ Вильнѣ топлива 26 іюля 1812 г. К. Военскій. „Акты...“, стр. 273. Профессоръ виленскаго университета Іосифъ Франкъ въ своихъ запискахъ о Вильнѣ утверждаетъ, что Вильна была окружена огромными лѣсами, и, казалось, дрова должны быть очень дешевы,—а между тѣмъ цѣна ихъ была очень высока, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и непомѣрно дорогой доставки. Впрочемъ, прибавляетъ Франкъ, если бы такіе лѣса находились въ южной Европѣ, то навѣрное были бы употреблены на что-либо другое, только не на топливо.

Вымогательства. Пользуясь лѣснымъ и дровянымъ кризисомъ, понтонеры, саперы и военные мастеровые, занимавшіе караулы на мостахъ и на понтонахъ по Нѣману и Виліи, „вымогали плату за пропускъ лѣса черезъ мосты“ [1]), что вызвало особыя распоряженія со стороны генералъ-губернатора Литвы—Гогендорпа.

Сохранились извѣстія о случаяхъ вымогательствъ, „чинимыхъ караулами, стоящими у городскихъ воротъ“ въ Вильнѣ. Документы свидѣтельствуютъ, что не только военные караулы вымогали у подводъ, въѣжавшихъ въ городъ, но вымогали и чиновники въ самомъ городѣ... „Это пугаетъ обывателей и уменьшаетъ подвозъ“ [2]).

Доставка корпіи. Особыя воззванія были изданы насчетъ доставки для войскъ корпіи. „Съ каждаго одноэтажнаго дома обывателями будетъ доставлено полфунта корпіи, съ двухъэтажнаго—фунтъ, съ трехъэтажнаго—полтора. Кромѣ того, состоятельные жильцы доставятъ по полтора фунта корпіи, а бѣднѣйшіе—по полфунта. Что было достаточно до сихъ поръ, составляетъ лишь незначительную часть того, въ чемъ въ настоящее время чувствуется особенная необходимость“ [3]). Воззваніе повторено въ концѣ августа (2 сент. нов. ст.) въ видѣ обращенія „къ прекрасному полу Литвы о доставленіи корпіи для раненыхъ“. Для поощренія литовскихъ женщинъ къ этому занятію приводились разныя красивыя фразы, очень лестныя для прекраснаго пола... Генрихъ Снядецкій—профессоръ химіи и докторъ медицины—Яковъ Шимкевичъ обѣщали собирать доставляемую корпію, а „Курьеръ Литовскій“ считалъ для себя „за высокую честь печатать имена патріотокъ и ихъ высокоуважаемые дары“ [4]).



---

[1]) К. Военскій. „Акты...“, стр. 370.
[2]) Тамъ же, стр. 239.
[3]) „Курьеръ Литовскій“ 1812 г. № 86.
[4]) Военскій. „Акты“... стр. 271.

XIV.

Вильна въ августѣ 1812 г.

Торжество 3 августа. Въ августѣ Вильна праздновала тезоименитство Наполеона. Оно было положено 3 (15) числа. Собственно Наполеонъ не зналъ дня своихъ именинъ до заключенія конкордата съ папой Піемъ VII. Въ католическомъ календарѣ не значится „Наполеона“ и, только по особому распоряженію папы, тезоименитство Наполеона было пріурочено ко дню его рожденія, т. е. къ 3 (15) августа (н. с.).

Наканунѣ этого дня пушечные выстрѣлы извѣстили жителей Вильны о наступающемъ праздникѣ. Движеніе въ городѣ увеличилось. „Всю ночь, говоритъ „Курьеръ Литовскій“, — продолжались приготовленія къ торжеству. На другой день, по сигналу, данному пушечными выстрѣлами, „многочисленные отряды поляковъ, баварцевъ, французовъ и войскъ императорской гвардіи собрались на площади и прошли церемоніальнымъ маршемъ около генералъ-губернатора“. Затѣмъ слѣдовали обычныя представленія генералъ-губернатору „для изъявленія чувствъ преданности избавителю угнетеннаго народа“ [1]).

Президентъ города Вильны Роммеръ приготовилъ на виленской площади для народа пиръ и произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: „Граждане! цѣпей больше нѣтъ! Вы можете свободно дышать роднымъ воздухомъ, свободно мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Сибирь уже не ожидаетъ васъ, и москали сами принуждены искать спасенія въ ея дебряхъ. Уже побѣдоносные орлы преслѣдуютъ непріятеля въ той странѣ, гдѣ нѣкогда оружіемъ предковъ означены были наши границы“ [2]).

Для народнаго угощенія были предложены жареные быки, начиненные дичью, поросятами, баранами и пр. Всюду раз-

---

[1]) Описаніе богослуженія у Военскаго. „Акты...“, стр. 263—264.

[2]) К. Военскій. „Акты...“, стр. 264.

носили водку и пиво. Угощеніе продолжалось отъ четырехъ часовъ дня до девяти часовъ вечера и сопровождалось польскими патріотическими манифестаціями. Въ театрѣ было дано соотвѣтствующее представленіе (пьеса „Краковяки“, которая, по словамъ корреспондента, „всегда смотрится съ удовольствіемъ, потому что возбуждаетъ любовь къ отечеству и ненависть къ врагамъ народа“). По окончаніи представленія, гражданамъ Вильны былъ данъ балъ мѣстными помѣщиками, продолжавшійся до 6 часовъ утра. „Городъ былъ такъ блестяще иллюминованъ, какъ этого не запомнятъ никогда со времени конституціи 3 мая“. „Среди безчисленнаго множества плошекъ, покрывавшихъ фасадъ ратуши, поставлены были между колоннами пять транспарантовъ, изъ коихъ одинъ представлялъ двухъ уланъ, поляка и литовца, коихъ окружали толпы соотечественниковъ, возносящихъ руки къ вензелю императора и къ орлу, мечущему молніи“ [1]).

Между частными домами въ Вильнѣ обращалъ на себя вниманіе своимъ украшеніемъ домъ каноника Богуславскаго. На немъ красовался транспарантъ, на которомъ были изображены пылающій Зеленый мостъ, бѣгущіе по нему русскіе, а Наполеонъ сидитъ на берегу Виліи и глядитъ... Вверху надпись: „Освобожденная Вильна 16 іюня 1812 г.“, внизу: „Храбрость не страшится чудовищъ“.

По поводу торжества профессоромъ виленскаго университета Словацкимъ была написана ода. Въ ней говорилось: „Это праздникъ Владыки Европы, (властвующаго) отъ береговъ Таго до Волги! Это праздникъ того, предъ кѣмъ, гдѣ онъ ни ступитъ, все склоняется; праздникъ законодателя всѣхъ народовъ, посланца рока, который своими побѣдами, подвигами и заслугами достигъ въ своей славѣ облаковъ!.. Гдѣ же они (враги)?. Въ какія страны бѣжали ихъ испуганныя полчища? Уже пали передъ побѣдителемъ твердыни Днѣпра и Двины. Тѣ страны, гдѣ полночь развертываетъ надъ мерзлой землей свою черную завѣсу, страны, нелюбимыя солнцемъ, уже видятъ героя-освободителя. Гдѣ же тѣ, кто еще такъ недавно смѣлъ здѣсь повелѣвать? Гдѣ ихъ

---

[1]) Празднованіе дня рожд. и тезоименитства Наполеона.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 266.

станъ?“ [1]). Конечно, Словацкій — „профессоръ польской литературы виленскаго университета“ — умѣлъ слагать образцовыя оды...

Торжество 15 августа. 15 (27) августа Вильна торжественно праздновала тезоименитство супруги Наполеона, Маріи-Луизы, по обычному порядку торжествъ [2]).

Въ этотъ же день въ Вильнѣ происходили выборы депутатовъ въ генеральную конфедерацію польскаго королевства. Избраны: докторъ медицины Шимкевичъ, членъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, и Ходзевичъ, письмоводитель городского совѣта [3]).

Сформированіе націон. гвардіи. Виленская національная гвардія, исполнявшая въ Вильнѣ полицейскую службу, составляла гордость мѣстныхъ патріотовъ. Виленскій хроникеръ не могъ нахвалиться ея прекраснымъ состояніемъ: „Она отлично обмундирована, обучена, проникнута сознаніемъ служебнаго долга“... 12 августа она заняла въ городѣ караулы и гауптвахты. Общая численность несущихъ службу доходила до 1220 человѣкъ. Городская виленская гвардія, утвержденная Наполеономъ 1 іюля, должна была состоять изъ 1450 человѣкъ [4]). Подъ охраной гвардіи находились всѣ тюрьмы. Первымъ былъ сформированъ и началъ службу баталіонъ Франценсона.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что многіе гвардейцы, по изгнаніи французовъ, подавали прошеніе, въ которомъ, желая реабилитировать себя въ глазахъ русскаго правительства, ссылались на разныя обстоятельства, заставившія ихъ поступить въ гвардію. Нѣкоторые заявляли, что они силою были привлечены въ гвардію французовъ, этихъ „свирѣпыхъ иноплеменниковъ..., извѣстныхъ цѣлому свѣту по неистовствамъ ихъ и безчеловѣчію“ [5]). Старшины цеховыхъ обществъ (сапожнаго, напр., и др.) впослѣдствіи жаловались, что „люди ремесла нашего, бывъ заняты сею обязанностью

---

[1]) К. Военскій. „Акты...“, стр. 268.
[2]) Тамъ же, стр. 269.
[3]) Тамъ же, стр. 270.
[4]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 102, 1812 г., стр. 25.
[5]) Тамъ же, стр. 14.

(т. е. служеніемъ въ гвар и) и удерживая городскіе караулы, не въ состояніи уплачив ть слѣдуемыя отъ нихъ подати“ [1]).

Движеніе польскихъ войскъ. Въ концѣ августа черезъ Вильну проходили войска маршала Виктора герцога Беллуно. „Съ гордостью увидѣли мы, говоритъ „Курьеръ Литовскій“, среди этихъ войскъ и нашу польскую милицію... Это была 28 дивизія Жирара, 9 корпуса Виктора, въ которую входили четвертый, седьмой и девятый пѣхотные полки герцогства варшавскаго“ [2]). Для нуждъ арміи приказано было доставить 120 подводъ (для перевозки амуниціи изъ Ковны и Вильны въ Сморгонь и изъ Минска въ Оршу) [3]).

Недостатокъ въ хлѣбѣ. Несмотря на огромные провіантскіе запасы, въ Вильнѣ, въ августѣ, населеніе испытываетъ иногда недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ концѣ августа голодающими были разбиты и разграблены двѣ еврейскихъ хлѣбопекарни.

Участились насилія. Не хватало лицъ судебнаго вѣдомства для разбора дѣлъ. Временное правительство взывало ко всѣмъ адвокатамъ и присяжнымъ, „какъ прежнимъ, такъ и новымъ“, явиться въ Вильну въ первый департаментъ главнаго суда для веденія дѣлъ уголовныхъ“ [4]).

Денежные сборы. Недостатокъ денежныхъ средствъ подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе обострявшейся нужды очень давалъ себя чувствовать. Временное правительство рѣшило устроить въ мѣсяцѣ августѣ поголовный сборъ со всѣхъ жителей великаго княжества подъ названіемъ „личное единовременное пожертвованіе“. Правительство открыто сознало, что обстоятельства „требуютъ усиленныхъ неотложныхъ расходовъ, удовлетворить которыхъ не можетъ наша истощенная, оставшаяся безъ всякихъ запасовъ казна, если только вы, обыватели, не придете ей на помощь, чего она имѣетъ право ждать отъ васъ. Всѣ источники государственныхъ доходовъ,

---

[1]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 102, 1812 г. „О національной гвардіи и жандармахъ“, стр. 22—23.

[2]) „Курьеръ Литовскій“ 1812 г. № 74.

[3]) Распоряженіе 7 сентября (н. ст.). Военскій. „Акты...“, 186.

[4]) Распоряженіе отъ 5 августа 1812 г. Военскій. „Акты...“, стр. 159.

изъ коихъ мы до сего времени черпали, недостаточны для удовлетворенія неотложныхъ расходовъ края“ [1]).

„Всѣ жители княжества безъ различія состоянія и религіи“ обязывались внести въ государственную казну одинъ разъ въ годъ пожертвованія, соотвѣтственно своему матеріальному состоянію. Для этого было установлено одиннадцать разрядовъ налога. Налогъ въ пятнадцать грошей возлагался на крестьянъ, не имѣющихъ дохода, батраковъ, работающихъ въ деревняхъ, и пр. Одинъ злотъ должны были платить крестьяне, исполнявшіе барщину, ключники, наемные рабочіе, пастухи, ремесленники безъ подмастерьевъ, прислуга и т. д. Десятый разрядъ—500 злотыхъ возлагался на владѣльцевъ или арендаторовъ имѣній, имѣвшихъ свыше тысячи дворовъ, на чиновниковъ, получавшихъ жалованья отъ 15 до двадцати тысячъ злотыхъ и проч. и, наконецъ, одинадцатый разрядъ—налогъ на капиталистовъ, по расчету одной седьмой части доходовъ или процентовъ съ капитала“. Конечно, правительство не могло учесть въ то время доходность капиталистовъ, и потому „полагалось на благородство“ капиталистовъ: оно просило ихъ самихъ опредѣлить свою доходность.

Города литовскаго княжества, соотвѣтственно обложенію, были подѣлены на пять разрядовъ. Въ первомъ разрядѣ на первомъ мѣстѣ поставлена Вильна. Отъ налога освобождались: нижніе чины, находившіеся на службѣ, монастыри, содержавшіе больницы, калѣки, старики, арестанты, молодыя женщины, живущія при мужьяхъ, не имѣющія отдѣльныхъ профессій, и малолѣтніе. „Сборъ этого налога особенно необходимъ,—писалось въ постановленіи,—неотложное выполненіе его основано на вашей чуткости, на вашихъ лучшихъ стремленіяхъ“. Постановленіе подписано въ засѣданіи 22 августа (н. ст.). Власти энергично взялись за его осуществленіе, и казна значительно пополнилась.

Прежнія распоряженія по уравненію стоимости монетъ не ввели порядка въ мѣновыя денежныя операціи. Паденіе курса и несогласованность мѣстной монеты съ иностранной,

---

[1]) Постановленіе комиссіи врем. прав. вел. кн. лит. о сборѣ со всѣхъ жителей вел. кн. налога подъ назван.: „личное единовременное пожертвованіе“. 22 авг. 1812 г.—К. Военскій. „Акты, док. и матер.“, стр. 170—171.

которую въ большомъ количествѣ ввезли французы, заставили правительство издать подробное „постановленіе объ иностранной монетѣ и о курсѣ таковой, которое вводилось въ дѣйствіе, какъ обязательное, особенно для казначеевъ и сборщиковъ податей въ Вильнѣ съ 28 августа, а въ департаментахъ съ 1 сентября (н. ст.) [1]). При этомъ, въ видахъ большей точности денежной отчетности, запрещено было принимать въ общественныя кассы литовскаго княжества банковые билеты герцогства варшавскаго въ уплату пошлинъ“ [2]).

Факсимиле маіора Мусина-Пушкина (командира Черниговскаго драгунскаго полка въ 1812 г.)

---

[1]) Военскій. „Акты...“, стр. 178—182.

[2]) Тамъ же, стр. 185. Крупная торговля Вильны находилась въ 1812 г. въ рукахъ христіанъ. Лучшими магазинами въ городѣ считались нѣмецкіе — Рейзера и Карнера. Осипъ Франкъ утверждаетъ, что эти купцы жили пышно, не заглядывая въ завтрашній день, и потому должны были закончить свою торговлю банкротствомъ. По документальнымъ даннымъ виленскаго городского архива, торговыхъ христіанскихъ фирмъ въ городѣ, въ 1812 году, было 17, а еврейскихъ, занимавшихся сравнительно мелкой торговлей, 49, Сумма торговыхъ оборотовъ христіанскихъ и еврейскихъ фирмъ была равна. Кофеенъ, ресторановъ и питательныхъ заведеній въ Вильнѣ было 250, бань—9 (Книга вил. гор. арх за 1812 г. № 1393). Конечно, въ документѣ, составленномъ по поводу требованія французскими властями новыхъ денежныхъ обложеній, не упоминаются мелкія лавченки, которыхъ въ Вильнѣ было не мало. Каменныхъ домовъ въ Вильнѣ было болѣе 700, приблизительно столько же деревянныхъ, хотя Франкъ утверждаетъ, что деревянныхъ было гораздо больше.

XV.

Вильна въ сентябрѣ—октябрѣ 1812 г,

Извѣстія о Бородинскомъ боѣ.

9 сентября (ст. ст.) въ Вильну пришло извѣстіе о Бородинскомъ боѣ и объ отступленіи русскихъ.

Конечно, эти событія были истолкованы въ Вильнѣ, какъ факты побѣдоноснаго шествія великаго Наполеона. 21 сентября (н. ст.), по словамъ „Курьера Литовскаго", „были получены въ Вильнѣ важныя оффиціальныя извѣстія о достопамятномъ событіи, а именно, о занятіи 2 сентября (ст. ст.) въ три часа пополудни московской столицы. Сердца всѣхъ жителей нашего города наполнились радостью, всѣ поздравляли другъ друга"... Въ этихъ событіяхъ видѣли близость окончанія войны и предвѣстіе мира, въ которомъ такъ нуждались Литва и Бѣлоруссія.

По этому поводу гражданскіе и военные чины Вильны въ 11 часовъ приносили герцогу Бассано—министру иностранныхъ дѣлъ—соотвѣтствующія поздравленія, а отъ него отправились въ каѳедральный костелъ для благодарственнаго моленія. Вечеромъ городъ былъ блестяще иллюминованъ, а въ виленскомъ театрѣ дано даровое представленіе пьесы подъ заглавіемъ „Школьники въ Крожахъ или патріотизмъ въ Самогитіи" написанной ad hoc Словацкимъ.

Сюжетомъ для пьесы послужило слѣдующее измышленное событіе, будто бы имѣвшее мѣсто въ мѣстечкѣ Крожахъ 1-го августа (н. ст.). Мѣстные школьники-поляки, въ необычайномъ патріотическомъ одушевленіи, незамѣтно вмѣшались въ толпу крестьянъ, которыхъ казаки подрядили для вывоза магазиновъ, уговорили ихъ на непонятномъ для русскихъ жмудскомъ языкѣ, чтобы они ночью выпрягли лошадей и скрылись отъ нихъ въ лѣсъ. На слѣдующій день, видя, что казаки снова подрядили нѣсколько сотъ подводъ и хотѣли къ

вечеру увезти весь хлѣбъ, тѣ же школьники, заготовивъ куски бѣлой и синей матеріи, незамѣтно по одиночкѣ вышли кружными путями на неменчинскій трактъ, откуда казаки могли ожидать приближенія французовъ... Тамъ они сдѣлали себѣ значки, прикрѣпивъ матеріи на палки, вырѣзали кустарники, сѣли на крестьянскихъ лошадей и снова направились по дорогѣ къ Крожамъ, словно польскіе уланы. И казачій пикетъ былъ обманутъ. При первомъ же появленіи значковъ, онъ бросился въ бѣгство, перепугалъ мѣстечко, а за нимъ и всѣ остальные казаки стали отступать къ Линковцамъ. Тогда всѣ запасы были немедленно разобраны, а люди отосланы по домамъ... Конечно, казаки узнали объ обманѣ и рѣшили вернуться, чтобы вырѣзать всѣхъ школьниковъ, а городъ сжечь... Но молодые герои, предвидя это, на разсвѣтѣ отправились въ поле, на дорогу, по которой должны были пройти казаки. Взявъ съ собой заряженныя ружья, они помѣстились въ перелѣскѣ и, когда казаки показались, допустили ихъ къ мѣсту засады, „старшіе юноши стрѣлки дали залпъ и уложили на мѣстѣ двухъ казаковъ. Младшіе школьники стрѣляли изъ своихъ ружей холостыми зарядами. Перепуганные казаки обратились въ бѣгство и больше уже не возвращались. Въ этомъ происшествіи участвовало 40 школьниковъ и пятьдесятъ казаковъ“ [1]).

Въ національныхъ торжествахъ и манифестаціяхъ по поводу „пораженія“ русскихъ сказалась національная особенность польской расы—легкая возбудимость энергіи и способность къ иллюзорному перевоплощенію въ то положеніе, какое для нихъ было желательно. До какой степени дошла эта иллюзорность, можно судить хотя бы по тому, что, какъ говорили, поляки побуждали генерала Бассано, по полученіи извѣстія о сраженіи при Бородино, ѣхать въ Москву, чтобы властно продиктовать пункты особаго соглашенія Литвы съ Россіей... Полякамъ казалось, что война кончена.

А между тѣмъ болѣе дальновидные политики могли бы увидѣть въ московскихъ событіяхъ непріятный симптомъ: русскіе ушли: но и французы не побѣдили. Немногіе...—и въ числѣ ихъ тотъ же герцогъ Бассано были—озадачены извѣ-

---

[1]) „Курьеръ Литовскій“ 1812 г. № 68.

стіемъ объ оставленіи Москвы русскими. Конечно, онъ присутствовалъ на совершенномъ по этому поводу торжественномъ благодарственномъ молебствіи и даже далъ у себя вечеромъ балъ, но не могъ скрыть нѣкотораго безпокойства какъ по поводу военной политики русскихъ, такъ и все возраставшей потребности изысканія новыхъ источниковъ на военныя нужды.

Налоги. Средствъ на войну не хватало. По требованію французскаго правительства, на нужды военной арміи временное литовское правительство должно было внести въ сентябрѣ мѣсяцѣ 130.000 злотыхъ [1]).

Пришлось сдѣлать налогъ на духовенство, — которое, вообще, въ силу принятыхъ традицій, освобождалось отъ такого рода обязательствъ. Чтобы придать своему распоряженію больше вѣса и законности, литовское правительство ссылалось, между прочимъ, на указъ польскаго конституціоннаго сейма 1789 г. [2]). Согласно приказу, духовенство должно было выплатить въ теченіе шести мѣсяцевъ по пяти процентовъ съ четырехлѣтняго дохода и, кромѣ того, такъ называемыхъ гербовыхъ пошлинъ отъ 30 до 3 тысячъ рублей. Архіереи обязаны были заплатить гербовыхъ пошлинъ по 3000 рублей сер. Епархіальные епископы по 1800 рублей. Суфраганы и архимандриты по 300 руб. Виленскіе прелаты по 240 руб., жмудскіе по 75 руб. Налогъ былъ тяжелъ для духовенства. Слѣдуетъ предположить, что многія духовныя лица, особенно литовцы, были довольны, что французовъ изгнали, наконецъ, изъ Россіи, и подданство Россіи освободило ихъ отъ такой обременительной денежной повинности, которая къ тому же „выправлялась", подъ вліяніемъ указовъ Наполеона, довольно настойчиво [3]).

Реквизиція. Изъ другихъ дѣйствій литовскаго правительства въ мѣсяцѣ сентябрѣ отмѣтимъ его главныя распоряженія, каса-

---

[1]) Постановл. виленск. городск. муниципалитета 14 сент. 1812 г.; дѣло вил. гор. арх. за 1812 г. № 1393.

[2]) Военскій: „Акты...", стр. 187—192.

[3]) Храмовъ въ Вильнѣ въ 1812 г. было 25, монастырей 23. Въ числѣ послѣднихъ одинъ православный (Св. Духовскій), одинъ уніатскій (теперь — Троицкій), уніатская семинарія (теперь духовное училище) на Андреевской улицѣ), кирхи—лютеранская и реформатская. Остальные монастыри—католическіе.

вшіяся организаціи литовской почты (было открыто много пунктовъ почтовыхъ сообщеній и учрежденій) [1]), исправности провіантскихъ поставокъ, упорядоченія аптечнаго дѣла, доставки лошадей для передвиженія войскъ и пр.

Подрядчики, преимущественно евреи, обязавшіеся доставить провіантъ и фуражъ, пользовались всякими уловками, чтобы, въ своихъ интересахъ, оттянуть доставку. Правительство винило въ этомъ губернскія власти. Между правительствомъ и администраціей виленскаго департамента возникли пренія, судя по такому документу (отъ 18 сент. 1812 г.): „Для прекращенія всевозможныхъ отговорокъ, къ коимъ прибѣгаетъ администрація виленскаго департамента для оправданія недоставки провіанта и фуража въ арміи, комиссія разъ навсегда предписываетъ упомянутой администраціи, подъ страхомъ самой суровой отвѣтственности, принять всѣ необходимыя мѣры, прибѣгнувъ къ реквизиціи или при помощи контрактовъ, дабы всѣ поставки были выполнены безъ малѣйшаго замедленія“. [2]).

Наполеонъ нуждался въ лошадяхъ и, указомъ 2 октября, (н. ст.), приказалъ доставить изъ Литвы необходимое количество лошадей. На Вильну приходилось доставить 76 лошадей. Правительство предписало немедленно приступить къ раскладкѣ на департаменты и уѣзды 1000 лошадей, „кои должны быть поставлены въ силу реквизиціи и каковыя еще до сего времени не доставлены, при угрозѣ военной экзекуціи, если таковыя не будутъ представлены къ концу октября“ [3]).

Аптекаря не хотѣли отпускать въ долгъ лѣкарствъ. Приказано было „немедленно созвать виленскихъ аптекарей и обязать ихъ поставлять для военныхъ госпиталей лѣкарства, условившись съ главнымъ ординаторомъ относительно цѣнъ на лѣкарства и срока уплаты за таковыя“. Съ своей стороны комиссія временнаго правительства ручалась за уплату, „а въ случаѣ, если таковая не будетъ произведена, принимаетъ уплату на счетъ общественной казны“ [4]).

---

[1]) Военскій. „Акты...“, стр. 194—195.

[2]) О принятіи администраціей виленск. д-та мѣръ по снабженію арміи провіантомъ и фуражемъ.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 193.

[3]) К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 193.

[4]) Предписаніе о снабженіи госпиталей медиц. средствами 25 сент. 1812 г.—К. Военскій. „Акты...“, стр. 193—194.

По приказу временнаго литовскаго правительства, велѣно было доставить изъ Варшавы въ Вильну для однихъ французскихъ лазаретовъ 18.000 бутылокъ вина. Подрядъ взяли по доставкѣ Варсотскій и Слѣтиковскій. Доставлено было только 6400 бутылокъ. Обратная „ретирада войскъ“ и вторженіе русскихъ помѣшало выполненію доставки [1]).

Недостатокъ въ докторахъ. Болѣзни въ Вильнѣ между тѣмъ усилились. Недоставало медиковъ. Къ больничному дѣлу были привлечены случайныя лица, не спеціалисты. Учитель виленской гимназіи—Маріанъ Коханскій, назначенный предсѣдателемъ комиссіи по устройству и осмотру военныхъ госпиталей, просилъ уволить его отъ „дальнѣйшаго исполненія обязанности“. Муниципалитетъ однако не согласился съ его прошеніемъ и постановилъ... „дабы означенное лицо продолжало исправлять свою должность, пока не будетъ найденъ кто-либо, обладающій такими же знаніями, какъ г. Коханскій“ [2]).

Не хватало лицъ, знающихъ французскій языкъ, для занятій въ комиссіи, назначенной для удовлетворенія нуждъ госпиталей. Поэтому муниципалитетъ просилъ Снядецкаго найти такихъ лицъ.

Рекруты. 20 сентября (н. ст.) оказалось, что въ Вильнѣ, среди населенія „совсѣмъ нѣтъ молодыхъ людей и набрать рекрутовъ является невозможнымъ“. Объ этомъ виленскій муниципалитетъ прямо заявилъ военной комиссіи, въ виду новыхъ ея требованій. И хотя въ протоколѣ засѣданія муниципалитета говорится, „что вся польская городская молодежь, назначенная къ набору, добровольно поступила въ военную службу“,— однако, принимая въ соображеніе численность населенія города Вильны, съ большой вѣроятностью должно предположить, что молодые люди уклонялись отъ исполненія воинской повинности, особенно, если взять во вниманіе, что отъ Вильны требовалось сравнительно небольшое количество людей—119 человѣкъ новыхъ рекрутовъ [3]).

---

[1]) Дѣло архива виленск. ген.-губ. № 100, 1812 г., стр. 30.

[2]) Военскій. „Акты“, стр. 241.

[3]) Тамъ же, стр. 241.

XVI.

Затруднительное положеніе Наполеона. Какъ понималось это положеніе въ Вильнѣ? Приготовленіе Вильны къ пріему возвращавшихся французовъ.

Наполеонъ въ Москвѣ. Очевидцы отмѣчаютъ большую разницу между виленскимъ и московскимъ настроеніемъ Наполеона. Послѣ Бородинскаго боя „Наполеонъ оставался мрачнымъ и задумчивымъ. Мучимый физическими страданіями, которыхъ онъ уже не могъ скрывать, онъ еле отвѣчалъ на вопросы и, при извѣстіи о смерти своихъ генераловъ, только сокрушенно качалъ головой“ [1]).

Фантазируя отъ бездѣлья во время своего пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ издалъ рядъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ декретовъ: объ уничтоженіи крѣпостного права, о возстановленіи татарскаго царства на Волгѣ, о провозглашеніи себя польскимъ королемъ, объ отдѣленіи западной Россіи, о возстановленіи смоленскаго княжества и пр. Груды фальшивыхъ бумажекъ денежнаго достоинства наполнили Россію.

Попытки Наполеона возбудить чувство націонализма у поляковъ, литовцевъ, малороссовъ, по отношенію къ Россіи, не удались. Одни только евреи пользовались подачками за свои услуги Многіе изъ нихъ, исполняя обязанности подрядчиковъ, маркитантовъ и пр., нажились въ Отечественную войну.

— „Я хочу мира, мнѣ нуженъ миръ, онъ мнѣ необходимъ, спасите только честь!“—писалъ Наполеонъ Александру I изъ Москвы [2]). Но Кутузовъ не пропускаетъ посланнаго къ императору.

---

[1]) Ковалевскій. „Наполеонъ и эпилепсія“, стр. 185.

[2]) П. И. Ковалевскій. Наполеонъ и эпилепсія“. СПБ. 1899 г.

Императоръ Александръ былъ непреклоненъ въ своей волѣ продолжать войну. На донесеніе Кутузова о занятіи Наполеономъ Москвы государь отвѣтилъ слѣдующими словами:

— „Скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи... Если божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себя бороду и лучше соглашусь питаться картофелью съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ я умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ. Но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“...

Лживость Виленской прессы.

Въ спутанности и противорѣчивости разныхъ слуховъ, шедшихъ изъ Москвы, можно было предвидѣть что-то недоброе для Наполеона и его арміи... Но виленскіе политики считали своимъ долгомъ усыплять своихъ виленскихъ читателей сообщеніями, не имѣвшими никакихъ фактическихъ основаній. „Русская армія порицаетъ сожженіе столицы, писалось въ „Курьерѣ Литовскомъ“, а весь народъ относится съ презрѣніемъ къ исполнителямъ этого злодѣянія. Въ Кремлѣ поставлено 30 пушекъ, и со всѣхъ сторонъ устроены батареи. Теперь Кремль сталъ крѣпостью. Въ немъ учреждены пекарни и склады. Французская армія размѣщена отлично: у всѣхъ солдатъ есть шубы. Магазины полны. Крестьяне возвращаются по домамъ. Каждую среду и воскресенье обширные рынки—Мучной и Охотный ряды—въ изобиліи наполняются всякими припасами и товарами. Погода стоитъ отличная, воздухъ чистъ. Теперь здѣшніе крестьяне говорятъ, что „Самъ Богъ за императора Наполеона, потому что погода стоитъ такая хорошая, какой еще никогда не видано. Его императорское величество ежедневно устраиваетъ во дворахъ Кремля пышные парады, а по вечерамъ объѣзжаетъ окрестности Москвы“ [1]).

---

[1]) „Курьеръ Литовскій“ отъ 17 октября 1812 г.

Казалось, трудно было мистифицировать далѣе отступленіе. Однако, даже „отступленіе было представлено въ видѣ движенія на зимнія квартиры“.

Но какъ объявить вдругъ, что побѣдоносная армія не существуетъ, что трупы ея покрываютъ все пространство отъ Нѣмана до Москвы и Малоярославца, и что вся артиллерія, всѣ безчисленныя принадлежности громаднаго вооруженія ея погибли? Правда должна была притти сама собой. Въ Вильну стали постепенно проникать въ неподкрашенномъ видѣ извѣстія о Тарутинскомъ боѣ, о занятіи русскими Полоцка, о мирѣ Россіи съ Турціей, объ обратномъ приближеніи наполеоновской арміи. Впрочемъ, движеніе задунайской арміи, по заключеніи мира Россіи съ Турціей, объяснялось „Курьеромъ Литовскимъ“ въ томъ смыслѣ, что турки гонятъ русскихъ и скоро вступятъ въ предѣлы Россіи. Вотъ характерная выдержка изъ газеты. „Двѣ соединенныя русскія арміи: молдавская генерала Чичагова и армія генерала Витгенштейна, были разбиты французской арміей подъ Борисовымъ, на Березинѣ, 16 (28) ноября. Великой арміи досталось въ этомъ бою 12 пушекъ, 8 знаменъ и штандартовъ, а также отъ 9 до 10 тысячъ плѣнныхъ. Какъ разъ въ это время спѣшно проѣхалъ черезъ нашъ городъ адъютантъ герцога Невшательскаго, баронъ Монтескье. Онъ направляется въ Парижъ. Его императорское величество Наполеонъ находится въ вожделѣнномъ здравіи“ [1]).

Приближеніе французовъ къ Вильнѣ.

Передовые гонцы принесли извѣстіе о приближеніи французовъ. Нужно было снова принимать гостей. Муниципалитетъ города Вильны очутился въ очень затруднительномъ положеніи на счетъ провіанта. Объ этомъ ясно говоритъ хотя бы такое его заявленіе. „Вслѣдствіе увѣдомленія военнаго комиссара о томъ, что войско, въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ, вступитъ въ городъ, имѣю честь донести, что въ магазинѣ нѣтъ водки; муниципалитетъ же не имѣетъ возможности купить таковую, въ виду полнаго истощенія кассы. Вслѣдствіе чего муниципалитетъ гор. Вильны проситъ административный депар-

---

[1]) К. Военскій. „Акты, докум. и матеріалы для истор. 1812 г.“, стр. 346. Послѣдней фразой—„La santé Sa Majesté n'a jamais eté meilleure—заканчивается, какъ извѣстно, знаменитый 29-й бюллетень великой арміи, данный изъ Молодечны, 21 ноября 1812 г.

таментъ прійти заранѣе на помощь, дабы не наступила нужда. Если департаментъ не произведетъ поставокъ, то всякія средства окажутся недостаточными" [1]). Другое заявленіе говоритъ о недостаткѣ въ городѣ соли.

Недоставало лицъ для отправки экстренныхъ пакетовъ, адресованныхъ на имя комендантовъ городовъ, черезъ которые должны были возвращаться войска.

Новыя реквизиціи. Посыпались экстренные приказы о доставкѣ въ теченіе 24 часовъ необходимыхъ продуктовъ. Провіантскіе склады стали наполняться хлѣбомъ. Подпрефектъ получилъ „право забрать, въ силу реквизиціи, всякій домъ (для военнаго постоя), который окажется годнымъ, а если бы не нашлось таковаго, то ригу или гумно за условленное вознагражденіе. Такой домъ долженъ имѣть надпись на двухъ языкахъ „императорскій запасный магазинъ". Соотвѣтственную же надпись должны имѣть на головныхъ уборахъ и смотрители магазиновъ" [2]).

Не представляя пока всей важности послѣдствій возвращенія французовъ и характера этого возвращенія, поляки напрягали всѣ усилія, чтобы угодить Наполеону, но литовцы и бѣлоруссы оставались равнодушны къ событіямъ. Замѣчательно, что изъ литовцевъ никто не поступилъ въ ряды войскъ Наполеона. Это обстоятельство не мѣшало однако комиссіи быть увѣренной, что требованія „могущественнаго избавителя освобожденной Польши должны быть исполнены. И если, въ силу несчастныхъ случайностей, Наполеонъ до сихъ поръ не видитъ въ рядахъ своей непобѣдимой арміи литовскихъ воиновъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ наше усердіе и рвеніе въ доставкѣ того, чѣмъ такъ щедро одарило насъ Провидѣніе въ этомъ году" [3]).

Послѣдними словами дѣлается намекъ на хорошій урожай въ 1812 году въ сѣверо-западномъ краѣ. Благодаря, съ одной стороны, дѣйствительно хорошему урожаю, а съ другой, энергичнымъ реквизиціямъ,—въ Вильнѣ ко времени возвращенія

---

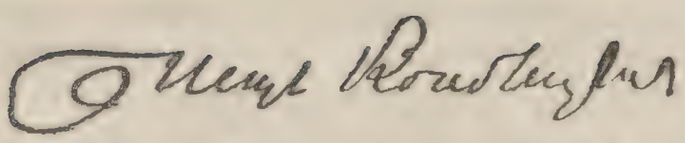
[1]) О недостаткѣ водки въ виленск. продов. магазинѣ.—К. Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.", стр. 246.

[2]) О запасн. продов. магазинѣ.—К. Военскій. „Акты...", стр. 199.

[3]) Военскій. „Акты...", стр. 200.

наполеновской арміи было собрано большое количество продовольственныхъ запасовъ, которыми однако французамъ, какъ увидимъ, не удалось воспользоваться.

Въ архивѣ виленскаго генералъ-губернаторства хранится „вѣдомость о дѣланныхъ французскими войсками реквизиціяхъ въ Виленской губерніи 1812 г.“. Согласно этой вѣдомости, французами по декабрь мѣсяцъ потребовано съ Виленской губ.: ржи—65.745 бочекъ и 1 осьмина, овса—90.262 бочки и 1 осьмина, пшеницы—1882 бочки, 4 осьмины и 12 гарнцевъ, вина—115.025 гарнцевъ, воловъ—27.036 штукъ (Вильна одна дала 453 вола), сѣна—825.790 пудовъ [1]).



Факсимиле генералъ-лейтенанта Петра Коновницына, б. дежурный генералъ при главнокомандующемъ фельдмаршалѣ Кутузовѣ.

---

[1]) Дѣло арх. вил. ген.-губерн. № 103 за 1812 г., стр. 20—21.

XVII.

Бѣгство великой арміи. Положеніе французовъ въ Вильнѣ. Перемѣна отношеній поляковъ къ французамъ.

До и послѣ Березины.

Еще въ началѣ выступленія въ обратный путь, Наполеонъ писалъ Маре, чтобы навстрѣчу главной арміи были отправлены всѣ войска, находившіяся въ Вильнѣ, и въ томъ числѣ дивизія Луазона (отъ корпуса Ожеро). Макдональду велѣно оставаться у Риги, заслоняя прусскія границы, а Шварценбергу и Ренье — согласовать свои дѣйствія съ движеніями главной арміи. Въ Сморгонь приказано выслать сколько можно больше съѣстныхъ припасовъ.

Самымъ критическимъ моментомъ на обратномъ пути Наполеона была березинская переправа.

Потери французской арміи при этой переправѣ были чрезвычайны. Изъ бывшихъ подъ ружьемъ наканунѣ березинской переправы приблизительно 35—40,000 чел., черезъ 3 дня послѣ переправы оставалось не болѣе 9 т. челов., при 24 орудіяхъ.

Дальнѣйшее движеніе французовъ потеряло характеръ военнаго маневра и превратилось въ бѣгство. Вновь начавшіеся морозы, доходившіе до 27-30 градусовъ, довершали разстройство великой арміи. Всѣ части войскъ и всѣ роды оружія смѣшались въ безпорядочную толпу. Каждый заботился только о себѣ. Люди, тащившіеся пѣшкомъ, подвергались опасности погибнуть подъ колесами орудій и повозокъ. Раненые и ослабѣвшіе гибли страшной смертью, не находя облегченія своимъ страданіямъ. Нельзя было узнать ни офицеровъ, ни солдатъ. Это были тысячи нищихъ, окутанныхъ грязными рубищами, которые едва тащились по обледенѣлой дорогѣ, ведущей ихъ къ смерти. Не было ни медицинской помощи, ни лѣкарствъ, ни продовольствія. Биваки представляли изъ себя огромныя и ужасающія кладбища... Среди этого всеобщаго несчастія и упадка духа только одна старая гвардія

Наполеона сохраняла подобіе порядка и строя,—но ряды ея быстро уменьшались съ каждымъ часомъ.

Наполеонъ въ Молодечнѣ. Видя гибель арміи и необходимость создать новую для продолженія неизбѣжной борьбы, Наполеонъ рѣшилъ оставить свое войско. Остановившись (21 ноября—3 дек.) въ Молодечнѣ, на пути къ Вильнѣ, онъ составилъ здѣсь знаменитый 29-й бюллетень, гдѣ впервые откровенно признался въ своемъ пораженіи, обвиняя, впрочемъ, морозы въ погибели своей арміи. „Въ нѣсколько дней,—говорилъ онъ,—пало отъ морозовъ 30.000 лошадей; кавалерія очутилась пѣшкомъ: артиллеріи обозы не на чемъ было везти; надобно было истреблять, бросать пушки, снаряды, запасы". Наполеонъ описалъ бѣдственное отступленіе и нѣкоторыя сраженія, гдѣ будто бы не русскіе, а морозы разстроили армію. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ бюллетень могущественной наполеоновской арміи, оставшійся одною изъ самыхъ знаменитыхъ лжей въ исторіи, ибо никогда событіе болѣе страшное не было прикрыто столь дерзкимъ искаженіемъ истины" [1]). По словамъ де-Марбо, бюллетень Наполеона „глубоко поразилъ всю Францію" [2]).

Сморгонь и оставленіе Наполеономъ арміи Достигнувъ Сморгони, Наполеонъ нашелъ тамъ высланные изъ Вильны припасы. Получивъ извѣстіе о приближеніи дивизіи Луазона, онъ призвалъ своихъ маршаловъ, Мюрата, вице-короля и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи возвратиться во Францію. Всѣ одобрили его намѣреніе. Главнокомандующимъ арміей былъ назначенъ Мюратъ, меньше всѣхъ способный къ такой обязанности въ данный моментъ. При немъ оставлялись всѣ, кромѣ Каленкура и Дюрока, которыхъ Наполеонъ бралъ съ собою. Въ спутники себѣ онъ избралъ еще генерала Мутона, мамелюка Рустана и одного польскаго офицера въ въ качествѣ переводчика. Конвой должны были составить двадцать неаполитанскихъ кавалеристовъ. Вечеромъ 23 ноября (5 дек.), въ 8 часовъ, полководецъ, приведшій съ собою въ Россію полмилліона солдатъ, отправился изъ нея съ скромнымъ поѣздомъ. Въ карету подлѣ него сѣлъ Каленкуръ; въ

---

[1]) Н. А. Полевой. Наполеонъ въ Россіи въ 1812 г., стр. 179—180.
[2]) И. П. Корниловъ. „Адамъ Чарторыйскій", стр. 90.

саняхъ помѣстились Дюрокъ и Мутонъ; польскій офицеръ и мамелюкъ сѣли на козлы. При 28 градусахъ мороза ночью пріѣхалъ Наполеонъ въ Ошмяны, гдѣ стояла дивизія Луазона, прибывшая изъ Вильны.

Партизанъ Сеславинъ.

Партизанъ Сеславинъ, пробиравшійся въ Ошмяны, рыскалъ вокругъ. Огни биваковъ его были видны съ большой дороги: будь онъ подлѣ нея во время проѣзда Наполеона—плѣнъ завоевателя Европы былъ бы неизбѣженъ. Сеславинъ атаковалъ армію Луазона, которая въ этихъ военныхъ операціяхъ мало принесла пользы, потому что вѣсть о катастрофѣ, постигшей великую армію, повліяла на нее самымъ угнетающимъ образомъ. Солдаты пали духомъ, дисциплина пошатнулась, началось массовое дезертированіе.

По словамъ участника похода Я. С. Храповицкаго, „дивизія генерала Луазона, находившаяся въ Вильнѣ, вышедшая въ Ошмяны,“ въ четыре дня потеряла три четверти дивизіи, а остальные были почти всѣ взяты въ плѣнъ при занятіи нами Вильны. Вся дорога была усѣяна мертвыми или умирающими и означала путь арміи. Каждый пригорокъ былъ загроможденъ обозами, пушками, полковыми и артиллерійскими ящиками, каждый ихъ бивакъ походилъ на поле кровопролитной битвы, или, вѣрнѣе уподобивъ, это была долина Іосафатова, долина плача и скорби“ [1]).

Встрѣча съ министр. Марэ.

Наполеонъ не пожелалъ поинтересоваться состояніемъ арміи Луазона и отправился дальше. За 28 верстъ отъ Вильны его встрѣтилъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Марэ. Они вмѣстѣ ѣхали до самой Вильны. Въ бесѣдѣ съ Марэ Наполеонъ сказалъ:

—„Арміи нѣтъ: нельзя назвать арміей нестройныя толпы блуждающихъ наудачу, для отысканія пищи и пристанища. Изъ нихъ еще можно было бы составить армію, если бы въ одномъ изъ ближайшихъ пунктовъ удалось намъ найти продовольствіе, обувь и одежду для голодныхъ людей“.

Марэ, для успокоенія Наполеона, доложилъ ему о состояніи виленскихъ магазиновъ, въ которыхъ было 14.000 чет-

---

[1]) Воспоминанія Я. С. Храповицкаго. „Отеч. война 1812 г. въ запискахъ современ.“. Матер. воен.-уч. арх., изд. Военскимъ. Петербургъ 1911 г., стр. 43.

вертей ржи и 5.000 четвертей муки, 30.000 паръ башмаковъ, множество одежи и 27.000 ружей. Наполеонъ былъ удивленъ и обрадованъ такимъ извѣстіемъ:

—„Вы возвращаете мнѣ жизнь,—сказалъ онъ.—Оставайтесь здѣсь до прибытія Мюрата и прикажите ему держаться въ Вильнѣ по крайней мѣрѣ недѣлю, чтобы сколько нибудь устроить армію и продолжать отступленіе не въ такомъ жалкомъ состояніи“...

Наполеонъ снова въ Вильнѣ.

Наполеонъ не осчастливилъ теперь Вильны своимъ пребываніемъ. Наполеонъ остановился въ одномъ виленскомъ предмѣстьи только для перемѣны лошадей и поскакалъ далѣе. Редакторъ „Курьера Литовскаго“ не счелъ нужнымъ распространяться объ этомъ фактѣ и ограничился замѣткой: „Возвращаясь изъ Москвы, Наполеонъ проѣхалъ виленскими форштадтами, за городомъ принялъ князя Бассано и военнаго губернатора, перемѣнилъ лошадей и поспѣшилъ, черезъ Ковну, во Францію“ [1]).

25 ноября.

Отъѣздъ императора, вызванный печальной необходимостью, произвелъ страшное негодованіе въ оставленныхъ войскахъ и содѣйствовалъ ихъ окончательной деморализаціи. Истощенная голодомъ, холодомъ и усталостью, обезумѣвшая отъ отчаянія толпа бѣглецовъ неудержимо стремилась къ Вильнѣ, оставляя за собою страшный слѣдъ... Въ Вильнѣ она надѣялась найти продовольствіе, отдыхъ и если не прекращеніе, то хоть уменьшеніе бѣдствій. Дѣйствительно, Вильна была снабжена провіантомъ, но трепетала отъ ужаса при вѣсти о приближеніи страшныхъ гостей, потерявшихъ человѣческій обликъ, предававшихся всякаго рода грабежу и насиліямъ на своемъ пути, сжигавшихъ иногда встрѣчныя селенія только для того, чтобы обогрѣться. Еще до прибытія арміи, состоятельнѣйшіе жители и многіе изъ властей—бѣжали изъ Вильны. Мюратъ, опередивъ армію, принялъ мѣры для защиты города и правильной раздачи припасовъ, но голодныя, давно уже отвыкшія отъ повиновенія толпы ворвались въ городъ 25 ноября (7 дек.) и силою завладѣли магазинами.

---

[1]) К. Военскій. „Акты док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 413.

Не всѣмъ, конечно, удалось получить провіантъ, вслѣдствіе безпорядка въ раздачѣ, неизбѣжнаго при общей суматохѣ, и грабежа. Городъ сразу измѣнилъ свою физіономію и наполнился толпами бѣглецовъ, напоминавшихъ какія-то привидѣнія, какой-то страшный и печальный маскарадъ. Солдаты, изнуренные голодомъ и усталостью, силою врывались въ дома и засыпали непробуднымъ сномъ или садились погрѣться къ навознымъ кучамъ, зажигаемымъ передъ домами для очищенія воздуха. Несчастные искали въ этихъ кучахъ какихъ-нибудь остатковъ, чтобы утолить голодъ. Виленскіе жители, знавшіе французовъ въ лучшемъ видѣ, теперь опасались ихъ, прятались по домамъ и запирали свои лавки. Евреи, скрывавшіеся въ домахъ и подвалахъ, выходили теперь на улицу, выталкивали изъ своихъ домовъ французовъ и даже убивали ихъ. Въ особенности досталось гвардейцамъ.

Сеславинъ подъ Вильною. Аріергардъ Виктора, пытавшійся задержать наши войска у Рукойны, былъ 27 ноября отброшенъ партизанскимъ отрядомъ Сеславина къ Вильнѣ, которую необходимо было удерживать нѣкоторое время, чтобы дать возможность выбраться оттуда бѣглецамъ и обозамъ и вывезти хоть часть запасовъ. А между тѣмъ сражаться могли только остатки гвардіи и дивизій Луазона и Вреде, въ общемъ около 4 т. чел. Въ остальныхъ пяти корпусахъ подъ ружьемъ оставалось только 300 чел.,—прочіе уже не помышляли ни о какомъ сопротивленіи. При такихъ обстоятельствахъ изъ войскъ Луазона и Вреде сформированъ былъ новый аріергардъ, къ которому присоединили всѣхъ одиночныхъ людей, способныхъ еще владѣть оружіемъ. Трудная задача командовать этимъ сборнымъ отрядомъ выпала на долю Нея. Неустрашимый маршалъ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, чтобы задержать преслѣдующихъ, но всѣ усилія его были тщетны.

28-го ноября русскіе заняли столицу Литвы. Въ 6 верст. отъ города непріятели принуждены были взбираться на крутую, покрытую гололедицей гору. Здѣсь столпилась значительная часть обоза, такъ какъ лошади скользили, падали и не могли вскарабкаться на высоту. Аріергардъ Нея пробовалъ задержать преслѣдующихъ, но былъ сбитъ, и въ наши руки досталось множество плѣнныхъ и повозокъ. Въ числѣ послѣднихъ было

нѣсколько съ казной Наполеона, заключавшей въ себѣ до 11 милліоновъ франковъ. Деньги эти частью были разграблены французами же, частью же достались донцамъ; спасти удалось около 4 милліоновъ.

Битвы у Острой брамы и у Понаръ.

Интересное, хотя и нѣсколько неточное описаніе этихъ событій находимъ въ запискахъ участника событій И. К. Арнольди: „Морозъ былъ огромный, у лошадей ни крошки корма... На утро передъ зарей всполошились мы; нѣсколько людей лежало съ отмороженными ногами, а лошади всѣ безъ изъятія безъ хвостовъ... съ холоду и голоду отъѣли онѣ ихъ одна у другой. Отъ Мѣдниковъ до Вильны 30 слишкомъ верстъ. Въ этомъ переходѣ мы почти не дрались, потому что французы поднялись съ полночи въ величайшей тишинѣ и убрались по добру, по здорову въ Вильну. Мы шли скоро и забрали по дорогѣ все. У самой Острой брамы завязалось жаркое дѣло, но не для удержанія, кажется, города дрались французы, а лишь дабы выиграть время и вывести изъ него войска и вещи [1]). Защита не помогла... ядра мои очистили Острую браму, а тамъ и улицу, отъ нея идущую. Пѣхота пошла довершать начатое. Съ занятіемъ Вильны, осталось намъ до 30 (?), кажется, тысячъ плѣнныхъ вмѣстѣ съ ранеными, множество пушекъ съ фурами зарядными, нѣсколько генераловъ и офицеровъ и огромные запасы провіанта, водки, винъ, рому, кожъ, сѣделъ, суконъ и всевозможнаго для прихотливой арміи... Я поспѣшно проѣхалъ городъ и подгонялъ французовъ ядрами сзади къ Понарской горѣ, гдѣ навстрѣчу имъ, съ противоположной стороны, ожидалъ ихъ графъ Платовъ съ своими наѣздниками.

---

[1]) Въ сраженіи при Острой брамѣ французы укрывались за стѣной. Стѣны и валы, окружавшіе Вильну до конца XVIII в., въ 1812 году почти не существовали.—Отъ стѣнъ остались лишь караульни: у Острыхъ воротъ (здѣсь сохранилась и старая стѣна), на Трокской улицѣ, Стефановской, на Зарѣчьи, Снипишкахъ, Антоколѣ и Погулянкѣ. Послѣдняя караульня,—типичное зданіе,—сохранилось и до настоящаго времени. Недалеко отъ караульни—памятникъ Яцеку (сооруженъ въ XVI в.) Погулянская караульня, или, по терминологіи XVIII в., кордегардія (съ въѣздными столбами), сооружена, по всей вѣроятности, въ половинѣ XVIII в. Во всякомъ случаѣ, она существовала до присоединенія Литвы къ Россіи,—о чемъ ясно свидѣтельствуетъ хранящійся въ виленскомъ музеѣ старинный акварельный рисунокъ, изображающій городскую заставу на Погулянкѣ съ польскимъ солдатомъ—часовымъ. Чрезъ эту заставу въ м. іюнѣ входили, а въ м. ноябрѣ бѣжали французы къ Понарамъ. И теперь еще отъ стариковъ можно услышать названіе этой мѣстности „наполеоновскою“.

Тутъ ничего уже не ушло: ни люди, ни лошади, ни пушки или кареты, ни коляски, словомъ, не было увезено ни одного колеса. А людей спаслось весьма мало. Подошва горы походила на Коренную ярмарку по столпившимся на ней экипажамъ, людямъ и обозамъ" [1]).

У Ковны.

По выступленіи изъ Вильны, бѣгство французовъ еще болѣе ускорилось, и разстояніе въ 100 слишкомъ верстъ до Ковны было пройдено ими въ 3 перехода, а аріергардомъ—въ 4. Въ Ковнѣ повторились тѣ же картины грабежа и безпорядка, что и въ Вильнѣ, и опять Ней со своимъ слабымъ аріергардомъ, къ которому удалось присоединить нѣсколько сотъ молодыхъ нѣмецкихъ солдатъ, пытался задержать наступающаго. Эта ничтожная горсть людей заняла 1-го декабря тетъ-де-поны на Нѣманѣ и Виліи, но 2-го декабря подошли казаки и послѣ непродолжительнаго боя разсѣяли французскій аріергардъ, съ этого дня переставшій существовать. Въ Ковнѣ казаки захватили до 5 т. плѣнныхъ и 21 орудіе.

Ней спасся съ 200 вооруженныхъ людей, которые скоро разбрелись въ разныя стороны, такъ что при маршалѣ не оставалось никого, кромѣ генерала Жерара. Участникъ войны, генералъ Дюма, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ любопытную подробность: „Вырвавшись изъ окаянной Россіи, я отдыхалъ на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою и красными сверкающими глазами.—„Вы не узнаете меня?"—спросилъ онъ.—„Нѣтъ! Кто вы?"—„Я—аріергардъ „великой арміи", маршалъ Ней...".

Въ общемъ, изъ 380 тыс. главной массы французской арміи, перешедшей 12 іюня русскую границу въ Ковнѣ, обратно возвратилось черезъ нее только 1 т. челов. вооруженныхъ, съ 9 орудіями, и до 20 тыс. безоружныхъ. Первые состояли исключительно изъ гвардейцевъ—400 чел. пѣхоты и 600 кавалеристовъ; во главѣ ихъ были маршалы Наполеона.

„На всей ретирадѣ отъ Березины до Нѣмана, говоритъ Арнольди, взято однимъ авангардомъ до 350 пушекъ и болѣе

---

[1]) „Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ". Матер. военн.-уч. арх.—С.-Петербургъ. 1911 г., изд. Военскимъ, стр. 29.

1500 фуръ зарядами и патронами, исключая множество осажденныхъ. Кромѣ пушекъ и оружія, досталась намъ бездна экипажей; я самъ взялъ двѣ коляски Бертье съ картами и шкатулкой съ машиной для дѣланія нашихъ сторублевыхъ ассигнацій, съ большимъ запасомъ въ ней бумаги для этой работы, что и представилъ авангардному начальнику, поставивъ у себя экипажи и карты, кои и теперь сохраняю" [1]).

Отношеніе поляковъ къ отступавшимъ.

Какъ относились къ отступавшей арміи поляки? Для рѣшенія этого вопроса, быть можетъ, небезынтересны будутъ нѣкоторыя выдержки изъ дневника де-Марбо.

Изобразивъ живыми красками невыразимыя бѣдствія, которыя переносили отступавшія въ полнѣйшемъ безпорядкѣ французскія войска, баронъ замѣчаетъ:

„Нѣсколько тысячъ казаковъ неотступно слѣдили за нами и бросались туда, гдѣ видѣли багажъ и ожидали добычи. Впрочемъ, довольно было нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, чтобъ ихъ отогнать. Эти безпрестанные набѣги не приносили намъ существеннаго вреда, но очень насъ раздражали и тревожали. Многіе наши раненые и больные попадались въ руки къ этимъ хищникамъ, которымъ иногда случалось захватывать богатую добычу. Желаніе поживиться нашимъ добромъ вызвало на сцену другихъ враговъ, которые оказались въ рядахъ нашихъ союзниковъ: это были поляки"...

„Сынъ одного изъ ихъ королей, маршалъ Саксонскій, былъ правъ, говоря, „что поляки суть величайшіе на свѣтѣ грабители и не пощадятъ имущества даже родного отца". Понятно, что поляки, служившіе въ нашихъ рядахъ, смотрѣли на имущество своихъ бѣдствующихъ сослуживцевъ такими же глазами. Въ походахъ и на бивакахъ они таскали все, что попадалось имъ подъ-руку. Но такъ какъ мы стали ихъ остерегаться, и оттого имъ стало труднѣе воровать по мелочамъ, то они придумали грабить въ большихъ размѣрахъ. Они раздѣлились на нѣсколько бандъ. По ночамъ, нахлобучивъ на себя вмѣсто форменныхъ касокъ мужицкія шапки, они пробирались тайкомъ изъ своихъ биваковъ на заранѣе условленное

---

[1]) „Отеч. война 1812 г. въ записк. соврем.". Мат. военн.-уч. арх., издан. К. Военскимъ, стр. 30.

мѣсто и, собравшись, бросались оттуда на наши лагерныя стоянки, крича по казацки: „ура, ура!„ Многіе пугливые люди разбѣгались въ страхѣ, бросая свои пожитки, возы и провизію, а ложные казаки, пользуясь суматохой и награбивъ, что можно, возвращались до разсвѣта въ бараки, гдѣ они опять дѣлались поляками -- съ тѣмъ, чтобы на слѣдующую ночь снова превратиться въ казаковъ".

„Удостовѣрившись въ несомнѣнности такого отвратительнаго разбоя (affreux brigandage), многіе генералы и полковые командиры рѣшили положить ему конецъ. Генералъ Мэзонъ приказалъ устроить бдительный надзоръ вокругъ биваковъ 2-го корпуса. Однажды ночью наши часовые подстерегли около полусотни поляковъ въ ту минуту, какъ они, вздумавъ играть роль ложныхъ казаковъ, приготовлялись закричать „ура" и броситься на грабежъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, эти негодяи имѣли наглость утверждать, что они хотѣли только „пошутить". Но какъ тогда было не время и не мѣсто шутить, то генералъ Мэзонъ приказалъ ихъ всѣхъ немедленно разстрѣлять. Съ тѣхъ поръ мы избавились на нѣкоторое время отъ такихъ воровъ, но потомъ они снова явились".

Если предположить, что въ вышеприведенныхъ словахъ есть только небольшая доля правды, то и тогда „политика" поляковъ къ своему недавнему „избавителю" носитъ совершенно особенный характеръ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что при смѣломъ набѣгѣ генерала П. И. Чаплица [1]) на Слонимъ, во время отступленія французовъ, былъ уничтоженъ только что сформированный польско-литовскій гвардейскій уланскій полкъ, гордость поляковъ, и взятъ въ плѣнъ командовавшій ими знаменитый польскій генералъ Конопка, участникъ испанскихъ походовъ Наполеона. Дѣло было въ 25 верстахъ отъ Слонима. Арнольди, бывшій во главѣ небольшого кавалерійскаго отряда, состоявшаго изъ ста павлоградскихъ гусаръ и полусотни казаковъ, нагналъ отдѣлившійся отъ полка Конопки отрядъ уланъ, захватилъ въ плѣнъ 200 нижнихъ чиновъ и отбилъ полковую

---

[1]) Генералъ—полякъ, оставшійся на русской службѣ. „Скромный, привѣтливый, любимый войсками, Чаплицъ былъ одинъ изъ отличныхъ генераловъ 1812 г.". Богдановичъ. „Исторія Отечеств. войны", т. III, стр. 461.

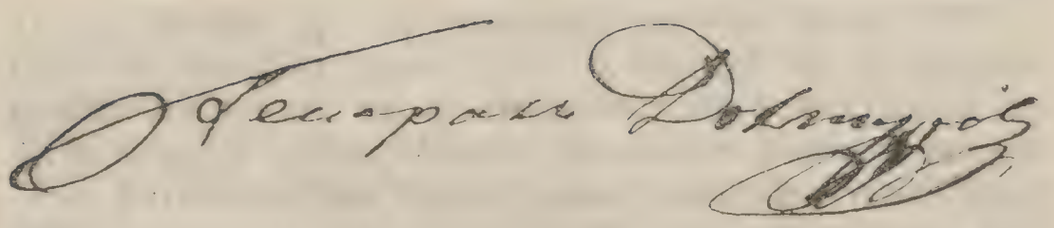
кассу въ 200 тысячъ франковъ золотомъ. Самого „Конопку догналъ казачій урядникъ Дячкинъ и, ранивъ его пикой, взялъ въ плѣнъ“ [1]).

Наполеонъ за границей Россіи.

Наполеонъ переѣхалъ границу Россіи 25 ноября и направился изъ Ковны въ Варшаву. Прибытіе его туда было совершенно неожиданно. Поздно вечеромъ, 28 числа, посланникъ французскій, аббатъ Прадтъ былъ испуганъ появленіемъ у него Каленкура, который немедленно звалъ его къ императору, остановившемуся въ l'hotel d'Angleterre.

Въ Варшавѣ Наполеонъ былъ очень удрученъ постигшей его неудачей. Отношеніе его къ печальному исходу предпріятія вылилось въ фразѣ, которую онъ повторялъ нѣсколько разъ сряду, по прибытіи въ Варшаву.

— „Отъ великаго до смѣшного—одинъ только шагъ“ [2]).

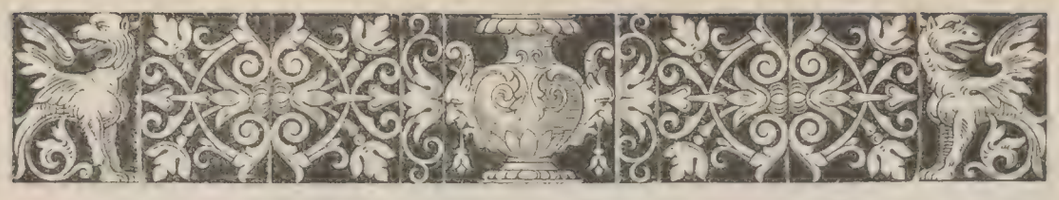


Факсимиле генерала отъ инфантеріи Дохтурова.

---

[1]) „Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ“. Петербургъ 1911 г. К. Военскій, стр. 13 и 18.

[2]) Тэнъ. „Наполеонъ Бонапартъ“, стр. 116.



XVIII.

Русскіе въ Вильнѣ. Пріѣздъ императора Александра. Амнистія. Новыя военныя распоряженія.

Занятіе русскими войсками Вильны.

Вильна была занята русскими войсками 28 ноября (10 декабря). Войска Платова вошли въ Вильну 2 (14 декабря). Русскіе захватили здѣсь въ качествѣ военныхъ трофеевъ 140 орудій, обширные провіантскіе склады и болѣе 14.000 человѣкъ плѣнныхъ.

30 ноября (12 декабря) прибылъ въ Вильну Кутузовъ. Край былъ ему знакомъ. Раньше онъ здѣсь былъ военнымъ литовскимъ губернаторомъ. Населеніе, конечно, привѣтствовало торжествующаго полководца. Опять посыпались оды, рѣчи, а на театральной виленской сценѣ даже засіяло изображеніе Кутузова съ надписью: „Спасителю отечества". Такъ перемѣнчивы, подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, политическія симпатіи.

Кутузовъ въ Вильнѣ.

О своемъ вступленіи въ Вильну Кутузовъ писалъ своей женѣ: „Я вчерась писалъ къ государю рапортъ на полѣ, верстъ за 20 отъ Вильны, и не могъ на морозѣ тебѣ написать ни строчки. Я прошлую ночь не могъ почти спать отъ удивленія въ той же спальнѣ, съ тѣми же мебелями, которыя были, какъ я отсюда выѣхалъ; и комнаты были вытоплены для Бонапарте, но онъ не смѣлъ остановиться, объѣхалъ городъ около стѣны и за городомъ перемѣнилъ лошадей" [1]).

Въ Вильнѣ Кутузовъ встрѣтился съ Чичаговымъ. Описаніе этой встрѣчи находимъ въ воспоминаніяхъ Храповицкаго. „Адмиралъ и фельдмаршалъ въ виленскомъ дворцѣ обмѣнялись

---

[1]) „Кутузовъ въ перепискѣ съ родными", статья Георгіяскаго. Журн. Мин. Народн. Просв., ч. XXXVII, 1912 г., стр. 19.

привѣтствіями, говоритъ Храповицкій. „Свѣтлѣйшій“ посадилъ адмирала возлѣ себя. Когда мы всѣ заняли мѣста (стоя), и когда все утихло, и воцарилась тишина, князь Кутузовъ, наклонивъ немного голову, сказалъ адмиралу:

— „Поздравляю васъ, ваше превосходительство, съ одержанными побѣдами надъ врагомъ и вмѣстѣ съ симъ благодарю васъ за всѣ ваши распоряженія“.

„Мнѣ самому показалось, что при семъ послѣднемъ словѣ онъ подвысилъ голосъ. Адмиралъ, не останавливаясь ни мало, голосомъ твердымъ и громкимъ отвѣчалъ:

— „Честь и слава принадлежитъ вамъ одному, ваше сіятельство, ибо все, что ни исполнялось,—исполнялось буквально во всей силѣ слова повелѣній вашихъ, слѣдовательно, побѣды и всѣ распоряженія есть ваше достояніе“.

„Отпустивъ другъ другу такого рода привѣтствія, оба пріумолкли. Сію минуту подали чай, и разговоръ начался обыкновенный“ [1]).

Русскіе порядки. Конечно, въ городѣ произошли крупныя перемѣны. Еще при приближеніи русскихъ къ Вильнѣ, изъ нея бѣжали чиновники, поставленные французами. Со вступленіемъ русскихъ бѣгство приняло значительные размѣры. Недоставало многихъ видныхъ вліятельныхъ лицъ: герцога Бассано, генераловъ: Гогендорпа, Биньона и др. Начальникомъ края былъ назначенъ князь Римскій-Корсаковъ, генералъ-полиціймейстеромъ Эртель, полиціймейстеромъ Шлыковъ.

„По уходѣ французовъ, неизвѣстно, гдѣ дѣвался редакторъ Даниловичъ, а потому и изданіе „Литовскаго Курьера“ пресѣклось“ [2]).

---

[1]) Воспоминанія Я. С. Храповицкаго. „Отеч. война 1812 г. въ запискахъ соврем.“. Мат. военн.-уч. арх., изд. Военскимъ. Петербургъ, 1911 г., стр. 44 и 45.

[2]) Деньги, бывшія въ редакціи, Даниловичъ „за сей годъ выбралъ,—доносилъ ректоръ виленскаго университета Снядецкій въ концѣ 1812 г.,—и не оставилъ никакихъ на нужныя для печатанія оныхъ издержки фундушевъ“... Кромѣ того, изданію газеты не благопріятствовало „пресѣченіе почтъ“. Ректоръ доносилъ, что въ концѣ 1812 г. въ Вильнѣ „никакихъ газетъ не получается, и нѣтъ изъ чего издавать „Литовскій Курьеръ“.—(Отношеніе ректора виленскаго университета Снядецкаго отъ 22 декабря 1812 г., за № 1309, на имя литовскаго военнаго губернатора“. Военскій. „Акты...“, стр. 413—414.

Состояніе русской арміи.

Изгнаніе непріятеля было куплено русскими дорогой цѣной. Главная русская армія, выступившая изъ Тарутина въ составѣ 97.112 чел., дошла до Вильны въ количествѣ 27.464 чел. Изъ 622 орудій осталось только около 200. По разнымъ госпиталямъ было разсѣяно 48.000 больныхъ. Такая убыль въ людяхъ давала основаніе Кутузову просить императора пріостановить наступательныя движенія арміи. „Признаться долженъ,—писалъ Кутузовъ,—что ежели бы не пріостановлять, продолжать дѣйствія верстъ до полтораста, тогда бы, можетъ быть, разстройка ея (арміи) дошла до такой степени, что должны бы, такъ сказать, снова составлять армію“ [1]). Щадя русскія войска, Кутузовъ не преслѣдовалъ непріятеля съ тѣмъ напряженіемъ, съ какимъ могъ бы, полагая, что Наполеона слѣдуетъ приберечь для англичанъ, а для Россіи онъ больше не опасенъ. Планы Кутузова клонились къ упорядоченію Россіи, а не къ спасенію Европы, какъ желали того политики Англіи и нѣмецкихъ государствъ, привыкшіе въ то время смотрѣть на Россію, какъ на орудіе достиженія своихъ цѣлей.

Какъ чувствовали себя офицеры русской арміи, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ ихъ письма, въ которыхъ они дѣлились своими впечатлѣніями съ родными: „Съ октября по январь мѣсяцъ мы все были въ походахъ, пишетъ Бартеневъ,—проходили обширные и дремучіе лѣса Минской и Могилевской губерній, сами рубили большія сосны, сами прокладывали большую дорогу и терпѣли нужды разнаго рода; моровая язва, здѣсь царствующая (письмо изъ Вильны), похитила всѣхъ почти нашихъ солдатъ, двадцать человѣкъ осталось здоровыхъ, но и тѣ тоже въ свою очередь были больными. Роту нашу въ Вильнѣ разбили по артиллерійскимъ паркамъ“. „Кромѣ двухъ-трехъ солдатскихъ рубашекъ, уже ветхихъ и неспособныхъ къ ношенію .., прочаго бѣлья у меня почти нѣтъ; жалованья уже цѣлый годъ не получено. Да что нашимъ жалованьемъ можно и дѣлать, когда за все наше жалованье, т. е. за 280 руб., давали сперва въ Вильнѣ только 11 червонцевъ, коихъ едва на двѣ недѣли доставало, чтобы купить на то съѣстныхъ припасовъ“. [2]) „Всякій день, съ ме-

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 131—2.

[2]) Письмо Юрія Ник. Бартенева 10 марта 1813 г. „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собранныя Щукинымъ“, ч. I, Москва. 1897 г., стр. 85.

дикаментами, коими мы обкуривали свою квартиру, стоилъ мнѣ по крайней мѣрѣ червонецъ. Въ Вильнѣ я могъ прокармливаться, какъ офицеру прилично“ [1]).

Награбленныя сокровища были брошены. Деньги потеряли свою цѣнность. За рюмку водки давали по десяти пятифранковыхъ монетъ. Цѣлыя кучи серебра промѣнивали за нѣсколько наполеондоровъ. за бутылку отвратительнаго вина и нѣсколько фунтовъ хлѣба... Сохранились извѣстія, что русскіе, преслѣдовавшіе французовъ, по усталости, представляли собой далеко не воинственную и не грозную силу. Преслѣдователи жили болѣе моральнымъ состояніемъ, чѣмъ физическими силами. Радость и чувства національной силы и достоинства перемогали физическія лишенія и невзгоды.

Возвращеніе импер. Александра I въ Вильну.

Императоръ Александръ, начавъ кампанію въ Вильнѣ, пожелалъ и окончить ее въ томъ же городѣ. Императоръ наградилъ Кутузова титуломъ князя за спасеніе отечества, но, зная медлительный его характеръ и предвидя остановку въ исполненіи своихъ широкихъ плановъ, отправился лично въ Вильну. Помолившись 6 (18) декабря вечеромъ, въ 11 часу, въ Казанскомъ соборѣ, онъ 7 (19) дек. выѣхалъ изъ Петербурга. Его сопровождали: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, государственный секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, статсъ-секретарь графъ Нессельроде и дѣйств. ст. сов Марченко. Несмотря на сильную стужу, государь все время ѣхалъ на тройкѣ въ открытыхъ саняхъ. Лошадьми правилъ кучеръ Илья.

По словамъ Вигеля, „царь, смиренно повинуясь высокому призванію, почувствовалъ, что наступило и для него время великихъ подвиговъ. Онъ оставилъ Петербургъ и прибылъ въ Вильну 12 декабря, съ побѣдоноснымъ войскомъ праздновать день своего рожденія, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ той же Вильнѣ объявилъ, что не положитъ оружія“ [2]).

11 (23) декабря, у дворцоваго подъѣзда, въ Вильнѣ, въ парадной формѣ, съ строевымъ рапортомъ въ рукѣ, князь

---

[1]) Тамъ же, стр. 89.

[2]) Записки Вигеля, часть IV, стр. 83.

Кутузовъ ожидалъ пріѣзда императора. Тутъ же—стоялъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 7 часовъ вечера прискакала взмыленная тройка почтовыхъ лошадей. Изъ саней, занесенныхъ снѣгомъ, вышелъ императоръ. Принявъ рапортъ, онъ обнялъ фельдмаршала и поздоровался съ семеновцами, затѣмъ прошелъ во дворецъ рука объ руку съ полководцемъ, повелъ его въ свой кабинетъ и тамъ бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей. При выходѣ Кутузова изъ кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ Георгія I степени.

Есть мнѣніе, что императоръ неохотно удостоивалъ фельдмаршала этой высшей изъ военныхъ наградъ, и что будто бы онъ даже сказалъ Вильсону: „Хотя Кутузовъ не оказалъ никакой заслуги, но наградить его слѣдуетъ въ угожденіе дворянству.“ Вильсонъ,—кстати сказать,—нерасположенный, вообще, къ Кутузову,—передаетъ при этомъ слѣдующія слова, сказанныя будто бы императоромъ частнымъ образомъ:

„Мнѣ извѣстно, что фельдмаршалъ ничего не исполнилъ изъ того, что слѣдовало сдѣлать, не предпринялъ противъ непріятеля ничего такого, къ чему бы онъ не былъ буквально вынужденъ обстоятельствами. Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли; онъ сыгралъ съ нами тысячу и тысячу штукъ въ турецкомъ вкусѣ. Однако дворянство поддерживаетъ его, и вообще настаиваютъ на томъ, чтобы олицетворить въ немъ народную славу этой кампаніи... Мнѣ предстоитъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія первой степени, но, признаюсь вамъ, я нарушаю этимъ статуты этого славнаго учрежденія.. Я только уступаю самой крайней необходимости. Отнынѣ я не разстанусь съ моей арміей и не подвергну ея болѣе опасностямъ подобнаго предводительства. За всѣмъ тѣмъ, это—старецъ. Я прошу васъ не отказывать ему въ подобающемъ вниманіи и не отталкивать открыто оказанную съ его стороны предупредительность. Я желаю, чтобы съ этого дня прекратилось всякое между вами неудовольствіе. Мы начинаемъ новую эру; надо освятить ее живою благодарностью къ Провидѣнію и чувствами великодушнаго прощенія въ отношеніи всѣхъ“ [1]). Мнѣніе Вильсона подтверждается словами

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. III., стр. 134.

князя А. Б. Голицына: „Первая встрѣча ихъ, когда они увидѣлись въ Вильнѣ, была, что государь съ негодованіемъ потребовалъ отъ старика отчета въ такъ называемомъ имъ бездѣйствіи арміи. Оправданіе Кутузова коротко, ясно и удовлетворительно“ [1]).

12 декабря въ Вильнѣ. Тѣмъ не менѣе, 12 (24) декабря, въ день празднованія своего рожденія, государь сказалъ генераламъ, собравшимся во дворецъ, обнимая Кутузова:

— „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу!“

Этими словами императоръ выдалъ свой планъ явиться защитникомъ „угнетенныхъ“ западныхъ народовъ.

Польское общество и особенно польскія дамы снова были въ восторгѣ отъ императора, въ честь прибытія котораго устраивались торжества, иллюминаціи, вывѣшивались транспаранты и т. п. Транспаранты, какъ говорятъ, были тѣ же, что и при Наполеонѣ, но только съ отнятымъ концомъ латинской буквы N.

Очень характерно слѣдующее свидѣтельство очевидца второго пребыванія императора въ Вильнѣ, въ 1812 г. „Когда, послѣ страшнаго пораженія сильнаго врага, въ концѣ 1812 года, государь изволилъ прибыть въ Вильну, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ 12 декабря (день рожденія государя) давалъ балъ, или, лучше сказать, по немноголюдности своей и тѣснотѣ помѣщенія, скорѣе скромный вечеръ. Я, въ немъ участвовавшій въ числѣ танцующихъ офицеровъ Преображенскаго полка, находившихся тогда при главной квартирѣ, припомнилъ себѣ, съ какимъ неизъяснимо кроткимъ, но озареннымъ великою славою лицомъ Государь вошелъ въ залу, и съ какимъ однако невольнымъ трепетомъ стояли польскія дамы и привѣтствовали его, но сердце его, чуждое мести, вскорѣ успокоило ихъ, когда онъ сталъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошедшаго какъ будто не бывало, и всѣ веселились, тогда какъ улицы города, огромные костелы его и больницы, наполненные плѣнными, не были еще вполнѣ очищены отъ множества мертвыхъ тѣлъ павшаго непріятеля и столько же ждавшихъ той

---

[1]) Записка о войнѣ 1812 г. кн. А. Б. Голицына. „Отеч. война 1812 г. въ запискахъ современ.“ Мат. военн.-уч. арх., изд. Военскимъ. Петербургъ. 1911 г., стр. 76.

же участи отъ изнеможенія силъ послѣ страшнаго голода и сильныхъ морозовъ. Тутъ же на балѣ видѣлъ я свѣтлѣйшаго Кутузова, въ первый разъ съ Георгіемъ 1-й степени черезъ плечо, полученнымъ имъ только наканунѣ того дня" [1]).

Очевидецъ утверждаетъ, что „государь съ какимъ то особеннымъ вниманіемъ обходился съ свѣтлѣйшимъ, а въ самомъ разгарѣ танцевъ вошелъ съ нимъ въ боковую комнату, дверь которой немедленно за ними затворилась и изъ которой возвратились они въ бальную залу только по прошествіи довольно долгаго времени, и это повторялось раза два" [2]).

Когда пили здоровье императора, Кутузовъ доложилъ, что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ.

Вечеромъ императоръ былъ на раутѣ у главнокомандующаго (баломъ это нельзя назвать). При входѣ императора были повергнуты къ его стопамъ отбитыя донцами Платова знамена.

Виленскіе жители предполагали дать балъ, но императоръ отклонилъ предложеніе. Потому что „при настоящихъ обстоятельствахъ ни танцы, ни звуки музыки не могли быть пріятны". На вечерѣ же у Кутузова государь былъ потому, что желалъ сдѣлать удовольствіе старику.

Манифестъ 12 декабря. Высокоторжественный день 12 (24) дек. былъ ознаменованъ особымъ манифестомъ, которымъ поляки западныхъ губерній, принявшіе сторону непріятеля, получили неожиданную амнистію.—„Объявляемъ,—говорилось въ манифестѣ,—наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе, или изысканіе, въ полной увѣренности, что сіи, отпавшіе отъ насъ..., почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступковъ и черезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но, безъ нарушенія справедливости, не можемъ мы послѣдовать движе-

---

[1]) Парменъ Деменковъ. „Мои воспоминанія". „Русскій Арх." 1911 г., м. сентябрь, стр. 121—2.

[2]) Тамъ же, стр. 122.

ніямъ нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ, и они въ свое время вступятъ въ право сего нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ и да приноситъ съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе"... [1]).

Льготы полякамъ. По окончаніи войны, императоръ Александръ, какъ извѣстно, возвратилъ полякамъ политическое существованіе, хотя и не въ видѣ польской республики. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсти расположеніе поляковъ, широко разсыпалъ царскія щедрости на всѣ сословія польскаго народа. Снято было запрещеніе съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые служили подъ знаменами Наполеона. Государь, по словамъ Шильдера, „удостоивалъ поляковъ посѣщеніемъ, присутствовалъ на многихъ балахъ, гдѣ старался очаровать всѣхъ, носилъ всегда польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла, пожаловалъ многихъ дѣвицъ въ фрейлины, назначилъ къ себѣ нѣсколько польскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, раздалъ даже русскіе ордена и дѣлалъ денежныя вспоможенія. Учрежденъ былъ придворный штатъ для варшавскаго двора. Въ виду этого были назначены придворные чины, и оставлена въ Варшавѣ нѣкоторая часть экипажей и верховыхъ и упряжныхъ лошадей, принадлежавшихъ императору и слѣдующихъ въ Петербургъ изъ Франціи. Между тѣмъ, по свидѣтельству русскаго очевидца, поляки смотрѣли, вообще, на насъ пасмурно. Они казались недовольными и даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву. Это не заслуживало другого отвѣта, кромѣ извѣстнаго стиха Дмитріева: „Всякъ въ своихъ желаніяхъ воленъ" [2]).

Льготы курляндцамъ. 31 декабря (12 января) особымъ указомъ была объявлена амнистія курляндскимъ жителямъ. Указъ данъ на имя рижскаго военнаго губернатора, маркиза Паулуччи. По этому поводу Шильдеръ дѣлаетъ такое примѣ-

---

[1]) Дѣло архива виленск. генералъ-губерн. „О всемилостивѣйшемъ прощеніи жителей Виленской губерніи" № 52, за 1813 г.

[2]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I", т. III, стр. 352.

чаніе: „Нельзя не замѣтить того страннаго обстоятельства, что императоръ Александръ въ эту минуту общаго всепрощенія не распространилъ его на небольшое число русскихъ, провинившихся передъ отечествомъ во время нашествія Наполеона. О нихъ какъ бы позабыли, и надъ ними тяготѣли слѣдствіе и судъ“ [1]).

Такая политика государя совершенно разстроила планы Кутузова, который предполагалъ генераловъ и офицеровъ, отличившихся во время Отечественной войны, наградить помѣстьями литовскихъ и бѣлорусскихъ мятежниковъ.

Виленской губерніей продолжалъ управлять графъ Адамъ Хрептовичъ, лично знакомый Кутузову, оставившій записки о 1812 годѣ. „Князь Кутузовъ объявилъ мнѣ, что высочайшая есть воля Государя Императора, дабы я продолжалъ управленіемъ виленскою администраціею“, пишетъ о себѣ Хрептовичъ [2]).

Новыя военныя распоряженія.

Императоръ Александръ сдержалъ слово, данное въ началѣ войны—не положить оружія, пока въ странѣ не останется непріятель..., но не совсѣмъ.—Когда не было уже французовъ въ Россіи, онъ и тогда не положилъ оружія и продолжалъ свои военныя дѣйствія съ цѣлью освободить Европу отъ французскаго вліянія. „Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, писалъ императоръ Кутузову,— и потому ничто не позволяетъ останавливаться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріятеля, на самое короткое время въ Вильнѣ. Я уважаю причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенныя, нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственную небольшую часть войскъ, которая бы собрала отставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, а прочимъ всѣмъ войскамъ слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ“ [3]).

Кутузовъ не соглашался съ мнѣніемъ государя и совѣтовалъ кончить кампанію. Мнѣніе Кутузова раздѣляли многіе русскіе генералы и между прочимъ адмиралъ Шишковъ, спро-

---

[1]) Шильдеръ, т. III, прим. 210, стр. 380.

[2]) Военскій. „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 407.

[3]) Письмо императора Александра къ Кутузову 2 (14) декабря. Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 1863.

сившій однажды фельдмаршала, „отчего онъ не настаиваетъ на томъ передъ государемъ“.

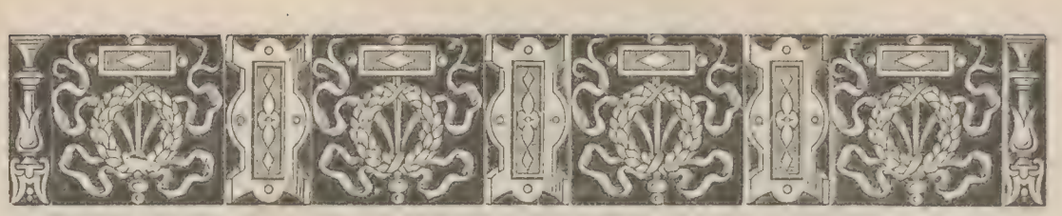
— „Онъ по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважилъ бы ваши совѣты“, — говорилъ адмиралъ.

— „Я представлялъ ему объ этомъ, — отвѣчалъ Кутузовъ. — Но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которое тоже отвергнуть не можно, и, другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обнимаетъ меня и поцѣлуетъ: тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ“.

На продолженіе военныхъ дѣйствій понадобились новыя средства. „Вслѣдствіе сего, генералъ-провіантмейстеръ, что нынѣ министръ финансовъ, графъ Канкринъ, отнесся ко мнѣ, пишетъ графъ Хрептовичъ, съ требованіемъ о доставленіи для арміи сѣна, котораго уже нигдѣ нельзя было сыскать, потому что французскими реквизиціями до той степени было выбрано сѣно, что въ уѣздахъ: Виленскомъ, Ковенскомъ, Трокскомъ и Ошмянскомъ, вовсе онаго не имѣлось; послѣдняя реквизиція доставлена было съ Вилкомирскаго уѣзда, и наконецъ французское правительство велѣло законтрактовывать фуражъ съ фурнисерами, кои таскались за арміею, требуя непомѣрныхъ цѣнъ за сѣно, котораго ни дома, ни даже въ окрестностяхъ, мы не находили; фурнисеры же, пришедшіе изъ Страсбурга, Банеа и Мангейма, доставляли оное исправно, ибо каждые 8 дней предъявляли отъ ордонаторовъ квитанціи, для отпуска имъ денегъ“ [1]).

---

[1]) Записка графа Адама Хрептовича, бывш. въ 1812 г. членомъ admin. виленскаго д-та, о происш. въ Виленск. губ.—К. Военскій. „Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г.“, стр. 407—408.



XIX.

Борьба съ болѣзнями. Очищеніе Вильны отъ труповъ. Заботы о военноплѣнныхъ.

Болѣзни. Нерадостное зрѣлище представляла Вильна во время декабрьскаго пребыванія въ ней императора Александра.

Еще до прибытія русскихъ войскъ здѣсь свирѣпствовали разныя болѣзни и особенно тифъ [1]). Медицинское общество приняло руководящее и дѣятельное участіе въ борьбѣ съ эпидеміей. Какова была обстановка больныхъ еще до возвращенія великой арміи, можно видѣть изъ описанія госпиталя базиліанскаго монастыря (нынѣ св. Троицкій), оставленнаго Bertrand'омъ, докторомъ французской арміи, взятымъ въ плѣнъ, которому было поручено завѣдываніе нѣсколькими госпиталями. „Многихъ стеколъ въ окнахъ не хватало,—пишетъ докторъ,—крыша и потолки въ разныхъ мѣстахъ были попорчены. Больные валялись въ коридорахъ на вязкѣ полусгнившей соломы, или прямо на голомъ полу, ничѣмъ не прикрытые, въ невыразимой грязи, такъ какъ они испражнялись и мочились подъ себя, и никто не убиралъ нечистотъ. Нѣсколько только что вставшихъ послѣ болѣзни и еще шатающихся солдатъ кое-какъ исполняли обязанности служителей.—Ничтожное количество крайне плохого мяса и хлѣба было раздѣляемо между больными безъ всякаго порядка. Не было самыхъ необходимыхъ лѣкарствъ, наприм., рвотнаго (нужно сказать, что въ началѣ нашего столѣтія лѣченіе тифа обыкновенно начинали назначеніемъ рвотнаго). Многіе больные выползали тайкомъ въ монастырскій огородъ и тамъ съ голоду набрасывались на сырые овощи. Въ шпалерахъ огорода потомъ найдено было не мало труповъ этихъ несчастныхъ. Въ этомъ госпиталѣ единовременно скоплялось до 900 больныхъ" [2]).

---

[1]) См. гл. XIII.

[2]) В. Б. Загорскій. Импер. виленск. медиц. общ. 1805—1895. Вильна. 1896., стр. 42—3.

Съ устремленіемъ въ Вильну полчищъ бѣгущихъ французовъ, полунагихъ, голодныхъ и больныхъ, болѣзни усилились, и картина стала еще трагичнѣе. Городскіе госпитали и казенныя зданія окончательно переполнились больными [1]). Умершихъ некому было хоронить. Трупы, нагроможденные кучами, лежали на улицахъ. Не было ни соломы для постели, ни дровъ для топки, ни воды для питья. Живые лежали вмѣстѣ съ трупами. Тѣла умершихъ особыми командами выбрасывались черезъ двери и окна на улицу. Воздухъ былъ наполненъ трупнымъ запахомъ и испареніями отъ разлагавшихся труповъ. Больные въ полусознательномъ состояніи иногда разводили огонь на полу занимаемыхъ ими помѣщеній и погибали вмѣстѣ съ зданіями. Такимъ именно образомъ сгорѣлъ госпиталь въ Закретѣ и много другихъ зданій. Іосифъ Франкъ разсказываетъ, что больные французы, помѣщенные въ клиникахъ, въ залѣ анатомо-патологическаго музея, съ голоду съѣли большую часть хранившихся тамъ анатомическихъ препаратовъ. А въ гимназическомъ зданіи, какъ разсказывали, больные подползали къ только что умершимъ товарищамъ и объѣдали имъ мясо съ рукъ и ногъ [2]). Самую ужасную картину представлялъ базиліанскій монастырь. 7500 труповъ навалены были другъ на друга по коридорамъ, подобно грудамъ свинца. „Всѣ отверстія разбитыхъ оконъ или стѣнъ были заткнуты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобы предохранить живыхъ отъ доступа холоднаго воздуха. И въ этихъ помѣщеніяхъ, наполненныхъ зловредными испареніями, лежали несчастные больные и раненые, обреченные на гибель“ [3]). На всѣхъ главныхъ улицахъ горѣли костры для уничтоженія міазмовъ и очищенія воздуха. Развитію эпидеміи до чрезвычайныхъ раз-

---

[1]) Изъ рапорта виленской городской думы 31 мая 1812 г., № 1420, гражданскому губернатору Лавинскому (Дѣло вил. городск. архива за 1812 г. № 1520) видно, что въ Вильнѣ въ 1812 г. было шесть воинскихъ лазаретовъ, а именно: полицейскій и артиллерійскій въ домѣ Тышкевича (вѣроятно, въ нынѣшнемъ домѣ Вендорфъ-Буковскихъ, уголъ Завальной и Трокской), Минскаго пѣхотнаго полка—въ домѣ Заблоцкаго, два временныхъ военныхъ госпиталя—въ домѣ Кучевскаго, на Лукишкахъ (теперь домъ № 918—городской), и въ домѣ Зальскаго, два лазарета Кременчугскаго полка—на Снипишкахъ, въ казармахъ св. Рафаила (нынѣ казармы 108 Саратовскаго полка), и въ городскомъ домѣ Слизня. На содержаніе этихъ военныхъ лазаретовъ городъ тратилъ ежегодно 600 рублей. („Виленск. Военный Листокъ“ 1912 г., № 516).

[2]) В. Б. Загорскій. Императ. виленск. медицинск. общ. 1805—1895. Вильна, стр. 43.

[3]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. VIII, стр. 136.

мѣровъ содѣйствовало то обстоятельство, что въ городѣ не было лицъ, которыя взяли бы на себя инициативу и обязанности борьбы съ болѣзнью. Многіе доктора французы и поляки бѣжали при приближеніи русскихъ.

Санитарныя мѣры.

Съ переходомъ госпиталей въ руки русскаго правительства, положеніе какъ больныхъ, такъ и врачей сразу улучшилось. Санитарное положеніе города Вильны составило главную заботу русскаго правительства. По этому предмету было издано много энергическихъ распоряженій. Наибольшее число ихъ пришлось на 7 декабря. Новый виленскій полиціймейстеръ Шлыковъ, вступившій въ должность въ началѣ декабря 1812 г., издалъ по полиціи приказъ объ энергической очисткѣ улицъ города Вильны отъ мертвыхъ тѣлъ и павшихъ лошадей. „Надзиратели по кварталамъ наблюдаютъ, дабы отъ сей минуты на улицѣ ни одного мертваго тѣла, ни лошади не было“. Печатныя публикаціи такого содержанія были розданы по домамъ съ подписками объ обязательномъ исполненіи. Однако приказъ полиціймейстера о немедленномъ очищеніи города едва ли имѣлъ какія либо практическія послѣдствія въ виду того, что до 7 декабря (дата приказа) не были еще „показаны мѣста, куда свалить мертвыя тѣла“.

Военный генералъ-полиціймейстеръ, генералъ-лейтенантъ Эртель объявилъ всѣмъ жителямъ, „чтобы они, въ теченіе трехъ дней, очистили свои дворы и улицы отъ мертвыхъ тѣлъ и палыхъ лошадей, отвозя все то за городъ, на мѣсто, назначенное полиціею; въ четвертый день послана отъ меня будетъ воинская команда для осмотра; и есть ли гдѣ мертвое тѣло, или палая лошадь, на дворѣ ли, или противъ дому чьего, найдены будутъ, то съ того хозяина взыскать велю по пяти рублей серебромъ за каждое тѣло въ пользу городскихъ доходовъ; равнымъ образомъ велѣть всѣ шинки въ городѣ запирать въ 8 часовъ непремѣнно, а отворять не прежде разсвѣта, за неисполненіе сего также положилъ я взыскать девять рублей за всякій разъ съ хозяина шинка, который не запертъ и отпертъ будетъ не въ назначенные часы, для чего и станутъ отъ меня посылаться патрули и обходы. Хозяева домовъ и шинковъ, кои тотчасъ не внесутъ сихъ штрафныхъ денегъ въ городскіе доходы, получатъ къ себѣ до времени

уплаты оныхъ воинскую команду въ домъ, и обяжутся держать ее на собственномъ коштѣ“ [1]).

Виленское медицинское общество получило предложеніе (7 декабря) назначить отъ себя трехъ членовъ въ полицейскій комитетъ, для изысканія средствъ для уборки съ улицъ и погребенія труповъ. Въ экстренномъ засѣданіи общества 7 декабря 1812 г. были командированы професс. Бекю, д-ръ Баранкевичъ и д-ръ Войничъ [2]). Президентъ Рейзеръ, распоряженіемъ 9 декабря, повторяетъ приказъ о немедленной очисткѣ госпиталей и улицъ отъ труповъ. Генералъ-полиціймейстеръ Эртель распорядился „о нарядѣ съ каждаго двора по одному работнику съ лошадью, съ топоромъ и съ лопатой непремѣнно на 10 декабря, поутру, въ 6 часовъ“ [3]). Распоряженіе объ очищеніи госпиталей отъ труповъ было послано въ монастырь св. Игнатія, доминикановъ, піаровъ, кадетскій корпусъ, въ клиники, костелъ Всѣхъ Святыхъ, базиліановъ, домъ Лобовскихъ, костелъ св. Петра, городовой домъ, костелъ св. Казимира, Якова, въ Босаки и въ русскій монастырь.

Подрядъ по очисткѣ города отъ труповъ взялъ (7 дек.) еврей Хлавна Левновичъ, который однако не могъ выполнить подряда, вслѣдствіе того, что въ городѣ не хватало лошадей и повозокъ даже для перевозки больныхъ и раненыхъ. Поэтому частные приказы о доставленіи виленскими обывателями лошадей и фурманокъ съ рыдлювками (лопатами) и топорами (распоряженіе 8 декабря) не могли быть исполнены. Донесенія президента города Ѳомы Рейзера виленскому полиціймейстеру Шлыкову о томъ, что Левновичъ „за многими даваемыми ему о скорѣйшей очисткѣ подтвержденіями не исполняетъ въ точности заключеннаго договора“ [4]), оставались безъ результата... На еврейскій кагалъ было возложено, между прочимъ, обязательство доставить двѣнадцать паръ лошадей съ упряжью и извозчиками. „Ежели жъ ими всѣ лошади не будутъ доставлены, въ такомъ случаѣ городская дума обязывалась представить реестръ обывателей, у которыхъ можно было требовать лошадей“ [5]).

---

[1]) Распоряженіе 7 декабря 1812 г. Акты виленск. арх. ком., т. 37, стр. 110.

[2]) Акты виленск. археогр. ком., т. 37, стр. 111.

[3]) Акты виленск. арх. ком., 114.

[4]) Донесеніе 8 декабря. Акты виленск. арх. ком., т., 37, 112.

[5]) Акты виленск. арх. ком. т. 37., стр 112.

Были подсчитаны лошади. Онѣ оказались только у 27 виленскихъ обывателей: у Воловичовны при Острыхъ воротахъ, у ксендзовъ базиліановъ, у старостины Брзостовской, у хорунжей Тизенгаузъ, у пекарей Меера и Опица, у прелата Пусловскаго, аптекаря Гута, каноника Длускаго, профессоровъ Снядецкаго, Бріоты, Бекія, у пекаря Федора, Яновичевой, президента Гедройца, старостины Плятеровой, каноника Земковича, каноника Сулистровскаго, пекаря Фельса, Карла Букши, Людвика Умбигаума, у Зайковскаго, Слуцкаго, Андржеевской, Марцинковскаго, Свенцицкаго и Адама Эльсымонта [1]). Для очистки виленскаго дворца было командировано 11 декабря 200 человѣкъ съ рыдлевками, съ баграми и топорами [2]).

Капитанъ Станкевичъ доносилъ Шлыкову 15 декабря, что „въ монастырѣ св. Казимира найдено „мертвыхъ тѣлъ“ около пяти тысячъ, кои по части начинаютъ гнить, и находится за симъ вонь большая; на очистку нужно непремѣнно сто фурманокъ и толикое жъ число людей, и симъ числомъ не скорѣй можно очистить, какъ въ продолженіе шести или найдалѣе семи дней“ [3]).

Посѣщеніе Александромъ I госпиталей.

Въ эту тяжелую для Вильны пору императоръ Александръ проявилъ большое самоотверженіе. Не обращая вниманія на предостереженія и указанія грозящей страшной опасности заразиться, онъ „лично посѣтилъ всѣ эти притоны горя и скорби и, лично удостовѣрившись въ ужасномъ положеніи несчастныхъ больныхъ, близко принялъ къ сердцу ихъ судьбу и поручилъ графу Saint—Priest немедленно заняться устройствомъ госпиталей, на что были отпущены отъ казны нужныя средства; частная благотворительность тоже пришла въ помощь, и жители Вильны стали доставлять въ изобиліи въ клиническій госпиталь пищу, бѣлье и одежду“ [4]).

—„ Я изстрадался,—говорилъ императоръ въ Вильнѣ фрейлинѣ графинѣ Тизенгаузъ. Я не обладаю счастливой фи-

---

[1]) Акты виленск. арх. ком., т. 37, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 115—116.

[3]) Тамъ же, стр. 117.

[4]) В. Б. Загорскій. Императ. виленск. медиц. общ. 1805—1895. Вильна, стр. 44—45.

лософіей Наполеона, и эта несчастная кампанія стоитъ мнѣ десяти лѣтъ жизни“ [1]).

Уничтоженіе труповъ. Когда трупы были вывезены за городъ, самъ собою возникъ вопросъ объ ихъ уничтоженіи Членъ санитарной комиссіи Бекю предложилъ сожигать трупы, и, дѣйствительно, въ январѣ 1813 г., за предмѣстьемъ Снипишки, на одномъ кострѣ было сожжено около 1000 труповъ, подобранныхъ на улицахъ, дворахъ, огородахъ и привезенныхъ изъ госпиталей. Но отъ костра весь городъ покрылся такимъ удушливымъ смраднымъ дымомъ, что пришлось отказаться отъ этой мѣры. Трупы стали предавать землѣ. Говорятъ, что только на Антоколѣ похоронено было 5000 французовъ [2]).

Въ окрестностяхъ Вильны и въ самомъ городѣ зимой было похоронено до 80.000 труповъ. По другимъ документамъ, „отъ заведенія въ Вильнѣ французскихъ госпиталей до возврата россійской арміи, зарыто въ землѣ умершихъ больныхъ 80.000“ [3]). По даннымъ архива виленскаго генералъ-губернаторства, съ 1 по 8 января 1813 г. „вывезено мертвыхъ тѣлъ изъ разныхъ госпиталей за городъ—7555“; „закопано въ ямы съ насыпкой болѣе 4 арш. земли сверхъ тѣлъ—5263“; „лошадей пало—693“. „Для остальныхъ тѣлъ ямы приготовляются“ [4]) „Городскихъ жителей за то же время умерло 96; больныхъ жителей было около 1900... нынѣ состоитъ 1819“. „Больныхъ русскихъ войскъ за тотъ же періодъ—4197“ [5]). Къ 13 марта 1813 г. вокругъ Вильны на двѣ версты уничтожено 53.000 труповъ. Работа по изготовленію могилъ была немалая, если взять во вниманіе, что ямы пришлось рыть въ промерзлой землѣ. На этотъ предметъ было израсходовано до 15.000 рублей.

Борьба съ заразой. Противъ распространенія заразы военнымъ полиціймейстеромъ Эртелемъ было сдѣлано распоряженіе о необходимости принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

---

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, часть 3, стр. 136.
[2]) В. Б. Загорскій. Импер. вил. медиц. общ. 1805—1895 г., стр 44.
[3]) Военскій: „Акты, док. и матер. для истор. 1812 г.“, стр. 413.
[4]) Дѣло архива вил. генер.-губ. № 333 за 1813 г., л. 3.
[5]) Тамъ же, листы 4 и 5.

Констатировалось, что, „по мѣрѣ умноженія въ здѣшнемъ городѣ больныхъ“, въ городѣ находится много людей, страдающихъ „гнилой прилипчивой горячкой“, которая усилиться можетъ отъ того, что „шатающіеся по городу плѣнные для прошенія милостыни ею заражены“. Въ виду этого, предписывалось: 1) „отыскать непремѣнно за городомъ нѣсколько домовъ, могущихъ помѣстить въ себѣ значительное число людей; 2) всѣхъ шатающихся въ городѣ забирать безъ всякаго изъятія и отправлять въ оные дома и ни подъ какимъ предлогомъ не впускать ихъ обратно въ городъ; 3) объявить всѣмъ жителямъ, чтобы они подъ страхомъ военнаго суда не удерживали у себя въ домахъ умершихъ болѣе одного часа послѣ смерти и въ тѣ комнаты, гдѣ находились мертвые, не впускали бы никого изъ людей жить нѣкоторое время и, отворивъ окна, давали комнатамъ провѣтрить. Платье же, которое было на умершихъ, сжигали непремѣнно“ [1]).

Несмотря однако на тяжелое въ санитарномъ отношеніи положеніе города, общественная жизнь начинала постепенно предъявлять свои права. Обыватели, по мѣрѣ очищенія города, забывали ужасы войны. Въ самый разгаръ свозки труповъ, въ Вильнѣ былъ устроенъ (16 декабря) концертъ, судя по сохранившемуся билету, подписанному военнымъ полиціймейстеромъ Эртелемъ. Въ билетѣ значится: „Объявителю сего московской императорской театральной дирекціи первому флейтоверу господину Суку о томъ: позволено ему дать въ городѣ Вильнѣ вокальный и инструментальный концертъ“ [2]).

---

[1]) Распоряженіе 9 декабря. Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 114.

[2]) Тамъ же, стр. 119.

XX.

Ликвидація войны 1812 г. въ Вильнѣ.

Военныя распоряженія по Вильнѣ.

Для упорядоченія страны и ликвидаціи войны, начальникъ Виленской губерніи Л. Н. Римскій-Корсаковъ (дважды управлявшій Вильной: въ періодъ времени съ 5 окт. 1806 г. по 3 іюля 1809 г. и съ 17 апр. 1812 г. по 24 декабря 1830 г.) просилъ у фельдмаршала Кутузова подчиненія ему виленскихъ войскъ и, въ частности, заявлялъ, что ему необходимъ казачій полкъ „для прекращенія мародеровъ, грабительства, смертоубивствъ и фуражированія". Просьба Корсакова была уважена. Его вѣдѣнію и общему надзору подчинены были также и всѣ виленскіе госпитали [1]).

Немедленно были учреждены „временныя исполнительныя комиссіи", [2]) въ которыя поступили многіе чиновники, подошедшіе подъ высочайшій указъ объ амнистіи и возстановившіе свою политическую репутацію прошеніемъ о прощеніи.

Польско-литовская гвардія, по распоряженію русскихъ властей, была распущена, а оружіе ея отобрано [3]).

Русскіе солдаты, за недостаткомъ казармъ, [4]) были распредѣлены на постой по частнымъ домамъ.

---

[1]) Рапортъ Корсакова Кутузову 1813 г. № 284. Дѣло арх. вил. генер.-губ. № 16, за 1813 г., л. 2—8.

[2]) Объ нихъ хранится дѣло въ арх. виленск. ген.-губ.

[3]) Дѣло арх. вилен. ген.-губ. № 102 за 1812 г. „О національной гвардіи и жандармахъ", стр. 29.

[4]) Изъ „Инвентарной книги домовъ и публичныхъ зданій г. Вильны" Дѣло городск. архива № 540) видно, что главными по вмѣстимости казармами въ Вильнѣ въ 1812 г. были Игнатьевскія (теперь—казармы 105 Оренбургск. полка). Онѣ состояли изъ 6 камен. зданій, въ которыхъ было 78 отдѣльныхъ помѣщеній. Затѣмъ слѣдовали Казимировскія казармы (теперь Николаевскія)—тоже 6 зданій съ 70 помѣщеніями. Далѣе—Антокольскія, въ городскомъ домѣ „Горайна" (теперь—казармы 105 пѣхотнаго Уфимскаго полка)—шесть отдѣльныхъ помѣщеній. Наконецъ,—конно—артиллерійскія ко-

Военно-плѣнные. Кутузовъ распорядился „имѣть особенный надзоръ надъ находящимися въ городѣ Вильнѣ военноплѣнными и, колико возможно, стараться пресѣчь по сему предмету существующее замѣшательство“, заключавшееся въ отсутствіи правильной и точной регистраціи плѣнныхъ и распредѣленія по квартирамъ. Съ цѣлью упорядочить это дѣло, генералъ-адъютантъ графъ Сенъ-Пріестъ распорядился (7 декабря 1812 г.) донести ему необходимыя свѣдѣнія о числѣ находящихся въ городѣ Вильнѣ военноплѣнныхъ и о размѣщеніи ихъ по квартирамъ съ показаніемъ, сколько у каждаго хозяина находится. При этомъ приказывалось отвести въ Вильнѣ „двадцать домовъ для помѣщенія въ оныхъ вновь военноплѣнныхъ“ [1]).

„Въ „Бумагахъ, относящихся до Отечественной войны 1812 г., собранныхъ и изданныхъ П. И. Щукинымъ,“ находимъ „списокъ плѣнныхъ французской арміи въ Вильнѣ“. Въ спискѣ указаны главнымъ образомъ генералы и офицеры. Къ сожалѣнію, документъ не имѣетъ точной хронологической даты и потому трудно судить, къ какому именно времени онъ относится. Всѣхъ—по данному списку—1017 человѣкъ. Наибольшее число плѣнныхъ составили нестроевые. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе: 4 конфетчика, 172 лакея, денщики и фурманы—68, одинъ—ювелиръ, 3 артиста и 34 малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся послѣ убитыхъ въ сраженіи штабъ и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ и другихъ званій.

Число военноплѣнныхъ въ Вильнѣ съ точностью трудно опредѣлить, въ виду постояннаго колебанія статистическихъ данныхъ по этому предмету (одни плѣнные уходили, другіе прибывали). Въ вѣдомости архива виленскаго генералъ-губер-

---

нюшки на Лукишкахъ, недалеко отъ нынѣшняго моста въ Звѣринецъ („Виленск. Военн. Лист.“ 1912 г. № 616). Лукишки представляли собой почти незастроенную мѣстность. Гергіевскаго проспекта не существовало. Со стороны Каѳедральной площади онъ былъ отрѣзанъ кварталомъ домовъ, въ которомъ имѣлись два кривыхъ переулка (Первый и Второй Георгіевскіе). Только отъ нынѣшняго зданія военно-окружного суда къ Звѣринцу тянулся ломаный Кончевскій переулокъ (тамъ находились дома Кончевскаго—члена виленск. магистрата XVIII в.). Переулокъ выправленъ и переименованъ въ Георгіевскій проспектъ по Высоч. указу 25 янв. 1852 г., за № 25.931. Мѣсто отъ нынѣшняго военнаго суда до Зеленаго моста было пустымъ. Въ XVIII в. здѣсь были лагери польско-литовскихъ войскъ. Тутъ же находился и пушечный литейный заводъ.

[1]) Акты виленск. арх. ком., т. 37, стр. 109.

натора „о числѣ состоящихъ военноплѣнныхъ за недѣлю съ 1 по 8 янв. (1813 г.)“ значилось—генераловъ 9, офицеровъ 1443, нижнихъ чиновъ 5947; умерло генерал. 1, офицеровъ 189, нижн. чиновъ 1167. [1]).

Всѣ плѣнные, находившіеся въ городѣ, были разселены по пригороднымъ мѣстностямъ: въ кляшторъ св. Петра, Трипоноль, Кальварію и Верки. Тамъ приказано особо приставленнымъ смотрителямъ отдѣлить больныхъ отъ здоровыхъ. Послѣднимъ запрещено выходить и прогуливаться по городу безъ билета гошпитальной полиціи. Въ числѣ особыхъ мѣръ, изданныхъ съ цѣлью прекращенія заразы, обращаетъ на себя вниманіе 9 пунктъ полицейскихъ предписаній, согласно которому жители, „по совѣту врачей, должны употреблять ежедневно въ пищу лукъ, чеснокъ, уксусъ и таковыя вещи имѣть всегда при себѣ [2]).

Отношеніе русскаго правительства къ военноплѣннымъ было предупредительное и заботливое, судя хотя бы по сохранившейся въ архивѣ виленскаго генералъ-губернаторства „Перепискѣ о военноплѣнныхъ съ г. г. графомъ Аракчеевымъ, княземъ Горчаковымъ, Лонгиновымъ, Виллямовымъ и проч.“ [3]). Государь, заботясь о хорошемъ содержаніи плѣнныхъ, приказалъ—„буде плѣнные претерпѣваютъ въ чемъ-либо недостатокъ..., не оставить сдѣлать имъ денежное вспомоществованіе“ [4]). „Для вспомоществованія французскихъ офицеровъ“ государь назначилъ 15.850 р. [5]).

Въ положеніи плѣнныхъ особенное участіе принимала императрица Марія Θеодоровна, даровавшая „на вспоможеніе военноплѣннымъ виртембергскимъ офицерамъ каждому по 100 рублей“... [6]). Роздано было въ Вильнѣ 650 руб., остальные 1350 руб. переданы администраціи.

Заботливость государыни въ этомъ отношеніи доходила до интереса къ отдѣльнымъ военноплѣннымъ. Виллямовъ, напр., пишетъ Корсакову, что „государыня императрица, усмотрѣвъ

---

[1]) Дѣло архива виленск. генер.-губ. № 333, за 1813 г., л. 2.
[2]) Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 124—125.
[3]) Дѣло архива вил. генер.-губ. № 96 за 1813 г.
[4]) Письмо Горчакова къ Корсакову. Тамъ же, листъ 17.
[5]) Дѣло архива вил. ген.-губ. № 39, за 1813 г., л. 10.
[6]) Дѣло арх.-вил. ген.-губ. № 96, за 1813 г., л. 17.

изъ доставленныхъ списковъ,—что поручикъ Рейсъ (4 линейн. полка виртембергской службы) находится въ Вильнѣ..., повелѣть соизволила просить васъ..., чтобы благоволили потребовать отъ него письма къ матери и оное доставить ея импер. велич. для отсылки въ Веймаръ“ [1]).

Въ числѣ военноплѣнныхъ осталось, между прочимъ, болѣе 200 офицеровъ и рядовыхъ „гишпанцевъ и португальцевъ“. Согласно распоряженію русскаго правительства, ихъ приказано было, подъ командой особаго офицера, отправить въ Мемель... „для пересылки оныхъ (чрезъ испанскаго посланника) моремъ въ Гишпанію“. Но такъ какъ у нихъ не оказалось „ни шинелей, ни рубахъ“, то военные начальники, по необходимости, должны были дать имъ все необходимое и деньги. Партія изъ 68 человѣкъ отправилась изъ Вильны въ Мемель. Предписано не дѣлать имъ никакихъ препятствій, оказывать „пособіе къ беззатруднительному полученію продовольствія“, въ случаѣ болѣзни содѣйствовать лѣченію и пр. [2]).

Понятно, содержаніе плѣнныхъ дорого обходилось русской казнѣ. По одной изъ отчетныхъ по этому предмету вѣдомостей, на содержаніе военноплѣнныхъ офицеровъ одному только виленскому коменданту выдано за январь, февраль и мартъ мѣсяцы 1813 г. по 40.000 рублей. На этотъ же предметъ пограничный комиссаръ получилъ 59.800 рублей [3]).

Явились проекты эксплоатировать рабочую силу военноплѣнныхъ, особенно нижнихъ чиновъ. Министръ финансовъ (Гурьевъ) въ своемъ мнѣніи о содержаніи плѣнныхъ 1812 г.“ говоритъ: „Въ числѣ плѣнныхъ находится, безъ сомнѣнія, не малая часть поляковъ, которые всѣ могли бы нынѣ же быть обращены къ укомплектованію полковъ, на Кавказѣ, въ Грузіи и даже на сибирской линіи находящихся, чѣмъ не только уменьшится число плѣнныхъ..., но сохранятся еще собствен-

---

[1]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 96, л. 17. Военноплѣнныхъ герц Баденскаго, Ангальтъ-Дессаускаго и Рейнскаго Союза по Высоч. повел. приказано возвратить въ ихъ отечество. Дѣло арх. вил. ген.-губ. за 1813 г. № 39, л. 76 и 109, л. 78—9.

[2]) Арх. вил. ген.-губ. № 2, 1813 г. „Дѣло о военноплѣнныхъ гишпанцахъ“, стр. 5, 6 и 10; дѣло архива вил. ген.-губ., № 109 за 1813 г., л. 36.

[3]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 39 за 1813 г., л. 10. (Рапортъ Сенъ-Пріеста Корсакову). Тамъ же № 15 за 1813 г., стр. 43. Военноплѣнные генералы получали суточныхъ по три рубля (Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 109 за 1813 г., л. 101).

ные рекруты къ усиленію арміи, противу Франціи дѣйствующихъ“ [1]).

Изъ Вильны часть плѣнныхъ была отправлена на крѣпостныя работы въ Динабургъ и Ригу разными партіями (съ м. мая по іюль 1813 г.) въ количествѣ 1447 человѣкъ [2]). „Съ бѣлорусскихъ губерній наряжаемы были для продолженія крѣпостныхъ работъ въ Бобруйскѣ и Борисовѣ обыватели. Комитетъ освободилъ ихъ отъ сихъ работъ и оставилъ при оныхъ однихъ плѣнныхъ“... [3]).

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ по выздоровленіи и по особому распоряженію были освобождены изъ плѣна. Такъ, напр., генералъ Борштейнъ изъ Вестафаліи, лѣчившійся въ Вильнѣ, въ домѣ Тизенгауза, „отправился въ Петербургъ, по Высочайшему соизволенію, по подорожной господина военнаго губернатора, данной 30 января“. Поручикъ Графэ, лѣчившійся въ домѣ Домбровскаго, съ дозволенія военнаго губернатора, переведенъ въ деревню маршала Радзишевскаго. Бригадный генералъ Гіюнъ, по Высочайшему соизволенію, уѣхалъ въ Петербургъ. Другіе уѣхали въ Кіевъ. Генералъ Грольманъ, подданный баденскій, умеръ въ квартирѣ Германа. Больные плѣнные „были расквартированы“ въ различныхъ домахъ обывателей. Болѣе другихъ ихъ пріютили въ Вильнѣ: домъ университетскій, домъ Павловскаго, Нишковскаго, кс. бернардиновъ, ксендзы доминиканскіе Мацѣевскій, Рейзеръ, Круковскій, Павловскій, Гута, Пацъ и др. [4]).

Есть извѣстія, что поляки, взятые въ плѣнъ, были, по ходатайствамъ, отпускаемы въ свои родныя губерніи „на честное слово“ [5]).

Должно быть, среди плѣнныхъ были охотники служить въ русскихъ войскахъ, потому что генералъ-маіору барону Герздорфу поручено было сформированіе въ Орлѣ легіоновъ изъ военноплѣнныхъ французовъ, которые ждали, повидимому,

---

[1]) Щукинъ. „Бумаги“..., ч. V, стр. 67.

[2]) Дѣло арх. вил. ген.-губерн. „о военно-плѣнныхъ, отправленныхъ во внутрь Россіи“ № 325 за 1813 г., л. 6.

[3]) Щукинъ. „Бумаги“..., т. V, стр. 72. Плѣнные изъ Вильны отправлялись даже въ Тамбовъ и др. далекіе города (Дѣло арх. вил. ген.-губ., № 39 за 1813 г., л. 30)

[4]) Щукинъ. „Бумаги“..., ч. III.

[5]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 32 за 1813 г., л. 5, 8, 13.

прогонныхъ изъ Вильны по 500 руб. [1]). Тамъ же формировался и нѣмецкій легіонъ [2]).

Надзоръ за военноплѣнными, при ихъ многочисленности, не могъ быть, конечно, строгимъ. Поэтому случались факты побѣговъ. Сохранилось „дѣло о побѣгѣ французскаго генерала Серрана“ съ 15 офицерами. Онъ бѣжалъ „при отправленіи его изъ Вильны во внутрь Россіи 22 марта“... „Хотя онъ безъ разума и безъ всякаго дарованія,—доносили русскія власти,—со склонностью къ большому пьянству, но со всѣмъ тѣмъ трудно было думать, чтобы генералъ сдѣлалъ сей гнусный поступокъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ причины къ оному: былъ, какъ и другіе здѣсь плѣнные, хорошо содержанъ“. Приказано было слѣдить за бѣглецами. Изъ рапорта „правящаго должность гродненскаго гражданскаго губернатора“ видно, что военноплѣнные бѣжали, переправляясь черезъ Бугъ, на Влодаву, въ Австрію, „помощью рыболововъ“ [3]).

Собираніе оружія. Кромѣ военныхъ трофеевъ, доставшихся русскимъ въ сраженіи съ французами, въ Россіи, по выходѣ изъ нея французовъ, осталось въ разныхъ мѣстахъ много оружія, пушекъ, пистолетовъ и пр. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы этого рода вещи „аммуничныя и гошпитальныя“, которыя „еще не открыты или перешли въ частныя руки, или же скрываются подъ названіемъ частной собственности“, были переданы въ интендантское управленіе, въ вѣдомство комиссаріатскаго комиссіонера [4]).

Правительство не желало конфисковать оружія: „За каждое годное въ употребленіе солдатское ружье, за каждую пару пистолетовъ предлагалось по пяти рублей“. „Кто же отыщетъ брошенную въ полѣ, зарытую или потопленную пушку и о томъ донесетъ, тому пятьдесятъ рублей“ [5]).

---

[1]) Тамъ же, № 96 за 1813 г., л. 52.

[2]) Тамъ же, № 109 за 1813 г., л. 36.

[3]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 150 за 1813 г., стр. 3—11; № 196 за 1813 г. Плѣнные иногда переправлялись чрезъ границу по паспортамъ евреевъ (тамъ же № 53 за 1813 г.). Въ Россіенскомъ повѣтѣ, въ лѣсу помѣщика Вишневскаго, укрывались плѣнные французы. По этому поводу было произведено обстоятельное слѣдствіе. (Дѣло арх. вил. ген.-губерн. № 333 за 1813 г., стр. 180—190 и др.).

[4]) Распоряженіе 7 декабря. Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 110.

[5]) Дѣло арх. вил. ген.-губ., № 100 за 1812 г., документъ № 18

Въ такомъ же родѣ было сдѣлано распоряженіе во всѣхъ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ. Кутузовъ, узнавъ, „что многіе изъ жителей бѣлорусскихъ, минскихъ и обѣихъ литовскихъ губерній, собирая на поляхъ и въ лѣсахъ разбросанныя непріятелемъ ружья, удерживаютъ оныя у себя и не представляютъ правительству“, — приказалъ „безъ дальнѣйшаго упущенія представить ихъ подъ страхомъ большой отвѣтственности“ [1]).

Особенно много хлопотъ соединено было съ доставкой французскихъ пушекъ въ Москву. Генералъ-маіору Рѣзвому поручалось собрать „разбросанную непріятелемъ артиллерію и приготовить ее къ отправленію въ Москву“. Въ виду этого, „всѣмъ жителямъ объявлялось съ подпискою, чтобы они изъ всѣхъ мѣстъ, домовъ и улицъ, какія только есть непріятелемъ брошенныя пушки, ружья и другія орудія, собрали и представили въ арсеналъ къ юнкеръ-цейхвальдеру Чинову“ [2]). Когда орудія были собраны, послѣдовало распоряженіе объявить „съ барабаннымъ боемъ“ всѣмъ находившимся въ Вильнѣ извозчикамъ... о необходимости перевезти въ Москву 232 пушки, безъ лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ. По этому предмету назначены были торги. На торгахъ была установлена плата за доставленный трудъ по 5 рублей 80 коп. На перевозку пушекъ и другихъ вещей отпущено было изъ казны 250.000 рублей. Подрядчику сразу же выдано 40.000 р. [3]).

„Дѣло собиранія ружей и военныхъ вещей“ оффиціально прекратилось въ мѣсяцѣ сентябрѣ 1813 г. [4]).

Желѣзныя мельницы. Отступавшей французской арміей оставлены были ручныя желѣзныя мельницы, раскупленныя жителями. Эртель предписалъ въ теченіе двухъ дней представить мельницы, „съ тѣмъ, что заплаченныя“ за нихъ „деньги возвращены будутъ“ [5]). Такихъ мельницъ, бывшихъ

---

[1]) Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 119—120.

[2]) Распоряж. Эртеля 18 декабря. Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 119.

[3]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. „О перевозкѣ въ Москву взятыхъ у непріятеля орудій“ № 15—за 1813 г., стр. 7, 9, 13, 16, 21 и 59.

[4]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 100 за 1812 г., стр. 122.

[5]) Акты вил арх. ком., т. 37, стр. 119.

при непріятелѣ, собрано и представлено военнымъ генералъ-полиціймейстеромъ 21 [1]).

Обыватели, по разнымъ побужденіямъ, скрывали у себя оставленныя французами разныя вещи. По этому поводу возбуждались „дѣла“.

Срытіе укрѣпленій. Укрѣпленія, сдѣланныя французами, были срыты. Въ архивѣ виленскаго ген.-губерн. сохранилось дѣло „объ уничтоженіи въ Ковнѣ подѣланныхъ французами укрѣпленій и о разрытіи близъ Вильны 9 французскихъ батарей“. Однако трудно было въ рабочую пору найти работниковъ для „разрытія“. Объ этомъ виленскій гражданскій губернаторъ доносилъ военнымъ властямъ. Виленское дворянство, въ виду необходимости исполнить приказаніе, ассигновало по 1000 руб. за каждую разрытую батарею, только бы разрыли ее не „люди въ натурѣ“, а войска. На этотъ предметъ было ассигновано 8000 рублей. Девятую батарею предполагалось разрыть безплатно. Батареи находились за рѣкой Виліей, за Зеленымъ мостомъ. Впослѣдствіи плата за разрытіе была уменьшена до 6000 рублей [2]).

Пути сообщенія. Изъ другихъ распоряженій правительства, связанныхъ съ Отечественной войной, упомянемъ объ устройствѣ военныхъ постоянныхъ дорогъ [3]).

Съ 10 декабря была возстановлена правильная дѣтельность почты въ Вильнѣ, о чемъ и опубликовано въ городѣ [4]).

Труднѣе было возстановить трактовое почтовое сообщеніе на большихъ разстояніяхъ. Чиновники, разъѣзжавшіе по дѣламъ, не могли найти на станціи ни лошадей, ни фуража, „по причинѣ крайняго разоренія непріятелей“ [5]). Ошмянскій

---

[1]) Дѣло вил. ген.-губ. № 100 за 1812 г., документъ № 3, рапортъ отъ 21 декабря № 169. Сохранилась вѣдомость о количествѣ вина, оставленнаго французами въ г. Вильнѣ. Оно исчислено десятками тысячъ бутылокъ. Впрочемъ, по поводу оставленнаго вина въ документахъ находятся „изъясненія“, изъ которыхъ слѣдуетъ, что виленскіе купцы заявили претензіи, что значительная часть вина—ихъ собственность. Дѣло арх. вилен. ген.-губ. № 100, за 1812 г., документъ № 12.

[2]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 3 за 1813 г., стр. 7, 10, 19.

[3]) Тамъ же, № 64 за 1813 г.

[4]) Акты вил. арх. ком., т. 37, стр. 114.

[5]) Дѣло арх. виленск. ген.-губ. № 103 за 1812 г., стр. 24.

исправникъ доносилъ, что выполнить почтовую обязанность очень трудно, „по причинѣ разоренія... имѣній французскими войсками“ [1]).

Для почтоваго и разъѣзднаго сообщенія не оказывалось лошадей. Чиновники, выѣхавшіе изъ Вильны и желавшіе устроить станцію въ Неменчинѣ, „совершенно непріятельскими войсками опустошенную“, по словамъ ихъ рапорта, „разъѣхались въ разныя стороны, гдѣ черезъ цѣлую ночь и день едва могли найтить, при помощи сотскихъ и десятниковъ, шесть троекъ лошадей“ [2]). Къ веснѣ 1813 г. сообщеніе на главныхъ трактахъ (Вильна—Псковъ—Петербургъ) наладилось. Присутственныя мѣста начали правильныя функціи, и потекла обычная жизнь [3]). Согласно донесеніямъ губернскихъ начальниковъ, въ мѣсяцѣ мартѣ 1813 г. „трудныя обстоятельства первыхъ мѣсяцевъ по отступленіи непріятеля, благодаря Бога, много уменьшились.., и присутственныя мѣста воспріяли свое теченіе“ [4]).

Рескриптъ Государя.

Государь императоръ близко принималъ къ сердцу интересы Сѣверо-западнаго края, истощеннаго въ знаменательный 1812 г. Литовскій военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ въ 1813 г. получилъ отъ императора Александра I рескриптъ, изъ котораго видно, что, по докладу рижскаго военнаго губернатора, „дворянство Тельшевскаго повѣта изъявляетъ желаніе вспомоществовать отъ достоянія своего обмундировкѣ формируемыхъ въ Ригѣ баталіоновъ“... Императоръ поручаетъ „изъявить свое благоволеніе сословію сему за таковой благонамѣренный подвигъ, служащій новымъ доказательствомъ усердія онаго ко благу отечества“... Но однако „принять предлагаемыя приношенія“ императоръ отказался, „вѣдая разстройство, при-

---

[1]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 96 за 1812 г., рапортъ ошмянскаго земскаго исправника, стр. 13.

[2]) Дѣло арх. виленск. ген.-губ. № 96, за 1813 г., стр. 16 и 228.

[3]) Таможни и нѣкоторыя судебныя инстанціи въ краѣ стали функціонировать уже съ половины января 1813 г. Казенная виленская палата—съ 8 марта (Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 54 за 1813 г., л. 27). Чиновникмъ губернск. правл. и др., не получившимъ жалованья, отправившимся во внутрь Россіи, было выдано полугодовое содержаніе (Тамъ же, л. 32).

[4]) Дѣло арх. вил. ген.-губ. № 103 за 1812 г., документъ отъ 6 марта 1813 г. № 1889, межъ 115—116 листами.

чиненное Виленской губерніи непріятелемъ. Да обратитъ тельшевское дворянство жертвуемую сумму на поправленіе собственнаго хозяйства и на вспомоществованіе соотечественникамъ, подобно имъ потерпѣвшимъ". Данъ въ Оберъ-Гродцѣ 23 мая 1813 г. [1]).

Изданъ былъ циркуляръ къ начальникамъ губерній съ предложеніемъ сообщить о лицахъ, которыя бы отличались особенными подвигами любви и привязанности къ Россіи въ 1812 г. Было донесено, что въ Виленской губ. о такихъ лицахъ „вовсе не имѣется свѣдѣній" [2]).

Впрочемъ, въ бумагахъ Щукина сохранился документъ, свидѣтельствующій о героизмѣ юнкера Гульцова, который, „имѣя признаки чахотки, находился въ госпиталѣ, передъ выступленіемъ въ 1812 г. нашей гвардіи въ походъ. Узнавъ о походѣ, онъ явился къ полковому командиру графу Орлову-Денисову и просилъ взять его въ походъ. Графъ сказалъ, чтобы онъ прежде поправился здоровьемъ.

— „Здоровье твое столь худо, что ты будешь теперь безполезенъ въ походѣ".

— „Все равно умереть,—отвѣчалъ Гульцовъ,—но прежде, нежели убьютъ меня, я заплачу за себя. А здѣсь умру безъ всякой пользы."

Графъ не могъ отговорить Гульцова...

Гульцовъ сдержалъ свое слово: когда 14 іюня къ Трокамъ приближались три эскадрона непріятельскихъ гусаръ, имѣвшихъ дѣло съ войсками графа Орлова-Денисова, „Гульцовъ первый ворвался въ ряды непріятельскіе и сразилъ до десяти человѣкъ. По окончаніи дѣла, графъ благодарилъ его за примѣрную храбрость и ловкость.

— „Теперь умру спокойно!"—отвѣчалъ Гульцовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней онъ былъ тяжело раненъ и умеръ [3]).

---

[1]) Щукинъ: „Бумаги...", т. VII, стр. 213.

[2]) Историч. зап. о состояніи Виленск. губ. въ 1812 г., составл. Вил. гражд. губ. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.—К. Военскій. „Акты, док. и мат. для истор. 1812 г.", стр. 397.

[3]) Къ сожалѣнію, отсутствіе указаній, изъ какихъ бумагъ заимствованъ Щукинымъ этотъ фактъ, и каковы источники его достовѣрности, даетъ основаніе думать, что въ него могли вкрасться неточности.

Объ убыткахъ Виленскихъ жителей.

О потеряхъ, понесенныхъ жителями Виленской губерніи, представлены весьма недостаточныя и неопредѣленныя свѣдѣнія и то въ нѣкоторыхъ только уѣздахъ, а именно; „Въ Виленскомъ исчислено убытку на 602.309 руб. 57½ коп. сер., въ Тельшевскомъ—на милліонъ рублей ассигнаціями, въ Ковенскомъ—на 233.986 руб. 87 коп. сер., въ городѣ Шавляхъ на 26.431 руб. сер., въ Шавельскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ князя Зубова, на 130.168 руб. 44 коп. сер., въ городѣ Россіенахъ и окрестностяхъ онаго—на 100 тысячъ руб. сер. Свѣдѣній о потеряхъ въ другихъ мѣстахъ Виленской губерніи не доставлено. За всѣ причиненные непріятелями убытки жители не получали вознагражденія ни отъ правительства, ни отъ частныхъ людей“ [1]). „Въ Виленскомъ уѣздѣ сожжено дворовъ и корчемъ 295 и чрезъ то понесено убытку—на 36.585 руб. серебромъ“. „Въ городѣ Видзахъ находилось 450 дворовъ, изъ коихъ истреблено пожаромъ 16 жилыхъ домовъ и часть лавокъ, также одна водяная мельница. Убытку отъ того происшедшаго, исчислить и опредѣлить невозможно“. [2])

Такъ кончился „кровавый пиръ“, химера Наполеона стоившая около полумилліона жизней... и огромныхъ милліардныхъ расходовъ [3]).

Какъ бы въ награду за всѣ бѣдствія, понесенныя Литвой, „Провидѣніе надѣлило Литву неожиданнымъ урожаемъ до того, что даже жители не испытали голода и возвратившееся въ Литву русское войско сыскало для себя всякую доставку“ [4]).

---

[1]) Историч. зап. о состояніи Виленск. губ. въ 1812 г., составл. Вил. гражданск. губерн. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.—К. Военскій. „Акты, докум. и матер. для истор. 1812 г.“. Т. I. СПБ. 1909, стр. 396.

[2]) Тамъ же, стр. 396—397.

[3]) Съ 1804 по 1815 годъ однихъ уроженцевъ Франціи, по свидѣтельству бывшаго директора рекрутскаго набора въ эпоху имперіи. Наполеонъ погубилъ болѣе 1.700.000 людей. Къ этому слѣдуетъ прибавить около 2.000.000 убитыхъ въ качествѣ его союзниковъ или враговъ. Тэнъ. „Наполеонъ Бонапартъ“, 118.

[4]) Записка графа Адама Хрептовича, бывш. въ 1812 году членомъ администр. Вилен. Д-та, о происш. въ Вил. губ.—К. Военскій. „Акты, документы и матер. для истор. 1812 г.“. Т. I. СПБ. 1909, стр. 409.

„По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать, съ лицъ нашихъ,—говоритъ современникъ,—морщины со лбовъ но, увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ то еще народъ русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика. Бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто бы уже никогда и не бывало“ [1]).

---

[1]) Вигель. „Воспоминанія...“, ч. IV, стр. 75.